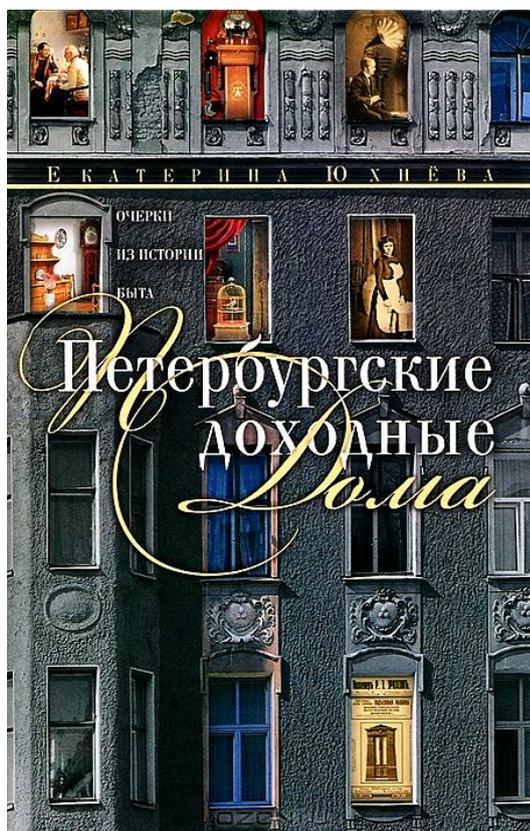

Екатерина Даниловна Юхнёва

Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта

Введение

Зачем написана эта книга?

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечесье.
Вот этот дом, нам послуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

С. Маршак

И никогда не будет мной забыт
Огромный дом, массив кирпичной плоти,
Я помню цокот ломовых копыт

В таинственных тоннелях подворотен;
Гул примусов и неуют квартир,
Поленницы с осклизлыми дровами,
И пристальное вглядывание в мир
Сквозь радужную призму упований.

В. Шефнер

Перед вами, дорогой читатель, – книга о доходных домах Петербурга. Мы вроде бы прекрасно знаем их, поскольку многие из нас еще живут в очень старых домах. Кто-то бывал в гостях в подобном жилье. Уж нам ли их не знать! Казалось бы, и изучать тут нечего. Но разве не любопытно узнать, как жили люди без водопровода, канализации, парового отопления, электричества и прочих бытовых благ, привнесенных техническим прогрессом? В сутолоке будней мы мало обращаем внимания, как меняются жизнь и, в частности, наше жилище.

Мне скоро исполнится полвека, и даже на моей памяти произошли потрясающие бытовые изменения. Я родилась в центре Ленинграда еще при печном отоплении. Когда у нас появилось паровое отопление, печку продолжали иногда протапливать в дождливые холодные дни, при отключенных на полгода батареях. И бесконечно жаль, что живой трескучий огонь в топке и теплый бок печки-голландки, к которому можно было прижаться, и запах дров во дворах ушли из нашей жизни, хотя, конечно, паровое отопление очень удобно.

Я еще помню застроенные дровяными сараями тесные ленинградские дворы, после сноса сараев внезапно опустевшие и ставшие такими просторными. И было жаль, что не придется больше съезжать с покатой крыши сарая в мягкий сугроб. А в дровяники на лестницах, что находились у дверей каждой квартиры, начали складывать наши с братом старые игрушки и другой домашний хлам.

Помню (мне было девять лет), пришли рабочие и разобрали кирпичную кухонную плиту (ее уже давно не топили, а покрыв клеенкой, использовали как хозяйственный стол). На ее фундаменте поставили ванну, и прекратились наши еженедельные походы в баню. Я любила баню, ощущая в ней свою взрослость. Ведь детей долго, лет до семи, мыли в довольно больших оцинкованных ванночках дома. А спустя года три после установки ванны провели горячую воду, помню, как мы, дети, радовались этому, поскольку выполнять нашу обязанность – мыть посуду – стало гораздо приятнее под краном, а не в тазике с жирной водой.

Впервые я попала в «хрущевку», когда в первом классе меня пригласила в гости девочка-одноклассница. Квартира из четырех комнат выглядела такой миниатюрной, что показалась мне тогда какой-то «невсамделишной». По площади в нашей обычной старопетербургской двухкомнатной могли поместиться две такие четырехкомнатные квартиры, а по объему – больше трех. Мебель в «хрущевке» выглядела непривычно миниатюрной, и казалось, что жилье приспособлено лишь для детей и живут в ней одни дети. Помню, что везде сидели куклы, и про себя я назвала эту квартиру «кукольным домиком».

У нас дома постепенно появлялись новые вещи: телевизор «Ленинград» с маленьким экраном и большой линзой, высокий, с закругленными углами холодильник «ЗИСМосква». Правда, с появлением электрического холодильника мы, как и многие, продолжали пользоваться и ящиком-холодильником за окном.

Так в детстве я стала не просто свидетелем, а на себе прочувствовала те кардинальные, прямо-таки революционные изменения жилища.

На наших глазах по сей день уходит в небытие старое петербургское жилье. Какие-то квартиры с их петербургским обликом погибли при капитальном ремонте здания, какие-то при так называемом «евроремонте» самих квартир. Петербург как будто надел маску. Сохраняются только фасады-маски, за ними прячется современное жилище.

Уничтожается истинная планировка петербургских квартир, исчезают их печи-голландки и камины, лепные плафоны, массивные филенчатые двери с медными ручками, окна с привычными петербургскими рамами заменяются на разнокалиберные стеклопакеты.

Эта книга – попытка создания своеобразного памятника не парадному, а повседневному Петербургу, где жили мы, наши родители, наши бабушки и дедушки. Тому Петербургу, что сложился к началу XX века. И хотя городу вернули его историческое имя, но нас все дальше и дальше уносит от подлинного старого Петербурга река времени. Как хорошо сказал в одном из своих стихотворений интеллигентно-петербургский артист С.

Ландграф:

Мы вышли все из Ленинграда,
Но в Петербург мы не пришли...

Кому адресована эта книга? Всем нам. Старшему поколению, надеюсь, будет приятно вспоминать вместе со мной о своем житье-бытье. У них я прошу прощения за подробные описания довольно банальных для них предметов и явлений. Но я делаю это для молодежи, для которой наша бытовая история – terra incognita. И, что забавно, уровень представления по истории повседневности, быта одинаково низок как у школьников обычных школ, так и у студентов, оканчивающих исторические факультеты.

«Новое – хорошо забытое старое». Сегодня многие, разбогатевшие в смутное время перестройки, вкладывают деньги в приобретение квартир для последующей сдачи их в наем. Возможно, читателям этой категории будет любопытно и полезно ознакомиться с деталями прежних взаимоотношений квартиранта и домохозяина, узнать, что и на каких условиях сдавалось под жилье, а что – под торгово-ремесленные заведения.

Как писалась эта книга?

Само понятие «бытовая история» – чрезвычайно обширно. Отбор затрагиваемых в данной книге тем и степень обстоятельности их изложения, конечно, весьма субъективны. О чем-то упоминается вскользь, о чем-то рассказано подробнее. Ведь о многих аспектах (о городской архитектуре, о технике строительства и т. д.) написаны многочисленные обстоятельные монографии. Я же старалась сосредоточиться на малоизвестном.

Мне хотелось, с одной стороны, избежать ностальгических сетований со слезой об утраченном блистательном Санкт-Петербурге с роскошными «барскими» квартирами, а поддаться этому искушению так легко – ведь сохранилось много материалов по жилищам высших слоев петербуржцев: это и планы квартир с полным описанием обстановки всех парадных комнат, и изобразительные, и мемуарные, и эпистолярные источники.

С другой стороны, не стоит увлекаться и живописанием ужасающей жизни городского дна, где единицей найма выступала даже не койка, а пол-койки. Хотя к этому толкает обилие материала – существует масса обследований второй половины XIX века: это отчеты фабричной инспекции, санитарных врачей и всевозможных комиссий. Да вся демократическая пишущая общественность не жалела «темных красок» для описания жилищ бедноты.

Крайне мало материалов по самому массовому жилищу – квартирам средних слоев (чиновников, разночинцев, купцов, мещан, ремесленников). Для реконструкции реального положения дел в жилищной сфере Петербурга основным источником для меня являлись опубликованные данные городских переписей, которые проводились примерно 1 раз в 10 лет: 1869, 1881, 1890, 1900 гг. Результаты переписей публиковались в трех или четырех томах. Сведения о жилищах помещены во 2-й части (томе) – «Квартиры»; в 3-й части – «Дворовые места»; и в 4-й части – «Общий обзор данных переписи».

Другим источником служили обмерные планы квартир, они сохранились практически для всех петербургских домов. Это – единственный источник, дающий представление о площади жилища. Из обмерных планов можно выявить расположение комнат во внутриквартирном пространстве, иногда – их функциональное назначение и даже расстановку мебели. Планы дают представление об условиях жизни прислуги: жила ли прислуга в кухне или были отдельные помещения, на проживание скольких человек они были рассчитаны. Расположение, конфигурация и размеры внутриквартирных удобств (печей, плит, каминов, ванн, ватерклозетов) также отражены на планах.

Ценным источником являются натурные обследования, поскольку около 23 % домов не прошли капитальный ремонт. Но необходимо помнить, что они не дают представления о петербургском доходном доме во всем его многообразии. Мы имеем дело только с самыми добротными каменными домами. Таким образом, этот источник может дать представление только о жилищах средних и высших слоев петербуржцев.

Врачебно-полицейские обследования представляют собой натурные обследования конца XIX века, проводимые полицейскими или городскими врачами. Из опубликованных обследований наиболее полное – «Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции, составлено по распоряжению СПб градоначальника генерал-майора Н.В. Клейгельса врачами Петербургской столичной полиции при участии и под редакцией старшего врача И. Еремеева», опубликованное в 1897 году. Это очень репрезентативное издание – в нем представлены бытовые условия всех районов Петербурга, ведь обследовались и описывались жилищные условия и связанные с ними элементы городского благоустройства (водоснабжение, прачечные и портомойни, удаление экскрементов и мусора, уборка лестниц и улиц).

С середины XIX века, когда начинается массовое появление доходных домов, публикуются различные специальные справочные издания, которые объясняли

домовладельцам их права и обязанности, а также содержали практические советы. Во всех этих справочных изданиях приводятся законодательные акты и распоряжения городских властей, касающиеся домовладельцев, образцы договоров найма и квартирных расчетных книжек.

В Петербурге издавалось множество рекламных изданий, в которых можно найти массовый материал, характеризующий сдаваемые внаем квартиры: место расположения квартиры, количество комнат, удобства (дрова, ванна, ватерклозет, электричество, телефон, лифт, электрический звонок), услуги (дворника, швейцара, полотера, «домашний стол»), службы (ледник, конюшни, сарай), мебель и посуда, цена квартиры. При изучении общественного мнения они интересны для выявления, что современниками в квартирах ценилось, считалось привлекательным.

Художественная литература также использована при реконструкции некоторых аспектов ментальности жильцов доходных домов: во-первых, что было наиболее значимо для них в характеристике квартир, а что воспринималось как норма; во-вторых, оценка самими жильцами своих жилищных условий; в-третьих, отношение к аренде, с одной стороны, квартиронанимателя с домовладельцем, с другой – его же с жильцами, которым он сдавал часть арендуемой им квартиры. Обычно жилищные проблемы не являются сюжетом, а упоминаются вскользь в художественных произведениях. Именно поэтому достоверность их достаточно высока.

Более внимательны к повседневности женские воспоминания. Также для жилищной проблематики интересны те части воспоминаний, где описываются детские впечатления. Воспоминания ценны тем, что в них представлены описания жилищ различных социальных слоев, в том числе и городских низов. Еще в XIX веке демократические журналы печатали воспоминания рабочих. Но особенно большое значение воспоминаниям рабочих стали придавать после Октябрьской революции.

Несколько особняком стоят воспоминания, авторы которых ставили своей специальной задачей описание быта современного им Петербурга. Например, Залесский А.И. «Поездка в Петербург в 1901 году (впечатления и заметки)», СПб., 1904; Засосов Д.А., Пызин В.И. «Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов (записки очевидцев)», Л., 1991; Кильштет К.Е. «Воспоминания старого петроградца», Птг., 1916; Кони А.Ф. «Воспоминания старожила», Птг., 1922; Светлов С.Ф. «Петербургская жизнь в конце XIX столетия (в 1892 году)», СПб., 1998; Успенский Л. «Записки старого петербуржца», Л., 1970.

В целом привлеченные источники, по полноте содержащихся в них данных, позволяют воссоздать довольно реалистичную картину жизни петербургского доходного дома.

Раздел I Что такое доходный дом

Доходными домами называются здания, специально построенные или перепланированные для сдачи квартир внаем на длительный срок.

Глава 1 Краткие общие сведения

О Петербурге сложился устойчивый миф как о каменном городе. Начало мифу положил Петр I серией своих указов о запрещении каменного строительства по всей России, кроме Петербурга, и о возведении в новой столице исключительно каменных, из кирпича, «образцовых домов». Это была неосуществленная мечта царя-реформатора. В целом по городу на протяжении 200-летней столичной жизни деревянные дома составляли большинство жилищного фонда. По «Статистическим сведениям о Санкт-Петербурге», всю первую половину XIX века деревянные дома составляли $\frac{2}{3}$ городской застройки: в 1798 году из 6072 домов Петербурга только 1834 были каменными, а в 1833 году из 7976 домов – 2730. Ежегодно строилось примерно по 30 каменных домов.

Комитет городских строений и гидравлических работ, учрежденный 3 мая 1816 года во главе с А. Бетанкуром, запретил строить деревянные здания в центральной части города, на Васильевском острове (от Биржи до 13-й линии), в кварталах Литейной, Московской, Каретной и Петербургской частей, примыкавших к центру города. Поэтому, естественно, не все районы города выглядели одинаково. В первой половине XIX века Петербургская и Выборгская стороны, Охта, южные предместья и западная часть Васильевского острова застраивались исключительно деревянными одноэтажными домиками, среди многочисленных пустырей, служивших выгонами для скота.

Как известно из Городской переписи 1881 года, количество каменных домов стало впервые превышать количество деревянных в Петербурге лишь в 1880-е годы: каменных домов насчитывалось 11 169, деревянных – 10 232 и смешанных – 786 (на кирпичном первом цокольном этаже надстраивался второй – деревянный). По статистическому ежегоднику Санкт-Петербурга за 1893 год ежегодно в среднем строилось 480 домов, из них – 260 каменных.

Светлой нитью вдаль уходит
Гордый, тесный ряд домов.
И весенним ровным солнцем
Каждый камень озарен.

А. Добролюбов. Литейный вешним утром

Строительство каменных домов в различных районах происходило крайне неравномерно. К концу XIX века город был каменным только в центральной части, ограниченной Фонтанкой и Крюковым каналом. Кирпичные дома здесь составляли от 96 до 100 %. От $\frac{3}{4}$ и более подобных домов высились вдоль Литейного, Владимирского и Загородного проспектов, в Коломне, а также на восточной оконечности Васильевского острова. Равное количество деревянных и каменных домов приходилось на Староневский проспект и широкую полосу вдоль Забалканского (Московского) проспекта. А на Петербургской, Выборгской сторонах, на Охте деревянные дома составляли большинство даже в конце XIX века. Из переписи 1890 года известно, что на Петербургской стороне на разных участках деревянные дома составляли от 52 до 87 % и на Выборгской стороне – от 54 до 85 %. Итак, даже Петербург был наполовину деревянным городом.

*Каменные и деревянные доходные дома на перекрестке Надеждинской и Бассейной улиц
(ныне – Маяковского и Некрасова).*

Акварель Ф.Ф. Баганца. 1860-е гг.

Мнения современников

Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом....
Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы охватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя...

А. С. Пушкин. Домик в Коломне

Почему же петербуржцы XIX века упорно считали свой город каменным, несмотря на то что фактически он был наполовину деревянным? В формировании облика Петербурга в сознании горожан главную роль играла центральная часть. Именно этот Петербург многократно описан и воспет писателями и поэтами. Он ужасал их: Мертвы и сумрачны домов немых громады.

А. Голенищев-Кутузов. Лампада

В мертвых громадах кирпичных,
Мокрых от вечных дождей,
Много их – серых, безличных,
Смертью дышащих людей.
Дети каменной неволи
Многоярусных гробниц!

В. Князев. Из цикла «Проклятый город»

Статистические данные, приведенные выше, указывают на материал постройки, но не на облик дома. В Петербурге было принято штукатурить деревянные дома, делая их внешне практически неотличимыми от каменных. Так, в разных районах оштукатуривались от 30 до 73 % деревянных домов. Это делалось как для сохранности древесины во влажном климате, так и из-за соображений престижа, а значит – более высокой цены квартир, сдаваемых в аренду. Выступающие концы бревен закрывали вертикальными досками (что препятствовало их гниению) и штукатурили. Получались пилястры, указывающие на количество капитальных перпендикулярных стен. Чтобы придать дому респектабельный вид, его украшали деревянными (тоже оштукатуренными) карнизами с резными барочными или античными орнаментами, возводили деревянные портики с деревянными колоннами.

Большой проспект В.О. Фото до 1914 г.

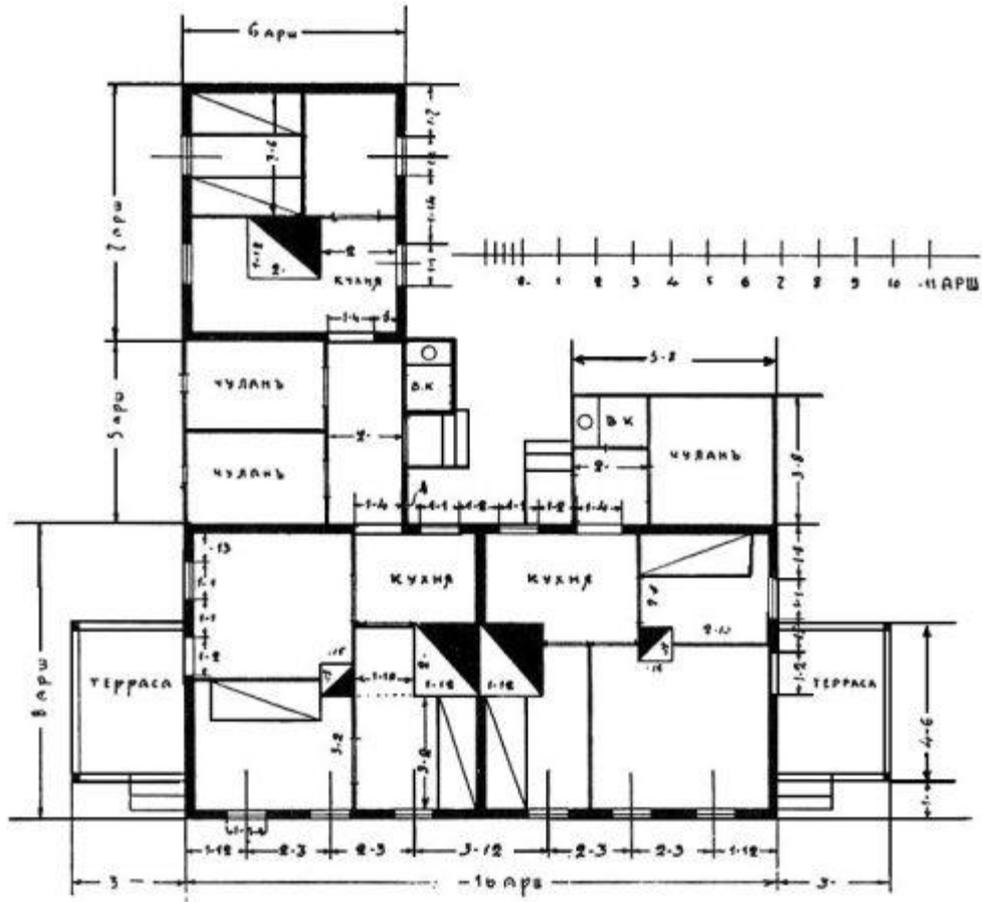
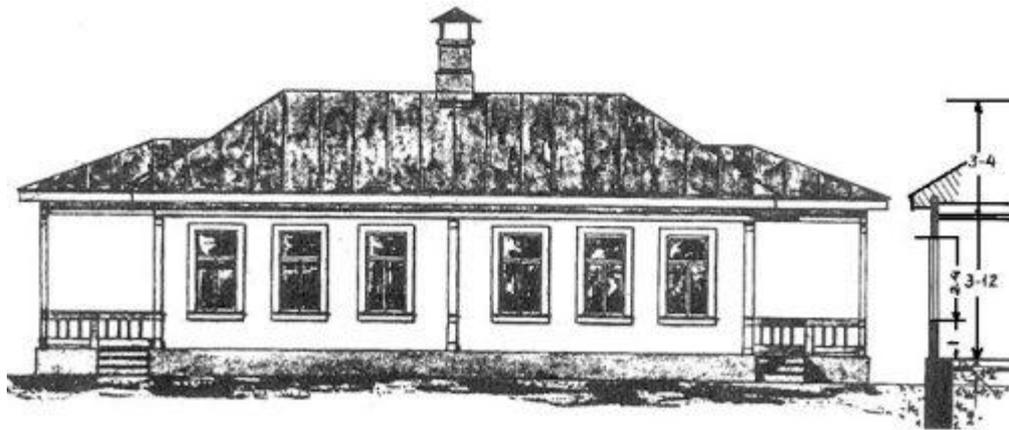
Большая Дворянская улица. Фото 1900 гг.

И колонны, и пилястры завершались деревянными резными капителями, которые после оштукатуривания по виду не отличались от каменных. Кстати, и у каменных дворцов иногда сооружались деревянные колонны (сделанные из дуба, они отличались чрезвычайным долголетием).

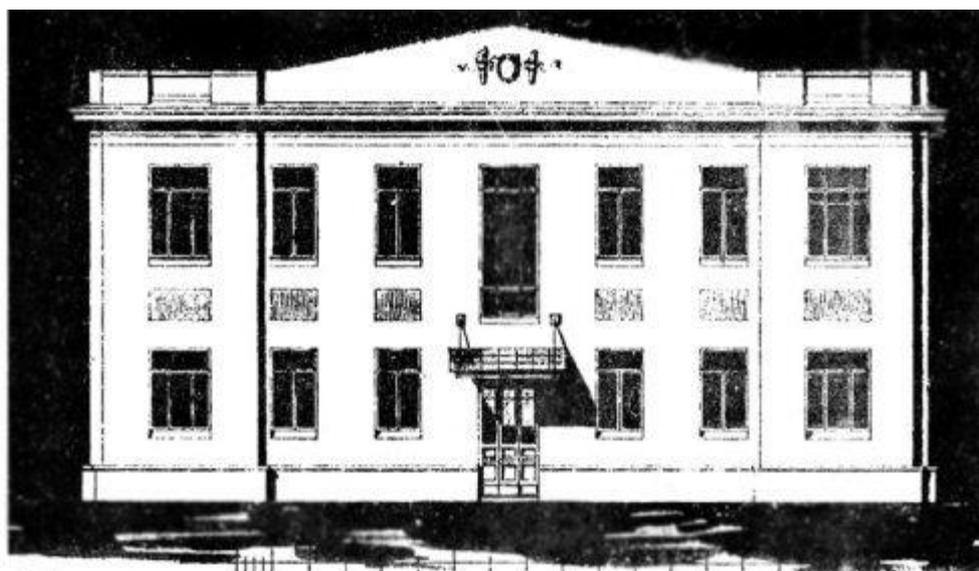
Для восприятия города как каменного (более чем подлинное количество домов из кирпича) важен тот фактор, что каменные дома строились в основном многоквартирными, поэтому к концу XIX века четверо из пяти петербуржцев жили в каменных домах.

Как же относились к материалу постройки своих жилищ сами горожане? Россияне традиционно предпочитали жить в деревянных, считая их более пригодными для жилья, как бы мы сегодня сказали – более экологичными.

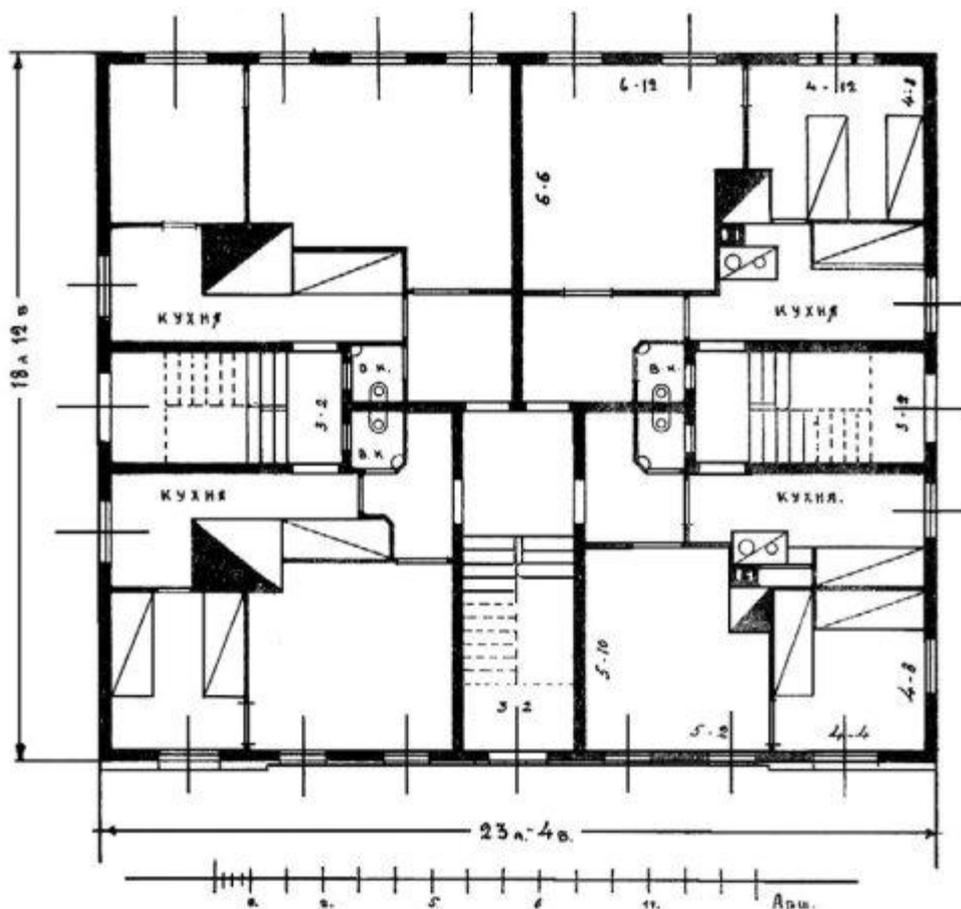
Кроме того, каменные дома оказывались настолько дорогими в строительстве и содержании, что владение ими наводило на мысль о нечестных способах приобретения. Это, кстати, нашло отражение в пословице: «От трудов праведных не наживешь палат каменных».

Одноэтажный доходный дом оштукатуренный на 2 трехкомнатные квартиры, посередине – пилястра, закрывающая концы бревен. Альбом проектов Г.М. Судейкина. 1916 г.

Планъ.

Проект двухэтажного доходного дома размером 12 x 16 метров: 8 двухкомнатных квартир, теплый ватерклозет, кухня с уголком для постели прислуги. Каждая квартира имеет парадный и черный ходы. Альбом проектов Г.М. Судейкина. 1916 г.

Возникает резонный вопрос: зачем же все-таки возводились каменные строения? Иметь каменный дом было престижно, и это, пожалуй, единственное объяснение. Престижность каменного дома в сочетании с привычкой и желанием жить в деревянных помещениях привели к распространению смешанных домов: деревянный верх – с жилыми комнатами, а в каменном первом этаже располагались или парадные помещения, если дом

принадлежал дворянину, или торговые и складские помещения, если домовладельцем был купец. Конечно, речь идет здесь об особняках.

Смешанный дом первый этаж каменный, а второй деревянный – на Малой Итальянской. Акварель Ф.Ф. Баганца. 1860-е гг. Фрагмент

В начале XX века Петербургская и Выборгская стороны, Охта, южные окраины и западная часть Васильевского острова, состоявшие почти исключительно из деревянных одноэтажных домиков и воспринимавшиеся современниками как предместья (хотя официально они входили в границы города), начали застраиваться каменными громадами.

Дома стоят, как каменные горы,
Над маревом болотистых полян,
Осклизлые, но то не кровь из ран,
А гной, смертельный гной точат их поры.

А. Скалдин. Петербург

Районы, ранее похожие на улочки второстепенного уездного города, теперь почти ничем не отличаются от центральных. В августе 1903 года писатель С.Р. Минцлов записывает в своем дневнике: «Строительная горячка, несколько лет охватившая Петербург,

продолжает свирепствовать. Везде леса и леса; два-три года тому назад Пески представляли собой богоспасаемую тихую окраину, еще полную деревянных домиков и таких же заборов. Теперь это столица. Домики почти исчезли, на их местах, как грибы, в одно, много в два лета, повыросли громадные домины; особенно быстро похорошела третья Рождественская. <...> Замечательно и то, что иные дома стоят еще без дверей и окон, из них тянет, как из погребов, сыростью и холодом, а уже в газетах пестреют объявления о сдаче квартир в них. Нарасхват идут!»

В июле 1904 года С.Р. Минцлов возвращается к этой теме: «Старый Петербург все уничтожается и уничтожается... Нет ни одной улицы почти, где бы старые двух– и даже трехэтажные дома не ломались; теперь на их месте возводятся новые кирпичные же громады».

Быстрые изменения облика города, происходившие в последней четверти XIX века и в начале XX века, крайне негативно воспринимались современниками. От восторженного пушкинского признания «Люблю твой строгий стройный вид» постепенно к концу века формируется ужас от каменного Петербурга:

Раскинут темными кварталами,
Ты замер, каменный, в гробу,
Дома безмолвны над каналами
И люди мечутся в бреду.

В. Канев. Тебе, Петербург

Почему так тяжело ощущали себя петербуржцы в слишком каменном, как им казалось, Петербурге? Мне кажется, причина в том, что провинциал, попадая в большой город, очень остро ощущал и переживал контраст по сравнению с оставленным где-то укладом жизни.

Вот как об этом поведал И.А. Гончаров в «Обыкновенной истории»: «Александр подошел к окну и увидел одни трубы, да крыши, да черные, грязные, кирпичные бока домов... и сравнил с тем, что видел, назад тому две недели, из окна своего деревенского дома. Ему стало грустно. Он вышел на улицу, посмотрел на дома – и ему стало еще скучнее: на него наводили тоску эти однообразные каменные громады, которые, как колоссальные гробницы, сплошную массой тянутся одна за другою. „Вот кончается улица, сейчас будет приволье глазам, – думал он, – или горка, или зелень, или развалившийся забор“, – нет, опять начинается та же каменная ограда одинаковых домов, с четырьмя рядами окон. И эта улица кончилась, ее преграждает опять то же, а там новый порядок таких же домов. Заглянешь направо, налево – всюду обступили вас, как рать исполинов, дома, дома, камень и камень, все одно да одно... нет простора и выхода взгляду: заперты со всех сторон, – кажется, и мысли, и чувства людские также заперты. Тяжелы первые впечатления провинциала в Петербурге. Ему дико, грустно...»

Строительные материалы

Дерево

Ах, сердце тебя не знает,
Каменный Петроград!
Я помню, как пахли стружки
И глухо звенел топор;
Здесь после ночной пирушки
Крушили смолистый бор,
Здесь плотничьи пел он песни,
Рубанком ровняя струг.
Воскресни же, воскресни,
Деревянный Петербург!

В. Рождественский. За мокрыми облаками

Самым лучшим для строительства считался кондовый сосновый лес, росший на сухих возвышенных местах. Такой лес дольше не подвергался гниению, «не потел», как говорили в старину. Дома, построенные из кондового леса, стояли по 150–200 лет.

Заготавливался лес зимой. Обычная длина бревен 9 аршин (6,5 метра), довольно часто использовались шестиаршинные бревна (почти 4,5 метра), изредка встречались бревна в 12 аршин (8,5 м). Срубленные и ошкуренные бревна подвозили на санях по два-три бревна к замерзшим рекам, складывали в штабеля, а весной на баржах привозили в города. К возведению домов приступали весной и в начале лета, когда дерево было «живое» – в соку, смолистое. К этому времени в города направлялись артели плотников.

В XIX веке все городские дома возводили уже на фундаменте. После установки нижних венцов (от трех до пяти) для предохранения от сырости изнутри и снаружи их засыпали землей или глиной и обшивали жердями, горбылем или плохим барочным лесом. В передней и задней стенках этих завалинок обязательно делали сквозные отдушины (продухи) для проветривания подполья. Осенью их закрывали, а весной – открывали. Обычно подполье занимало все пространство под домом, но если дом был большим, то подполье делалось только под передней частью избы. Лаз в подполье находился около печи.

После оборудования подполья в венец врубали три балки. Это обычно были толстые (сантиметров в 40) сосновые обтесанные бревна. Пол настилали из горбин (то есть колотых бревен) «по ходу» – от дверей к окнам, поперек балок. Чаще пол делали двойным: поперек балок настилали черновой пол из горбыля, сверху его засыпали в лучшем случае сухими опилками с золой, но нередко – просто строительным мусором, а затем настилали чистый пол из досок.

В венцах на расстоянии аршина от пола, на уровне 6-8-го венца, выпиливались проемы для окон. Их размер по высоте делали в 3–4 диаметра бревна. Через 3–4 венца выше окон укладывались параллельно балкам пола матицы, на них настился потолок.

Деревянные дома на Бассейной улице (современная ул. Некрасова).

Акварель Ф.Ф. Баганца. 1860-е гг.

Высота жилых помещений деревянных домов обычно равнялась 2,2–2,5 метра. Пазы потолка на чердаке заливались глиной, а потом засыпались землей, как правило, – с кострищ от обжига угля. Такая земля ценилась за легкость и отсутствие микроорганизмов, способствующих гниению.

Крыши обычно делались двускатные: на стропила укладывался тес в два слоя. Нижним краем тес упирался в водосток, а сверху стык кровельных тесин прикрывался двумя сколоченными под углом досками или согнутой полосой кровельного железа.

Конопатить стены начинали лишь спустя некоторое время, после осадки бревен. Мхом в XIX веке в Петербурге практически не конопатили, обычно – паклей.

Без дерева не мог быть возведен ни один дом. Даже в каменных домах из дерева делались межэтажные балки и перекрытия, только на рубеже XIX и XX веков их постепенно начали вытеснять железобетонные балки, но сами перекрытия продолжали оставаться деревянными. Только во второй половине XX века перекрытия станут массово делать из железобетонных плит. Полы же до сих пор чаще всего делают из дерева.

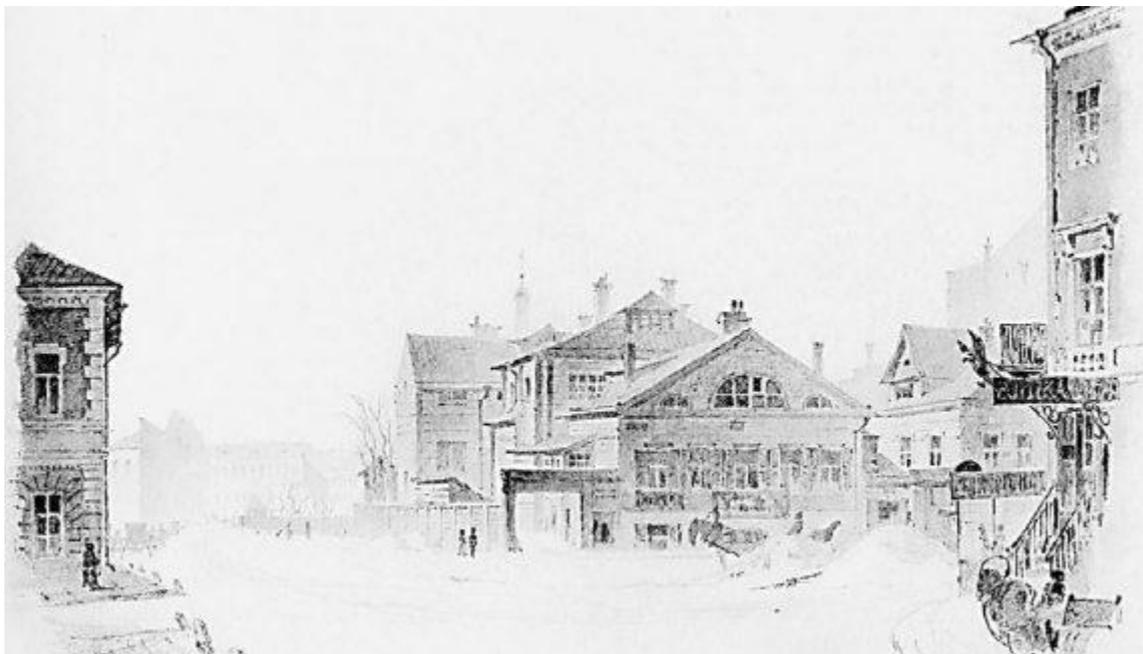
На протяжении второй половины XIX века тесовые крыши вытеснялись железными. При развитии промышленности и торговли в пореформенное время кровельное железо стало вполне доступным материалом.

Двери и оконные рамы в массовом домостроении, как тогда, так и по сей день, делались и делаются из дерева.

Единственное отличие окон XIX века от таковых современных заключалось в том, что внешняя рама крепилась к оконной коробке на петлях, а внутренняя рама – гвоздями и

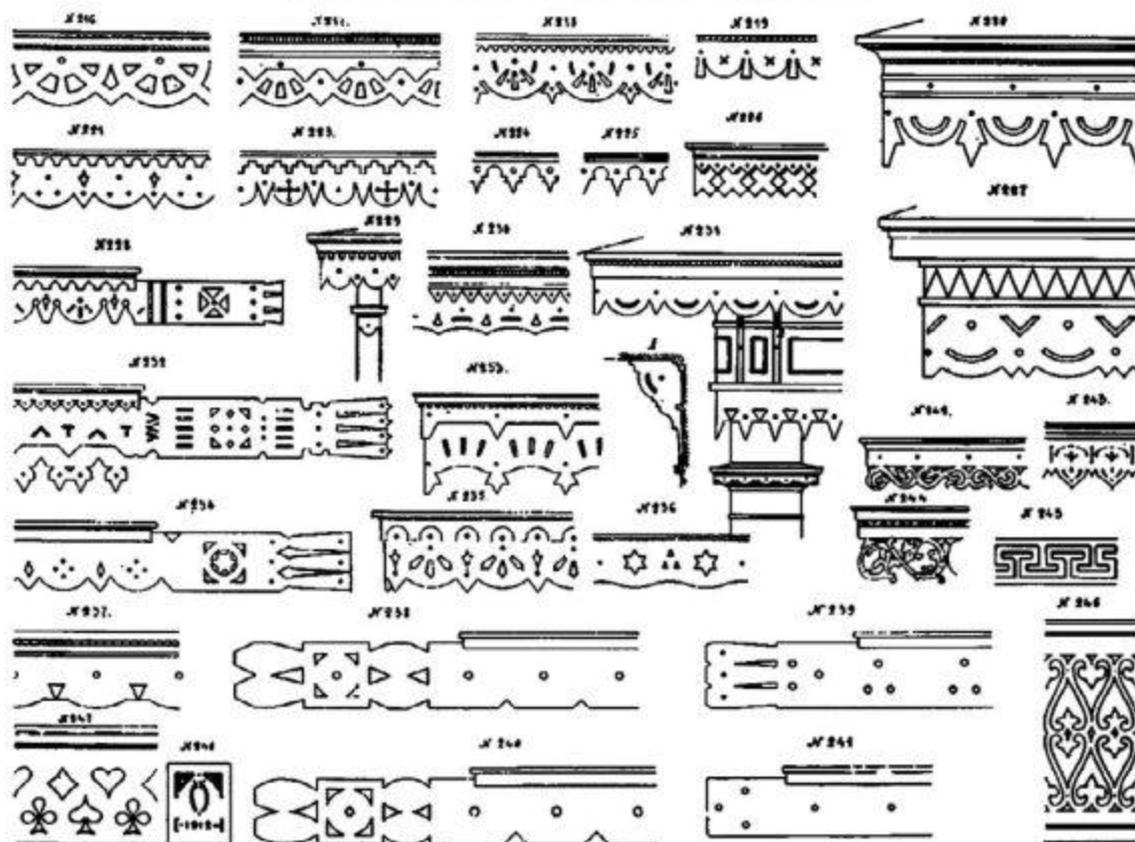
была съемная. Весной, когда становилось тепло, ее снимали и убирали – «выставляли рамы на лето». Осенью раму ставили на место, а щели замазывали и заклеивали.

Традиционно окна деревянных домов обрамлялись наличниками, они не только украшали, но и выполняли чисто утилитарную роль.

Обычный доходный дом с деревянными наличниками и ставнями на углу Малой Итальянской и Надеждинской улиц (современные ул. Жуковского и Маяковского). Акварель Ф.Ф. Баганца. 1860-е гг.

Детали резьбы по дереву.

Образцы резных деревянных деталей для отделки домов. Реклама XIX в.

Во-первых, доски наличников прикрывали от попадания влаги в торцы бревен сруба; во-вторых, защищали внутреннее помещение от проникновения холодного воздуха через щель между рамой и бревнами сруба. В Петербурге наличники уже не играли роль оберегов от нечистой силы, как в традиционных жилищах. Орнаменты, украшающие наличники, не носили символического характера, а выбирались в соответствии с архитектурной модой.

Проглянет солнца луч сквозь запертые ставни,
А все еще слегка кружится голова,
В ушах еще звучит наш разговор недавний,
Как струнный перебор, звучат твои слова.

К. Подревский. Романс «Твои глаза зеленые»

Окна домов на ночь закрывались ставнями. Зимой ставни защищали от холода. Узоры наличников или ставен делались прорезными или рельефными, иногда они расписывались красками. Орнаменты бывали как геометрические, так и растительные.

Традиция обрамлять окна сохранилась и при возведении каменных домов. Наличники делались из резного камня, из лепнины, из керамики и служили исключительно для украшения.

Природный камень

Здесь в понятиях происходит некоторая путаница. Говоря о каменных домах XIX века, безусловно, подразумеваются дома кирпичные. Противопоставление каменных домов деревянным исторически сложилось, когда дома строились именно из камня. Например, в Москве каменное строительство началось с XIV века, с использованием белого известняка, добываемого на юго-востоке от города в каменоломнях у сел Верхнее и Нижнее Мячково. Там добытый известняк обтесывали в виде плит размером в аршин и более. Из этого материала возводились московские строения, дав столице эпитет «белокаменная».

Позже, когда кирпич стал основным строительным материалом, дома, возводимые из него, продолжали по привычке называть каменными. В XIX веке дома из природного камня уже не возводились, а использовали его только как облицовочный материал.

В Петербурге для облицовок применялись разные породы камня – гранит, мрамор, путиловская и тосненская известняковые плиты, пудостский камень (туф), мрамор, песчаник, горшечный камень, порфир и др.

Мрамор и гранит

Впервые в Петербурге излюбленную штукатурку заменили облицовкой из камня (мрамора в сочетании с гранитом) при возведении дворца для графа Г. Г. Орлова (Дворцовая наб., б). Уникальность примененных здесь различных пород отделочного камня, в частности

изобилие мрамора, обусловило название прекрасного строения, спроектированного А. Ринальди, – Мраморный дворец.

В сооружениях Петербурга использовались различные породы гранита. Самым распространенным из них был гранит рапакиви, что по-фински значит «гнилой (или крошащийся) камень», добываемый в Финляндии.

*Колонны из сердобольского гранита на Иорданской лестнице в Зимнем дворце.
Келлергофен по оригиналу В.С. Садовникова. 1958 г.*

Дом Вавельберга. Невский пр. 7/9. Фото 1914 г.

Такое название гранит получил из-за того, что в нем много трещин, и камень около них легко рассыпается на отдельные куски и зерна. Но это относится только к слоям, лежащим на поверхности, добытый из глубины каменного массива гранит прочен в изделиях с гладкими поверхностями. Нижний этаж Мраморного дворца, облицованный темно-розовым гранитом рапакиви, и сегодня выглядит великолепно.

Другой распространенный сорт гранита – сердобольский. Его добывали на северных берегах и островах Ладожского озера у города Сердоболь (ныне – Сортавала). Он имеет мрачный серый цвет и поэтому в больших объемах не применялся, единственным исключением стал построенный М.М. Перетятковичем дом М.И. Вавельберга (Невский пр., 7/9), весь фасад которого облицован таким гранитом. За сходство с палаццо правителей Венеции петербуржцы прозвали его «Дворцом дождей на Невском». Чаще сердобольский гранит использовался в интерьерах в виде колонн, например на Иорданской лестнице Зимнего дворца, в Двадцатиколонном и Двенадцатиколонном залах Эрмитажа, на парадной лестнице Николаевского дворца, в вестибюле и на лестнице Ново-Михайловского дворца. Из него же изваяны атланты Нового Эрмитажа, бюст Юпитера работы С. Суханова в Строгановском дворце и голова Зевса в поилке для лошадей работы А.Н. Вороникина – у Казанского собора.

Третий сорт гранита, употреблявшегося на стройках Петербурга XIX века, назывался валаамским. Его добывали монахи Валаамского монастыря на небольшом острове Сюскюянсари у северного берега Ладожского озера к востоку от города Питкяранта.

Туф

Южнее Петербурга, у реки Пудость, добывали известковый туф, называемый «пудостским камнем». Благодаря своей мягкости и пористости он легко поддается обработке и широко использовался для облицовки колонн и стен Казанского собора, Гатчинского дворца и многих жилых зданий.

Большие месторождения туфа находятся у Ропши, где родники выносят на поверхность раствор известняка, тот, оседая на корнях деревьев, на траве, застывал, образуя пористый камень. Нужно отметить, что работать с туфом чрезвычайно трудно, так как он мягок, пока находится в грунте, а после взаимодействия с воздухом затвердевает. Поэтому у скульпторов и строителей есть совсем немного времени на то, чтобы придать ему необходимую форму.

Горшечный камень

Издrevле этот камень, хорошо поддающийся обработке, имеющий серовато-желтый оттенок, использовался финнами для изготовления горшков, отсюда и его название – «горшечный».

Он прочен, отталкивает влагу и относительно медленно загрязняется. Иногда его называют «мыльным камнем» за ощущение жирности при прикосновении к нему рукой. Добывался он на территории Финляндии у деревни Нуннонлахти, к северу от города Иоенсу. Наряду с гранитом он стал наиболее часто применяемым природным материалом во внешнем декоре петербургских зданий периода модерна.

Облицовка грубоколотым и гладкотесанным горшечным камнем элементов фасада доходного дома № 19 на Б. Конюшенной. Фото 1908 г.

Рельефные изображения пингвинов, дикобразов, сов, филинов, белого медведя, птиц, волков, рысей, зайцев, ящерицы, мухоморов, папоротника, маскарон – все эти и другие характерные для северного модерна элементы декора зданий выполнялись в горшечном камне. «Зверинцы» из этого камня можно увидеть по следующим адресам: Невский пр., 72, Широкая ул. (ул. Ленина), 33 (арх. С. И. Минаш); Стремянная ул., 11 (арх. Н.В. Васильев и А.Ф. Бубырь); Б. Конюшенная ул., 19, Каменноостровский пр., 1–3 (арх. Ф.И. Лидваль) и 26/28 (арх. Л.Н., А.Н. и Ю.Ю. Бенуа).

На рубеж XIX и XX веков пришелся пик использования природного камня в отделке фасадов зданий, что, несомненно, произошло под влиянием эстетики модерна, получившего название «северного». Любил и широко применял в своих проектах

природные материалы Ф.И. Лидваль. Например, он использовал сочетание тесаного и грубоколотого гранита в оформлении доходного дома своей матери, И.Б. Лидваль (Каменноостровский пр., 1–3), в угловом доме на Б. Конюшенной, 19, в доме для выборгского жителя Коллана на Большом пр. Васильевского острова, 92, в доходном доме М.П. Толстого (наб. р. Фонтанки, 54); в доме шведа Э.Л. Нобеля (Лесной пр., 20), а также в гостинице «Астория».

Каменную облицовку употребил А.И. фон Гоген в особняке балерины М.Ф. Кшесинской. Э.Ф. Виррих и А.И. Зазерский декорировали камнем крупнейший в Петербурге жилой комплекс «Бассейного кооператива» (ул. Бассейная, ныне – ул. Некрасова, 58–60), придав солидность этому зданию.

Строились дома, украшенные камнем, и в пригородах Петербурга, например особняк Савицкого в Царском Селе, возведенный Н.В. Васильевым (Московская ул., 15, ныне – поликлиника), и дом ГЦербова в Гатчине (ул. Чехова, 4а, автор С.С. Кричинский).

Но в целом в городском масштабе использование натурального камня для облицовки фасадов жилых зданий – явление единичное. Чаще каменными делались фундаменты или цокольные этажи зданий (подобная практика сохранялась до 1950-х годов). В старом Петербурге было распространено использование каменных плит для настилов и консолей балконов. Но к 1830-м годам вследствие дешевизны литых чугунных консолей металл вытеснил камень. Однако каменные монолиты еще долго использовались для перекрытий оконных проемов, а также для ступеней лестниц.

Кирпич

Наряду с деревом самым распространенным строительным материалом в XIX веке был кирпич. Еще с домонгольских времен знали на Руси кирпич (плинфу), но использовался он для строительства исключительно общественных сооружений, в основном церковей.

Жилые здания начали возводить из кирпича только со второй половины XV века.

Захаровский кирпич

Производство кирпичей в Петербурге в XVIII веке сначала наладили на казенных (государственных) заводах и заводах Александро-Невского монастыря. Частных заводов было еще мало. Их появление сдерживали протекционистские правительственные меры. Но в XIX веке частные кирпичные заводы (число колебалось от 40 до 60) постепенно вытесняют казенные, тех осталось всего 4. За сто лет производство кирпичей выросло в

десятки раз: с 5 млн шт. в год в конце XVIII века до 200 млн шт. в 1903 г. Располагались заводы вдоль рек – Невы, Тосны, Ижоры. Особенно ценилась как сырье для изготовления кирпича красная ижорская глина.

Глину для производства кирпичей начинали готовить с осени. Для выветривания ее раскладывали в гряды. Когда глина замораживалась, она разрыхлялась, а при таянии из нее вымывались органические вещества и соли. Выветренная глина становилась однородной и пластичной, кирпичи из нее получались звонкие и плотные, в брак уходило мало.

После завершения цикла выветривания в глину добавляли до $\frac{1}{4}$ части песка и начинали вымешивать. Обычно ногами, иногда с помощью конной глиномялки. В конце XIX века деревянные формы для кирпичей оббивались изнутри железом, ко дну их крепилось клеймо в виде рисунка, буквы, как правило, – инициалы владельца завода или клеймо казенных (государственных) кирпичных заводов – двуглавый орел. При обжиге клеймо закреплялось.

Форму внутри обсыпали песком, чтобы глина не прилипла, а также для создания шероховатой поверхности на готовом кирпиче для лучшего сцепления его с раствором. Затем с нажимом глину вдавливали в эту форму, удаляя излишки скалкой. Кирпич-сырец должен был подсохнуть в течение 2–4 дней, после чего он подвергался обжигу.

С конца XIX века стали применять кирпичедельные машины «Геркулес», «Идеал», «Эврика» чрезвычайно высокой производительности. Так, немецкая машина «Геркулес» фирмы «Фрид и Клооз» делала до 3 тысяч кирпичей в час. Но машины часто ломались, отсутствовали специалисты, умеющие работать с ними, поэтому по-прежнему преобладало ручное формование кирпичей.

С 1840-х годов появился стандарт для величины кирпича – 6 х 3 х 1,5 вершка (267 х 133 х 66 мм). Длина кирпича равнялась его удвоенной ширине плюс ширина шва, что давало возможность кладки в перевязку. Вес кирпича при ручной формовке равнялся 9-10 фунтам, а при машинной – 11 фунтам (4–4,5 кг).

Обжигали кирпичи в стенных постоянных печах или во временных напольных. Длится обжиг от 7 до 10 дней, а иногда и до 17 дней, что зависело от погоды, от степени влажности и плотности кирпича-сырца. После обжига неделя отводилась на остывание кирпичей. Затем их сортировали. Обычно каждый пятый кирпич браковался, если же только каждый седьмой, то обжиг считался удачным.

Кирпич получался разного качества, оно определялось по цвету, ударопрочности и чистому звуку при ударе кирпича о кирпич. Готовую продукцию делили на три сорта. Самым лучшим считался так называемый «красный кирпич», его цвет имел лиловый оттенок, кирпич давал «металлический звон», отличался однородным составом без пустот и раковин. Ко второму сорту относился «алый кирпич» – желто-красного цвета, недожженный, он боялся сырости и поэтому обычно использовался для внутренних работ. К самому плохому, третьему сорту причисляли «кирпич-железняк», в нем содержалось много окиси железа, придававшей ему темный цвет и твердость. Он плохо обрабатывался и скреплялся раствором, но имел повышенную водостойкость. Его применяли в местах, подверженных сырости, – в кладке фундаментов и подвалов.

В последней четверти XIX века в связи с увеличением этажности доходных домов повысились требования к качеству кирпича: появились научные количественные характеристики его прочности и устойчивости к выветриванию. Впервые стали испытывать кирпичи в Лаборатории института инженеров путей сообщения. Там на универсальном гидравлическом прессе Вернера их испытывали на прочность. Проверкам подвергалась продукция всех кирпичных заводов Петербурга и окрестностей. Оказалось, что требуемую для капитального строительства прочность, равную 67 пудам на 1 кв. дюйм (170 кг на кв. см), имели кирпичи из красной глины. У кирпичей из глины-«сизовки» этот показатель был в два раза ниже требуемого, а у кирпичей из синей глины – в пять раз.

На выветривание кирпичи испытывали следующим способом. По три часа их держали то в воде комнатной температуры, то на морозе до -15 °С. Это повторялось до появления отколов и трещин. Затем отставшие частицы при помощи птичьего перышка очищались. Степень выветривания определяли по весу отставших частиц после каждых 10 замораживаний. Особенно важен этот показатель был для облицовочного кирпича.

До последней трети XIX века все доходные дома, построенные из кирпича, обязательно штукатурились. А с этого времени появляются доходные дома с необлицованными кирпичными фасадами, что сразу же потребовало совершенно другого качества кирпича. Чтобы получились ровные поверхности и острые ребра у облицовочного кирпича, его стали изготавливать в металлических формах, смазанных маслом. Иногда внешнюю сторону кирпича перед обжигом покрывали глазурью, или ангобой (слоем глины желаемого цвета).

Для украшения кирпичных зданий изготавливался фигурный (лекальный) кирпич. Его делали различными способами. Чаще всего в обычную металлическую форму на винтах вставляли и крепили части с кривыми поверхностями. Если требовалось получить кирпичи особенно сложной конфигурации, то использовали разъемные формы. При массовом производстве фигурных кирпичей применялся ленточный пресс.

Соединялись камни или кирпичи при помощи строительного раствора.

Подробно о кирпичных строениях будет рассказано в разделе «Кирпичный стиль».

Бетон

Еще древние римляне умели делать некое подобие бетона, но потом секрет его изготовления был утерян. Только к началу XIX века возродилось искусство изготовления бетона. Перетертый в порошок известняк калили в специальных печах, тонко перемалывали, получалось то, что называли «цемент». Потом в цемент для экономии и твердости добавляли песок и щебень и разводили до густоты сметаны. Если цементный раствор заливали в узкий длинный ящик, то получалась балка, если в широкий и плоский – плита. Единственный недостаток – хрупкость – исчезал, если в форму перед заливкой бетоном клался каркас (арматура) из железной проволоки или стержней. Железо не давало бетону ломаться, а бетон защищает железо от ржавчины.

Металл

Оцинкованными железными листами покрывали крыши жилых зданий. Для лучшей защиты от ржавчины крыши красили.

Металлический навес над парадным входом дома № 25 по Б. Морской. Фото начала XX в

Жилые дома «под железом» в начале XIX века из-за его дороговизны были единичны. К середине века большинство крыш городских жилых строений Петербурга уже покрывало кровельное железо.

Металлические элементы при строительстве жилых зданий впервые широко стали использоваться в конструктивных и архитектурных решениях балконов. Строительные постановления для Петербурга 1868 года (ст. 60) предписывали, чтобы «при устройстве в домах балконов и террас... решетки около оных делаемы были железные или чугунные». Иногда это были высокохудожественные решетки с готическим, барочным или ренессансным узором, иногда – простые типовые решетки, например, с рисунком «чешуйчатого» типа.

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.

А. Ахматова, 1916

В 1830-х годах у входов жилых зданий стали появляться металлические навесы, поддерживаемые железными или чугунными кронштейнами или тонкими чугунными колонками (один из самых старых навесов над подъездом сохранился у особняка Э.Д. Нарышкина на Сергиевской ул., 7).

Массовое применение металлических конструкций при строительстве жилых зданий начинается со второй четверти XIX века. Для перекрытия больших залов во дворцах стали использовать металлические балки и стропила. Если расстояние между несущими стенами не превышало 6,5 сажень (14 метров), применялись балки, склепанные из листов железа. При необходимости перекрыть большее расстояние применяли фермы из металлических стержней, поскольку длинные клепаные балки из железных листов получались слишком тяжелыми. Конструкции металлических балок и ферм разработал инженер М.Е. Кларк, и впервые их применили в жилых помещениях при восстановлении Зимнего дворца после пожара 1837 года.

Ф. САНЪ-ГАЛЛИ

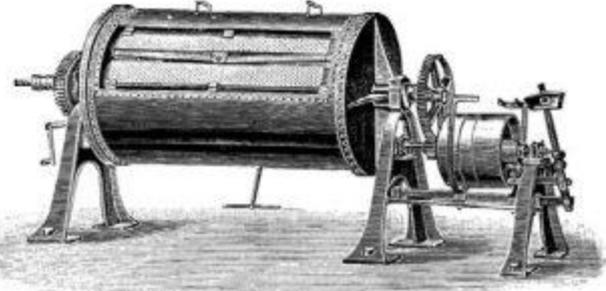

МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ, ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ И
КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Лиговка 60, Телефонъ № 675.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, Телефонъ № 924.

МАШИНА СЪ МЕТАЛЛИЧЕСК. БАРАБАНАМИ ДЛЯ БУЧЕНІЯ, СТИРКИ
И ПРОПОЛАСКИВАНІЯ БѢЛЫЯ.

УСТРОЙСТВО ПАРОВЫХЪ ПРАЧЕШЕНЬ И
КУХОНЬ

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ И КОТЛЫ,
ТРАНСМИССИИ, НАСОСЫ.

ПРЕССЫ для МАКАРОНЪ,
ТАБАКОРЪЗАЛН. МАШИНЫ.

ПРЕССЫ
для ВЫЖИМКИ ВОСКОВЫХЪ
СВѢЧНЫХЪ ОГАРКОВЪ,
МЯСНОГО СОКА и ПРОЧ.

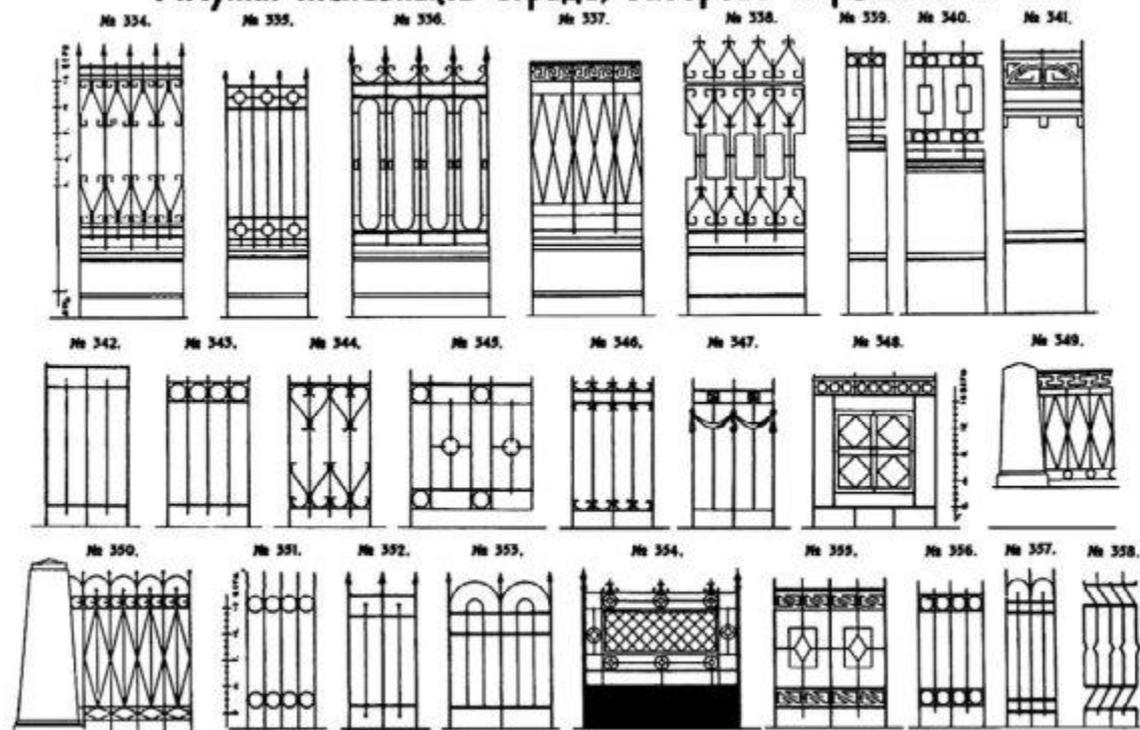
ЧУГУННЫЕ
КАЛОРИФЕРЫ.
ПОДЪЕМНЫЯ МАШИНЫ.

ПОСЕЙДЕННЫЯ БАТКИ
Дезинфекціонные аппараты.

Разныя желѣзныя
КОНСТРУКЦІИ
и ЧУГУННЫЯ КОЛОННЫ.

Реклама изделий Ф. Сан-Галли. Начало XX в.

Рисунки желѣзныхъ оградъ, заборовъ и рѣшотокъ.

Ограды желѣзные. Реклама XIX в.

Железный каркас первым использовал архитектор А.И. Штакеншнейдер при постройке Мариинского дворца (1839–1842) для возведения стеклянных фонарей верхнего света. В этом же дворце впервые штукатурку потолков делали по железной сетке. Подобный прием – своеобразный прообраз армированного бетона. Массовое применение несущих металлических конструкций, перекрытий началось лишь на рубеже XIX и XX веков с наступлением эпохи модерна и конструктивизма, однако оно практически не повлияло на облик петербургского жилища.

Стекло и витражи

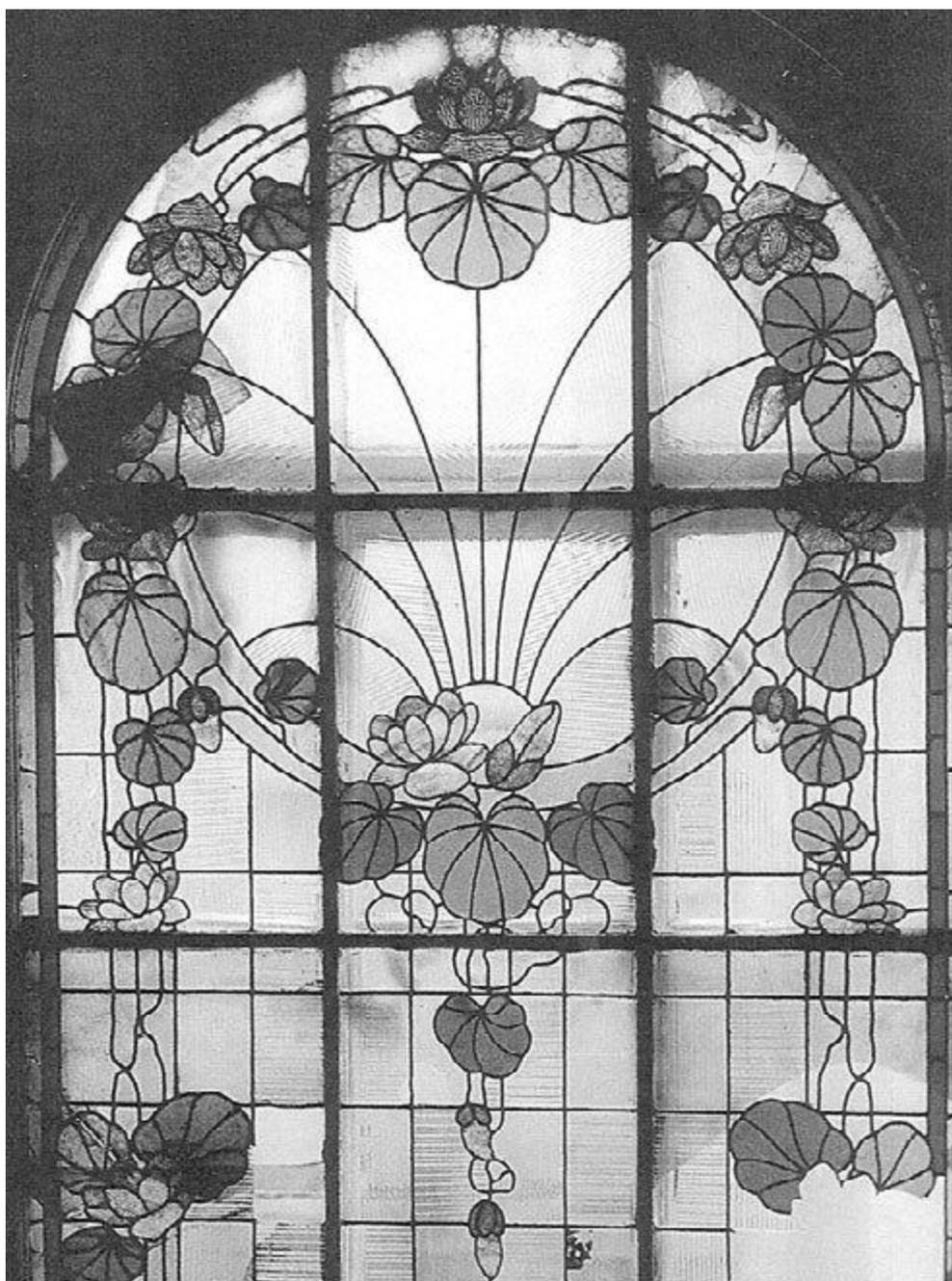
Блестит великолепный дом.
По цельным окнам тени ходят.

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

На Руси впервые оконное стекло стали выпускать с 1669 года в подмосковном селе Измайлово. Сначала это были небольшие по размеру стекла, и оконная рама состояла из множества мелких поперечных и продольных переплетов.

К началу XIX века окна приобрели привычный нам вид. Чем больше площадь оконного стекла, тем выше его стоимость. Именно о таких «цельных окнах» упоминает А.С. Пушкин. Это была новинка XIX века, заменившая мелкую расстекловку.

С 1830-х годов доходные дома Петербурга начинают украшать остекленными выступами – эркерами (тогда современники называли их «фонарями»). «Дома офонарели» – шутили петербуржцы. Первые примеры домов с эркерами – дом Лархе (Б. Морская, ул., 25) и дом архитектора П. Жако (на углу Б. Морской ул. и Кирпичного пер., 11/6). В собственном доме этот архитектор опробовал и другую новинку – окна-витрины на первом этаже. Мода на такие окна охватила Петербург, и к середине XIX века в магазинах и лавках начали увеличивать окна, превращая их в широкие окна-витрины для лучшего освещения торговых помещений и для рекламы товаров, что потребовало изготовления толстых, больших по площади витринных стекол.

Витраж парадной лестницы доходного дома С.В. Мюяки по ул. Восстания № 18. Фото начала XX в.

Тогда же в особняках стало модно устраивать потолки-фонари с остекленным деревянным или железным каркасом, освещавшие залы верхним светом. Это новшество впервые продемонстрировал А.И. Штакеншнейдер при возведении Мариинского дворца в начале 1840-х годов.

В течение XIX столетия витражи называли по-разному: в середине века – «транспаранте», «живопись на стекле», «стеклянная картина»; в конце века – «стеклянная мозаика», «узорное окно», «vitro», и только с 1910-х годов стал устойчиво применяться термин «витраж» (от франц. vitrage – остекление). Этим термином именовали широкий круг изделий из стекла, цветные стекла в металлической арматуре, целые картины из стекла, а также бесцветный монолитный хрусталь, обработанный по периметру фасетой, травленое или гравированное стекло.

Жилые здания в Петербурге витражами стали украшать только в последней четверти XIX века. Первые витражи появились в дворцах и особняках состоятельных владельцев, например витражи во дворце вел. кн. Владимира Александровича (Дворцовая наб., 26, 1872 г.); в особняках гр. А.Д. Шереметева (Французская наб., 4, 1885 г.); А.Ф. Кельха (Сергиевская ул., 28, кон. 1890-х гг.), Ф.К. Сан-Галли (Лиговский пр., 62, 1876 г.).

Повсеместно изделия витражного искусства стали распространяться в начале XX века при воцарении в архитектуре стиля модерн. В жилых домах витражами украшали вестибюли и парадные лестницы, реже – кабинеты, гостиные и столовые. Витражами украшались и доходные дома (например, на Захарьевской ул., 9, 1909 г. или дом, принадлежавший Г.В. Барановскому, Ямская ул., 36, 1897 г.).

В витражах чаще всего использовались геометрические орнаменты, однако для модерна более характерны растительные (из стилизованных изображений цветов популярны в северном модерне были лилии, тюльпаны, кувшинки, маки и подсолнухи; в южном модерне – плоды и листья каштана, сливы, вишни).

Сюжетные композиции использовались чрезвычайно редко: изображение викингов в нижнем этаже особняка А.В. Молчанова (ул. Литераторов, 17, 1907 г.); плетень с ромашками на фоне неба с розовыми облаками в доме Фаберже (Б. Морская ул., 24, 1900 г.); изображение аллегорий живописи, ремесел и торговли в особняке купца Д.М. Парфенова (Николаевская ул., 7, ныне витраж хранится в Музее истории Санкт-Петербурга); пейзаж с замком на парадной лестнице особняка Н.Н. Башкирова (Кирилловская ул., 4, 1906 г.); изображение павлина в квартире И.И. Дернова (Таврическая ул., 35, 1907 г.); пейзажи на верхней лестничной площадке доходного дома страхового общества «Россия» (Б. Морская ул., 35, 1907 г.) и доходного дома, перестроенного для Акционерного общества «Строитель» (Захарьевская ул., 9, 1909 г.).

Создавались и более простые композиции, в которых присутствует какой-либо «значащий» предмет: ионическая колонна в собственном доме Каценелбогенов (Заротная ул., 17, 1910 г.); амфора в доме Л.С. Перла (Рузовская ул., 9, 1910 г.); венок с лентой в доходном доме И.Ф. Хреновой (Таврическая ул., 5, 1909 г.). Иногда в витражах встречаются надписи, например растительный орнамент совмещен с цитатой из Библии на фоне желтоватого стекла в доме В.Ф. Фогель (Суворовский пр., 38, 1910 г.).

Выше говорилось об оконных витражах, но витражами украшались и двери. Обычно они были не цветные: зеркальный хрусталь с фасетом, отражающим радужные блики при

солнечном освещении (особняк и контора П.П. Форостовского, 4-я линия В. О., 9, 1901 г.) или хрусталь в сочетании с опаловым стеклом (5-я линия В. О., 60).

В 1890–1917 годах становится популярным остекление больших плоскостей плафонов: расписной витраж парадных лестниц особняков (А.Ф. Кельха, Сергиевская ул., 28, 1896–1905 гг.); квартиры владельцев фирмы Фаберже (Б. Морская ул., 24).

Следуя моде, многие петербургские архитекторы использовали витражи в отделке возводимых по их проектам зданий. Но особенно часто их применял Л.М. Харламов, А.С. Хренов, П.М. Мульханов, Н.Д. Каценелбоген и В.В. Шауб.

В XIX веке витражи обычно привозили из Германии или из рижской мастерской Э. Тоде. Под руководством немецких мастеров работали первые петербургские мастерские, такие как фирма «М. Эрленбах и К^о, преемники». В период с 1890 по 1917 год в Петербурге работало 20 витражных мастерских.

Цвета окраски домов

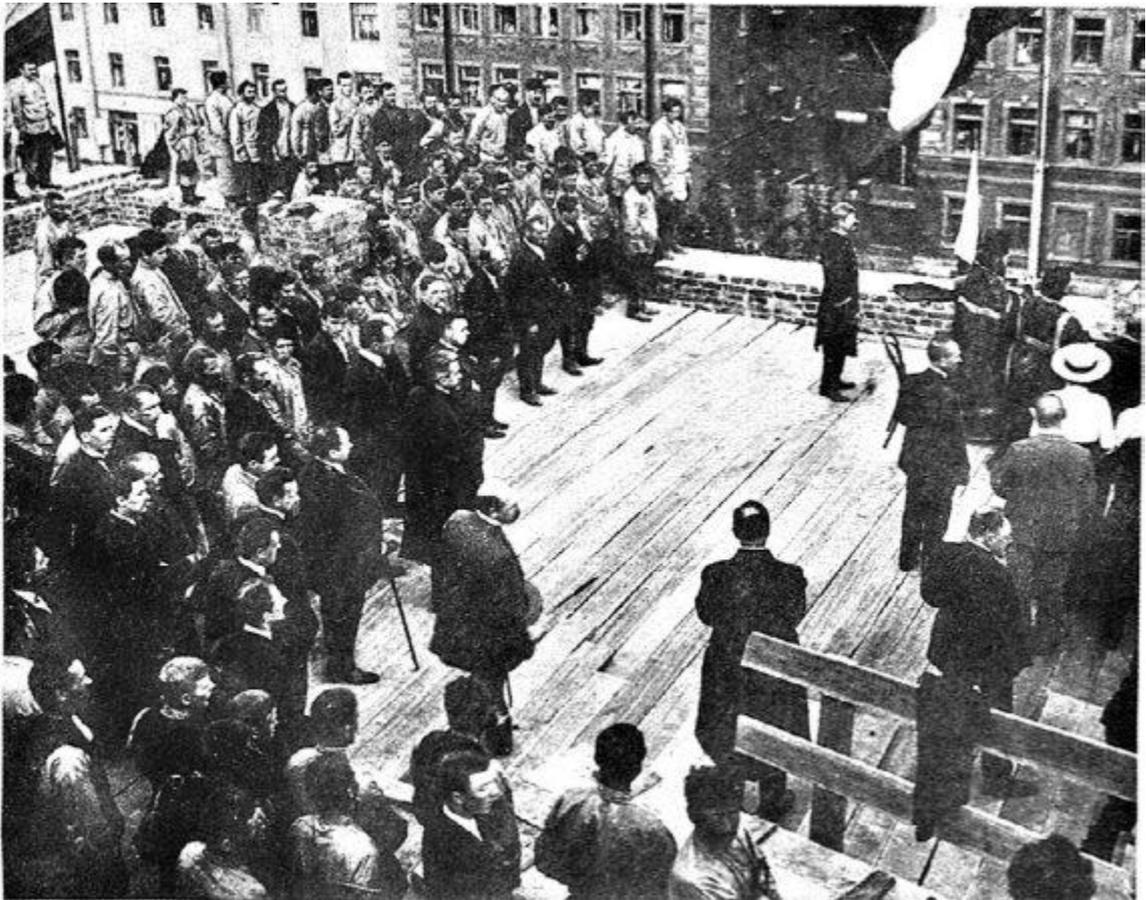
На внешний облик любого дома, естественно, чрезвычайно влияет цвет его окраски. После страшного пожара 1812 года по указу императора Александра I все дома, построенные в стиле барокко, выкрасили в яркие контрастные тона: изумрудный или зеленый с белым, терракотовый или темно-красный с белым и т. д. Здания в стиле классицизма красили в светлые тона: желтые, розовые, голубые, салатные. Во второй половине XIX века доходные дома окрашивались в «немаркие тона»: серые, беж.

Строительство

Закладка дома

Во всех традиционных культурах существовало множество обрядов, сопровождавших закладку жилищ. Следует различать закладку дома с технической точки зрения, когда укладываются первые камни фундамента, и закладку дома как религиозный обряд и семейный праздник. Интересно, что старинной традиции-ритуала церемонии закладки дома продолжали придерживаться в Петербурге даже в конце XIX века.

Вот как описывали закладку жилого дома Д.А. Засосов и В.И. Пызин: «Когда каменное здание выведено из цоколя, а деревянное имеет уже два венца, хозяин назначал день праздника – закладки. К этому времени на лесах ставился деревянный крест, высоко возвышающийся над постройкой. Кроме того, в каменной кладке оставлялось место для небольшой свинцовой коробочки, а в деревянном венце вырубалось гнездо для такой же коробочки. Место вырубки выбиралось в восточном углу будущего дома. Обычно в воскресенье после обедни собирались у постройки семья хозяина, священнослужители и приглашенные родные и друзья хозяина, а также рабочие и десятники, занятые на этой стройке. На грубо сколоченном столе ставилась икона и миска с водой. Начинался молебен с водосвятием. Священник при пении молитв погружал крест в миску с водой, вода становилась „святой“.

Закладка дома. Фото XIX в.

Молились о „ниспослании благодати и благоденствия дому сему“, дьякон зычным голосом провозглашал „многолетие“ хозяину и его потомству. Затем все подходили целовать крест, при этом священник кропил каждого „святой“ водой. Десятник вставлял в гнездо свинцовую коробочку и наливал в нее вареного постного (обычно так называемого деревянного) масла. Потом все подходили к гнезду: сначала священник, который кропил „святой“ водой эту коробочку, затем хозяин, его близкие и гости, причем каждый клал в коробочку монету чеканки того года, в который производилась закладка. Затем края коробочки загибались наглухо и сразу же над коробочкой укладывалось два-три ряда кирпичей, а в деревянных домах гнездо с коробочкой забивалось деревянной пробкой. Тотчас вслед за этим укладывался заранее заготовленный следующий венец.

Далее с песнопениями молитв обходили всю постройку, причем священник все время кропил, а дьякон кадил. По окончании этого ритуала хозяин приглашал всех „откушать хлеба-соли“. Если была хорошая погода и тепло, то угощение устраивалось тут же, на наскоро сколоченных столах и скамейках. Если погода была плохая, то приглашали домой или в кухмистерскую. За угощением соблюдалась полная демократия: садились за один стол все, не соблюдая главенства и чина, – рабочие, гости, хозяева. Произносились тосты, разные пожелания хозяину дома и его семье. Рабочие благодарили за угощение и говорили: „Постараемся, будьте покойны, не сумлевайтесь, все будет в аккурате“. Если угощение устраивалось на открытом воздухе, закуска, выпивка и посуда приносились в корзинках. Праздник при этом принимал более непринужденный характер. Помогали каждый, кто чем мог: мужчины откупоривали бутылки, рабочие топорами вскрывали

банки с консервами, топорами же рубили керченские селедки тут же на столе. Получалось что-то вроде пикника, было весело, забавно, поскольку люди выходили из обычной колеи. Священнослужители тоже обязательно приглашались к столу, причем дьякон снова провозглашал громовым голосом „многолетней Часа через два-три все расходились по домам, многие под сильным хмельком».

Деревянный крест оставался до тех пор, пока дом не подводился под крышу. Тогда крест снимался и отдавался какому-нибудь бедняку, у которого случался к этому времени покойник.

Закладка надолго оставалась в памяти и служила предметом разных пересудов и примет. Говорили: «Дому этому долго не стоять! Поскупились, мало денег положили в коробочку, сам хозяин и тот пожалел денег, всего полтинничек положил!» Или: «Крест-то во время молебна покосился, не бывать добру».

Возведение дома

Доходные дома строили быстро. И. Пушкарев в своем «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии» в 1839 году писал: «Постройка новых зданий в Петербурге производится с быстротой почти невероятною...

Строительство доходного дома на углу Литейного проспекта и Бассейной улицы (ныне – ул. Некрасова). Акварель Ф.Ф. Баганца.

1860-е гг.

Едва только положат фундамент, как через пять месяцев делается уже огромный каменный дом в три или более этажей, в котором на другой год все комнаты от чердака до уголка дворника наполняются постояльцами... Торговля домами приносит здесь большие доходы». Например, огромный четырехэтажный, в 33 оси (окна) по фасаду дом (Гороховая ул., 34, – Садовая ул., 31), строившийся по проекту Н.П. Гребенки, в 1845 году возвели (без внутренней отделки) всего за 50 дней, своеобразный рекорд для той поры. Владел этим домом, как и многими другими, «табачный король», хозяин трех табачных фабрик, коммерции советник В.Г. Жуков.

«Строительные леса, – пишет М.А. Гордин в книге „Путешествие в пушкинский Петербург^ – устраивали как нельзя проще: несколько бревен врывали в землю на довольно большом расстоянии друг от друга параллельно стене строящего дома и, по мере того как стены росли, от них к бревнам перекидывали перекладины, на которые стелили доски. Такие сквозные, перевязанные веревками леса устраивали одинаково и для низких зданий, и для церковных куполов, и для колоколен. Зимой на шатких, неогороженных лесах работать было особенно опасно. „Леса от мороза бывают склизки, и без того, чтобы рабочие люди не падали, обойтись не можно“, – объяснял причину многочисленных несчастных случаев один из приставленных к рабочим „надсмотрителей“».

При оштукатуривании и окраске домов употребляли вместо подвесной люльки особого рода лестницу: вдоль длинного бревна наколачивали неширокие планки, к тонкому концу бревна прибавляли несколько досок в виде маленькой площадки, а к толстому – перпендикулярно – широкую плаху. «Лестницу» эту прислоняли к стене. Забрав материалы, нужные для работы, и орудия труда, мастерской залезал на верхушку гнущейся под его тяжестью лесины.

Строительство доходных домов на набережной реки Фонтанки.

Фото начала XX в.

«Страшно глядеть, – писал литератор А. Башуцкий в своей книге „Панорама Санкт-Петербурга“, вышедшей в 1834 году, о работающем на высоте маляре и штукатуре, – какие положения принимает он во время работы; иногда, держась сгибом колена за часть воздушной своей мастерской, он, так сказать, висит или плавает в пространстве, где, обливаемый дождем, под свистом холодного ветра он успешно производит работу при звуках продолжительных переливов громкой своей песни. Но когда, окончив работу свою на местах, до которых может достать руками, начнет передвигаться далее, тогда сердце зрителя вздрогнет невольно: на чрезвычайной высоте, сев верхом на дерево и крепко охватывая конец оною рукою, он, вытянув ноги, сильно упирает их в стену; оттолкнув от

оной себя и шаткую огромную свою лестницу, скользит по стене и, лучше сказать, летит, и смелым движением напряженного тела отбрасывается иногда более нежели на полсажени в сторону; это усилие, этот воздушный скачок...

в котором малейшая ошибка в размере силы или пространства угрожает падением и неизбежною смертию, это наклонно косвенное положение дерева, доколе стоящий внизу рабочий не передвинул нижней части оною, нисколько не тревожит бесстрашного его духа».

Дома не только возводились, но и заселялись с чрезвычайной скоростью, с нарушением всех правил просушки. Хотя по ст. 195 Строительного устава: «Не дозволяется в городах каменные дома, построенные в одно лето, штукатурить снаружи по истечении года от окончания постройки и вообще предписывается соблюдать другие надлежащие правила по архитектуре для просушки новых стен. Сие правило распространяется и на казенные здания. Исполнение сего правила вменяется в обязанность архитекторов, производителей работ и самих обывателей; а на полицию возлагается строгое за сим наблюдение».

Неоднократно делались попытки как-то сократить обязательный годичный срок. Так, например, 15 февраля 1894 года Техническо-строительный комитет принял постановление № 200 о необязательности соблюдения установленного ст. 195 Строительного устава годичного срока в «случае оштукатурки зданий, построенных на цементе». Но Сенат в 1903 году это постановление отменил. Фактические же нарушения годичного срока стали обыденным явлением во время строительного бума 1890-х годов.

Грубое и повсеместное несоблюдение положенного срока просушки зданий привело к тому, что Уголовный кассационный департамент Сената 24 февраля 1899 года поднял вопрос о том, «представляет ли несвоевременный выпуск жильцов в новый каменный дом проступок, угрожающий личной безопасности или народному здравью».

Это вызывало оживленную полемику в прессе. «Иные дома стоят еще без дверей и окон, из них тянет, как из погребов, сыростью и холодом, а уже в газетах пестреют объявления о сдаче квартир в них. Нарасхват идут!» – восклицал с возмущением один из авторов.

Глава 2 Архитектурные облики доходных домов

По классическим образцам

Должна уведомить читателей, что характеристики архитектурных стилей, изложенные в этой главе, предельно кратки. Я упоминаю лишь об основных признаках каждого из них, в объеме, достаточном для узнавания-определения при взгляде на облик здания.

Тема эта чрезвычайно любопытна. Заинтересовавшиеся должны, конечно, обратиться к книгам специалистов-архитекторов.

Когда строительство доходных домов только начиналось, в архитектуре господствовал классицизм. Внешне доходные дома эпохи классицизма, декорированные колоннами, пилястрами, наличниками и фронтонами, многоколонными портиками, ничем не отличались от особняков, казарм или официальных зданий. Например, фасад четырехэтажного дома Косиковского (на Б. Морской ул., 14), построенного в 1814–1817 годах по проекту В.П. Стасова, украшала многоколонная лоджия. Для доходных домов

еще не появилось специальной архитектурной формы – между обликом здания и его функцией возникало расхождение.

Отличительная черта классицизма – симметричная система с подчеркнутым главенствующим центром – целесообразна для дворца или особняка, но она бессмысленна для доходного дома.

Дом № 14/15 по Б. Морской. Современное фото

В подобных домах не было главного, что следовало бы выделить положением в центре, декором или другими традиционными средствами, и не было второстепенного, подчиняющегося этому главному, а самое основное – отсутствовало единство внутренней структуры.

Н.В. Гоголь в известной статье «Об архитектуре нынешнего времени», опубликованной в 1834 году, резко критиковал архитекторов-классицистов за то, что они «дома старались делать как можно более похожими один на другого», а колонны «начали приставлять к зданию без всякой мысли и во всяком месте».

В 1830-е годы в строительстве доходных домов появляются новые тенденции: попытка соотнести экономичность и практичность. Фасады домов начали декорировать предельно просто, они стали невзрачны и скучны. Н.В. Кукольник в статье, опубликованной в 1840 году в «Художественной газете», писал: «Теперь видим целые улицы в четыре этажа. Неужели это не украсило Петербурга? Напротив. Глазам стало так скучно, так грустно в этом однообразном, каменном лабиринте...» Желание бороться с архитектурной скукой привело к появлению нового архитектурного стиля – историзма, или «ретроспективного стилизаторства».

Ретроспективное стилизаторство, или историзм

Мощное идейно-художественное движение – романтизм, развернувшееся в 1820-1830-х годах, охватило все области духовной жизни, отразилось в религии, философии, политике. Особенно полно и ярко это движение воплотилось в литературе, музыке и живописи, составив целую «эпоху романтизма» в их истории.

Не мог не затронуть романтизм и архитектуру, на смену «спокойствию» и «благородной простоте» классицизма пришел новый стиль – романтизм, с мятежным духом противоречия.

«Архитектура, – утверждал Н.В. Гоголь, – должна быть как можно своенравнее: принимать суровую наружность, показывать веселое выражение, дышать древностью, блеснуть новостью, обдавать ужасом, сверкать красотой, быть то мрачной, как день, охваченный грозой с громовыми облаками, то ясною, как утро в солнечном сиянии».

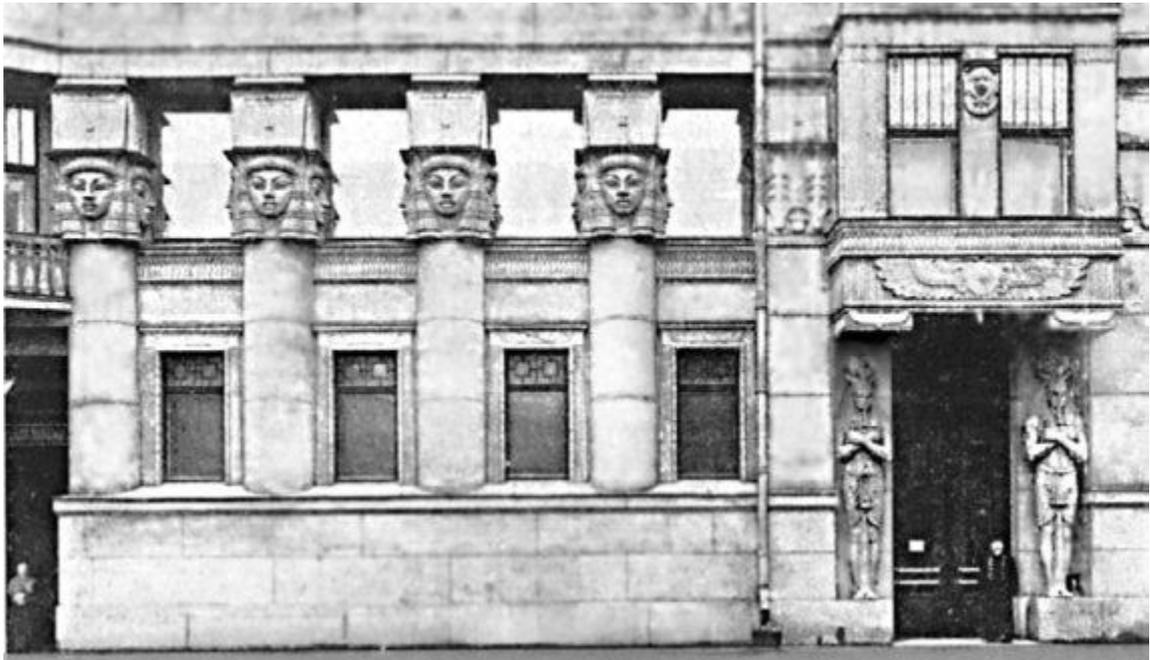
При возведении зданий архитекторы стали использовать мотивы и закономерности, известных в прошлом архитектурных стилей – готики, ренессанса, барокко и других. В позднейшем искусствоведении эти ретроспекции получали названия с приставкой «нео» (неоготики, необарокко, неогрек и т. п.) или, при негативном к ним отношении, – «псевдо» (псевдоготика и др.). Современники же называли такие постройки в «готическом вкусе», в «египетском вкусе», в «русском вкусе» и так далее, или на французский манер, прибавляя перед названием «а la».

В одних случаях такие постройки чуть ли не полностью повторяли исторические прототипы, в других же сходство ограничивалось лишь отдельными декоративными мотивами в духе того или иного стиля, а общая объемно-пространственная композиция здания была уже совершенно иной, отвечающей требованиям своего времени.

Отдельные здания ретроспективного стилизаторства появляются уже в 1810-1820-х годах. В 1830-х годах и особенно на рубеже 1840-х годов их число быстро увеличивается. Расширяется диапазон стилевых прототипов.

Египетский стиль

Единственный в Петербурге доходный дом в египетском стиле находится на Захарьевской ул., 23. Построен он был по проекту архитектора М.А. Сонгайло в 1911–1913 годах для Л.И. Нежинской. Входы на парадные лестницы охраняют огромные статуи египетских богов, держащих в скрещенных на груди руках ключ жизни – анх. Головы их венчают солнечные диски со священными кобрами – уреями.

Египетский стиль. Доходный дом (Захарьевская ул, 23).

Архитектор М.А. Сонгайло. Фото начала XX в.

Над дверями – священные жуки-скарабеи с распростертыми крыльями, символизирующие солнце и защиту.

На стенах лестниц многочисленные изображения лотоса – символа плодородия и царской власти в Древнем Египте. Два нижних этажа украшены мощными колоннами, каждую из них венчают по три лика богини неба Хаттор. Эркеры украшены медальонами с профилем фараона в обрамлении уреев. Верхние этажи украшены барельефами сцен из загробной жизни, копирующими росписи погребальных камер египетских фараонов.

Такое оформление жилого дома несколько странно, но это еще раз доказывает, что «историзм» брал от предшествующих стилей лишь внешний декоративный облик, не интересуясь его внутренним символическим содержанием.

Среди жильцов этого необычного дома было много офицеров гвардейских полков. А в особенно роскошных апартаментах здания располагались посольства Бельгии и Румынии.

Неогрек. Помпейский стиль

В России в 30-е гг. XIX века во время упадка классицизма становятся модными неогреческий (неогрек) и помпейский стили, основанные на «цитировании» декоративных мотивов античной архитектуры – как греческих, так и римско-помпейских.

Самым важным для древних греков в архитектуре было возведение храмов и других общественных сооружений. Пожалуй, самой чистой стилизацией в неогреческом стиле стал павильон Бельведер, возведенный с 1853 по 1856 год на возвышенности в Луговом парке Петергофа по проекту А.И. Штакеншнейдера. Главный вход напоминает собой знаменитый восточный портик афинского Эрехтейона. Архитрав его поддерживается прекрасными кариатидами. Верхний этаж со всех сторон окружен величественной колоннадой из 28 ионических колонн серого гранита.

При оформлении фасадов доходных домов использовались лишь элементы: кариатиды в «греческом вкусе», колоннады, орнамент меандр.

Деталь отделки в неогреческом стиле доходного дома на Каменноостровском проспекте, 65. Фото начала XX в.

В середине XIX века успешно продолжались раскопки Помпеи. Вот лишь одна из восторженных оценок русских путешественников середины XIX века: «Нельзя не восхищаться изящным вкусом помпеян, миниатюрною их роскошью, прелестью в убранстве, старавшимся сосредоточить около себя средства наслаждения жизнью. Арабески помпейские чрезвычайно хороши... Какое богатство, какая роскошь в вымыслах». Сохранившиеся образцы строений Римско-помпейской архитектуры – комфортные не чуждые помпезности виллы.

Русским архитекторам особенно импонировало то, что античные виллы строились в тесном единении с природой. Поэтому стиль этот широко применялся при возведении загородных резиденций, реже – городских небольших особняков, но практически не встречается в архитектуре доходных домов, кроме отдельных декоративных деталей.

Мавританский стиль

Для этого стиля характерно «цитирование» архитектурных форм и элементов декора древних строений арабского Востока (дворцов, мечетей, медресе и т. п.).

Первым в России доходным домом, спроектированным в мавританском стиле, стал «дом Мурузи» на углу Литейного пр., 24, и Пантелеймоновской ул. (ныне ул. Пестеля).

В 1874–1877 годах по заказу князя Александра Дмитриевича Мурузи архитектор А.К. Серебряков при участии П.И. Шестова и Н.В. Султанова построил роскошный пятиэтажный доходный дом, выходящий на три улицы и площадь. Необычный для Петербурга мавританский стиль подчеркивал восточное происхождение князя, потомка

древнего византийского рода, чей дед был господарем Молдавии и Валахии, а отец – значительным турецким дипломатом.

Дом поразил современников богато украшенными фасадами, пятью парадными лестницами, роскошью внутренней отделки, удобством квартир, имевших водопровод и редкое по тем временам водяное отопление. Но особенно потрясала воображение современников 26-комнатная квартира самого владельца дома, отделанная с поистине восточной роскошью, в ее парадном зале среди мраморных колонн бил даже фонтан. «Дом князя Мурузи можно причислить к первейшим палаццо Петербурга», – писал современник-журналист.

Мавританский стиль. Доходный дом князя АД. Мурузи (Литейный пр., 24). Арх. А.К. Серебряков. Современное фото

Всего три года пожил среди этой роскоши престарелый князь.

В больших квартирах второго и третьего этажей поселились видные адвокаты, профессора, генералы (сын А.С. Пушкина – генерал-майор А.А. Пушкин), сенаторы В.П. Безобразов, Д.Н. Любимов.

Четверть века в доме жила знаменитая литературная чета – поэт, прозаик, публицист Дмитрий Мережковский и его жена – поэтесса и литературный критик Зинаида Гиппиус. Позже к ним присоединился Д.В. Filosofov. Их квартира стала главным салоном петербургского символизма.

Уже в советское время в этом доме в «полутора комнатах» жил вместе с родителями Иосиф Бродский. «...Эти десять квадратных метров принадлежали мне, и то были лучшие десять метров, которые я когда-либо знал», написал он по-английски незадолго до своей смерти...

Неоготика

О виды готики!
Вы властно увлекали
Фантазию людей —
Как и мою – в полет...

Дж. Байрон. «Дон-Жуан»

Стиль неоготики появился в России в 1820-1830-х годах. Характерный для романтизма обостренный интерес к историческому прошлому наглядно выразился в появлении целой волны стилизаций в «готическом вкусе». В числе примеров неоготики можно назвать постройки А.А. Менеласа в Царском Селе (Шапель, Арсенал, Белая башня и др.) и Петергофе (Коттедж и капелла в Александрии, построенные им по проекту берлинского архитектора К. Шинкеля), церковь в Парголово, созданная архитектором А.П. Брюлловым в 1830-х годах, железнодорожный вокзал, конюшенный комплекс и здание почты в Новом Петергофе, возведенные по проекту архитектора Н.Л. Бенуа.

Неоготика. Доходный дом (Каменноостровский, 35/37).

Арх. А.Е. Белогруд. Современное фото

«Готическая архитектура вообще всем нравится, – писал современник, – она увлекает, удивляет, производит на душу сильные впечатления; вот и причина особенного пристрастия, которое питают к ней все люди, одаренные пылким и сильным воображением».

Стилизаторская неоготика охватила главным образом усадебное и дачное строительство. Теоретики архитектуры тогда считали, что при размещении построек в пригородах, в окружении природного ландшафта, «есть некоторые местоположения, действительно, кажется, требующие готических зданий, которые своими странными, смешными, гигантскими, но торжественными формами согласуются, в таком случае, с окружающими предметами».

Н.В. Гоголь в своей статье «Об архитектуре нынешнего времени» писал: «Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры и показал свету все ее достоинство... Вкус к готическому распространился быстро, везде и, проникнув во все, еще не сделавшись великим, он уже стал мелким: сельские домики, шкафы, ширмы, столы, стулья – все обратилось в готическое». Мода на готику стала стремительно распространяться в России, но этот стиль довольно редко использовался для доходных домов.

Интересен собственный доходный дом и особняк архитектора В.А. Шретера (наб. р. Мойки, 112, 114) с яркими признаками готической архитектуры. Семь «готических» треугольных эркеров оживляют фасад доходного дома. Пожалуй, самый крупный доходный дом в стиле неоготики находится на бывшей Архиерейской пл., ныне – пл. Льва Толстого (Каменноостровский пр., 35/37). Он возведен в 1913–1917 годах по проекту архитектора А.Е. Белогруда. Башни-эркеры, фланкирующие выходящий на площадь фасад, стрельчатые оконные и дверные проемы – все это ассоциируется со средневековой западноевропейской архитектурой.

Неоренессанс

Наиболее часто архитекторы доходных домов второй половины XIX века обращались как к прототипу к итальянскому ренессансу XV–XVI веков. Это объясняется тем, что в эпоху Возрождения художественное оформление фасадов отличалось большим разнообразием при простоте и доступности выразительных деталей.

Внутри данного стиля выделяют несколько разновидностей. В *ордерном неоренессансе* использовались такие элементы ордера, как колонны, полуколонны и пилястры, охватывающие один этаж. Для доходных домов поэтажная система ордеров предельно упрощалась: вместо пилястр – простые лопатки.

Ордерный неоренессанс. Доходный дом (Каменноостровский, 65).

Арх. В.А. Шуко. Фото начала XX в.

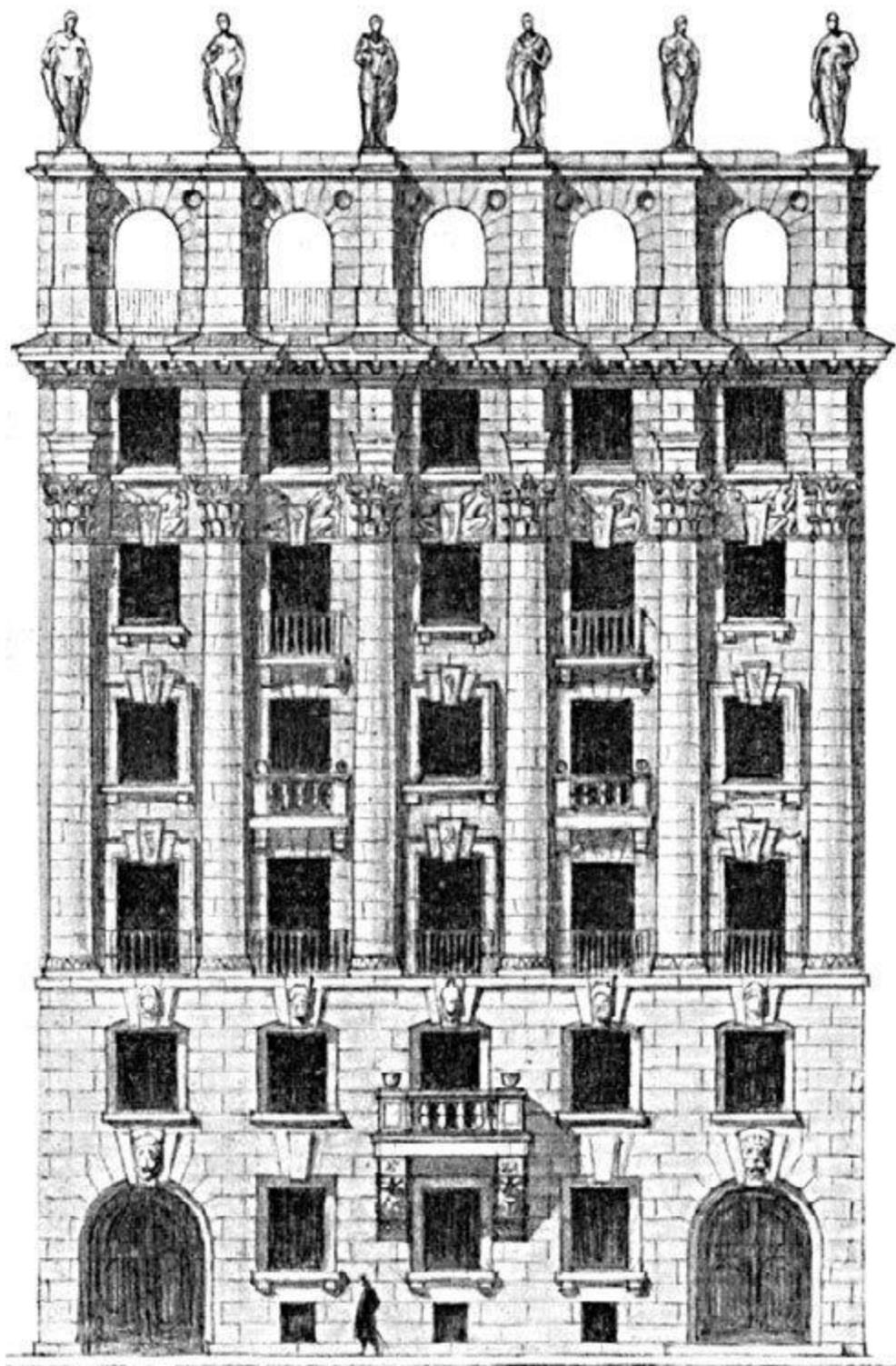
Это хорошо просматривается, например, на фасаде доходного дома по Миллионной ул., 1, подобное же оформление фасада выполнено на доме № 17 по набережной канала Грибоедова. Оба упомянутых доходных дома возвели в середине XIX века по проекту архитектора Н.П. Гребенки.

А спустя полвека интерес к итальянскому Возрождению ярко проявился у архитекторов-неоклассицистов, взявших за образец творения великого зодчего Андреа Палладио. Архитектор А.Е. Белогруд оформляет шестиэтажное здание на Большом пр., 77, Петроградской стороны полуколоннами большого ордера и декоративным аттиком, со статуями над каждой колонной. Также шестиэтажный доходный дом на Каменноостровском пр., 65, архитектор В.А. Шуко украсил мощными трехчетвертными колоннами композитного ордера, установив их на высоком цокольном этаже.

Оба доходных дома, построенных в 1910-х годах, повторяют палладианские фасады дворцов в Виченце, в частности незавершенные лоджии дель Капитанио.

Наиболее часто петербургские архитекторы обращались к *безордерному ренессансу*, где использовались лишь рустовка и ренессансные наличники.

В отличие от итальянских палаццо, облицованных внушительными каменными блоками, петербургский руст выполнялся из обычной штукатурки.

Ордерный неоренессанс. Доходный дом Розентейна (Большой пр. П.С., 77). Арх. А.Е. Белогруд. Проект. Начало XX в.

Безордерный вариант неоренессанса хорошо иллюстрируют фасады доходных домов, возведенных в 1840-е годы на Исаакиевской пл., 7, и на Б. Конюшенной ул., 5, архитектором Д.Б. Гейденрейхом.

Интересен огромный, выходящий на три улицы – Фурштатскую, 27; Воскресенский (ныне – пр. Чернышевского), 17; Кирочную, 26, – доходный дом миллионера С.Т. Овсянникова.

Построенный в 1860-е годы, он представляет довольно чистый образец применения романо-ренессансного стиля: с мощными арками, объединяющими третий и четвертый этажи, с прорезанным машикулями карнизом и крупной рустовкой-шубой.

Достаточно редко встречается «флорентийская» разновидность неоренессанса с использованием руста в качестве основного композиционного приема.

Безордерный неоренессанс. Доходный дом С.Т. Овсянникова.

(Фуршитатская, 27). Современное фото

Флорентийский неоренессанс. Доходный дом (Фурштатская, 10). Арх. К.К. Кольман. Современное фото

Доходный дом архитектора А.К. Кольмана (Сергиевская ул., 55), возведенный с его особняком в начале 1860-х годов, оформлен глубокой рустовкой. За солидным фасадом скрывались солидные, в 15–20 комнат, «барские» квартиры. Его брат, архитектор К.К. Кольман, также декорировал рустовкой в стиле флорентийского ренессанса доходный дом, построенный для гр. В.П. Орлова-Давыдова на Фурштатской ул., 10.

Немного позже образцом для стилизаций берется нарядный *венецианский ренессанс* XVI века, напоминающий барокко по обилию лепнины, скульптур и колонн.

Спустя почти 30 лет появилась новая разновидность неоренессанса – *французского* с характерными мансардными высокими кровлями и угловыми рустами на фоне кирпичной кладки. Именно так оформил в конце 1890-х годов архитектор Л.Н. Бенуа доходный дом № 27/29 по Моховой ул., а архитекторы А.Ф. Бубырь и Л.А. Ильин в начале XX века – доходный дом кирхи Св. Анны на Фурштатской ул., 9.

Русский стиль

Русский стиль получил распространение в архитектуре в царствование императора Александра III – ярого приверженца всего русского. В отделке фасадов использовались декоративные приемы, заимствованные в средневековом московском зодчестве XVI–XVII веков и в русском народном прикладном искусстве: из орнаментов оформления старинных книг и узоров крестьянских вышивок. Кокошники, шатровые кровли, бегунцы, полотенца, арочки, колонки с «дыньками», полихромные поливные изразцы и разного рода лепные детали и петушки украшают фасады.

Считается, что первым доходным домом, в чьей отделке использовали мотивы русского стиля (или, как его называли современники, «петушиного» стиля), был дом Н.Н. Зайцевой на Фурштатской ул., 20, построенный архитектором И.С. Богомоловым в 1875–1876 годах. Чертежи дома опубликовали в журнале «Зодчий», и о нем там говорилось как о «единственном каменном доме, фасад которого скомпонован в русском стиле».

Русский стиль. Доходный дом Н.Н. Зайцевой (Фурштатская, 20).

Современное фото

Спустя пять лет почти напротив него (Фурштатская ул., И) возводится по проекту архитектора Н.Ф. Беккера также в русском стиле огромный, в пять этажей доходный дом для А.А. Зайцева.

Русский стиль. Доходный дом Л.Л. Зайцева (Фурштатская, 11).

Современное фото

Восторженную оценку В.В. Стасов дал тяжеловесному доходному дому архитектора Н.П. Басина, построенному около Александринского театра в 1878–1881 годах (пл. Островского, 5), как воплощению «национального направления», которое он настойчиво поддерживал.

Неопетровский стиль

Как видно из самого названия стиля, идеалом для подражания было выбрано петровское барокко, для него характерна всемерная экономия в оформлении, обусловленная личными пристрастиями Петра I и затянувшейся Северной войной. Расходы на чрезмерную декоративность в архитектурном убранстве не поощрялись, что привело к относительной простоте построек петровского времени. Здания украшались пилястрами или лопатками, но не колоннами. Окна имели более дешевую мелкую расстекловку. Нарядность зданию придавала окраска оштукатуренных фасадов в два контрастных цвета, обычно – в терракотовый с белым. Окна оформлялись простыми наличниками. Углы строения выделялись декоративной рустовкой. Здания венчали высокие кровли с переломом на манер голландских.

Первый доходный дом Петербурга в неопетровском стиле построен по проекту архитектора А.И. Дитриха в 1903–1905 годах на углу Потемкинской, 9, и Фурштатской, 62, улиц для врача С.С. Боткина, старшего сына известного доктора, профессора С.П. Боткина.

Сергей Сергеевич известен как большой знаток искусства, коллекционер рисунков и акварелей. Его увлечение разделяла и жена Александра, дочь П.М. Третьякова. В доме на Потемкинской улице у гостеприимных супругов располагался художественный салон «мирискусников», особенно часто бывали здесь ближайшие друзья хозяев В.А. Серов и А.Н. Бенуа.

*Петровское барокко. Доходный дом доктора С.С. Боткина (Фурштатская, 62).
Современное фото*

Боткины, как почти все «мирискусники», преклонявшиеся перед Петром I, пожелали иметь дом в формах петровского барокко, он стал своего рода памятником Петру I к 200-летию Санкт-Петербурга.

Здание – П-образное в плане. Перед домом со стороны Потемкинской улицы – небольшой курдонер, отделенный от улицы легкой решеткой. Характерные для раннего барокко архитектурные детали, такие как высокая крыша с переломом, изящные мезонинные окна-люкарны, рустовка цокольного этажа – все это представлено в оформлении фасадов дома Боткиных. Центр фасада украшен огромным нарядным окном, но с характерной для петровского барокко мелкой расстекловкой. Многие интерьеры, по желанию владельцев, также оформлялись в стиле петровского барокко.

Центральная часть дома с левым флигелем, выходящим на Фурштатскую улицу, предназначалась для жизни семьи; правый флигель – собственно доходный дом с квартирами – для сдачи жильцам.

Необарокко

Идеалом для подражания в этом стиле избрано русское барокко середины XVIII века, иногда называемое по имени императрицы «елизаветинское» или по фамилии архитектора «растреллиевское». Со времен Петра I сохранилась окраска оштукатуренных фасадов в два контрастных цвета, но вместо терракотового в контрасте с белым предпочтение отдавалось бирюзовому, голубому, зеленому – тоже с белым. Главным же отличием было обилие колонн и богатое скульптурное и лепное убранство фасадов с многообразными по очертаниям наличниками. Венчалось здание сложной конфигурации кровлей, окаймлявшейся балюстрадами с фигурными балясинами, вычурной формы фронтонами, даже дымовым трубам придавали вид нарядных ваз.

*Необарокко. Доходный дом Е.М. Бутурлиной (Чайковского, 10). Арх. ГЛ. Боссе.
Современное фото*

Необарокко. Доходный дом (Моховая, 3). Арх. В.А. Шретер. Современное фото

Наиболее яркий необарочный доходный дом (ул. Сергиевская, ныне – ул. Чайковского, 10) возвел в 1857–1860 годах архитектор Г.А. Боссе для статс-дамы Е.М. Бутурлиной, супруги известного военного историка и директора Публичной библиотеки. Трехэтажное здание имеет центральный и два боковых ризалита, завершающиеся лучковыми фронтонами, что придает нарядность фасаду, создавая игру света и тени. Украшают фасад многочисленные скульптуры, колонны и пилястры. Как на императорском Зимнем дворце, даже на крыше находились статуи и фигурные нарядные вазы, к сожалению, не сохранившиеся. На уровне второго этажа вдоль всего фасада идет терраса, окаймленная нарядной ажурной решеткой. Над воротами в нарядном картуше находился герб владелицы, ныне утраченный.

Элементы барокко в оформлении фасадов. Доходный дом О.В. Серебряковой (Чайковского, 24). Современное фото

Элементы барокко в оформлении фасадов. Доходный дом купцов Черепенниковых (Фуриштатская, 2). Современное фото

И трудно поверить, что за столь роскошным барочным фасадом скрывается обычный доходный дом, в котором вместе с дворовым флигелем находилось 40 различных по

качеству квартир. Скромные дворовые квартирki занимали обойщик, сапожник, стеклодув. А в лучших квартирах парадного второго этажа жили знаменитые люди. Квартиру № 25 в только что отстроенном доме занял ученый-этнограф, чьими материалами пользуются до сих пор, предприниматель и меценат князь В.Н. Тенишев. А квартиру напротив под № 24 некоторое время спустя снял В.О. Ковалевский с молодой женой, ставшей впоследствии известнейшим математиком. Он так описывал в письме к ней только что снятую квартиру: «Комнаты у нас страсть какие высокие и светлые до крайности». А саму Софью настолько очаровала квартира, что в письме к сестре она восторженно написала: «Квартира наша такая прелесть, что я просто была поражена».

Кстати, дом Бутурлиной стал образцом для еще одной из удачных стилизаций во вкусе Растрелли. Архитектор В.А. Шретер в середине 1870-х годов превратил классические фасады дома полковника Устинова на Моховой ул., 3, в необарочные. Но оба эти строения мало похожи на доходные дома, а скорее – на особняки.

Хочется привести примеры использования «третьего барокко» для оформления огромных пятиэтажных нарядных доходных домов. Архитектор Б.И. Гиршович в 1900 году построил такой дом для дочери городского головы В.В. Ратькова-Рожнова – О.В. Серебряковой на Сергиевской ул., 24, а спустя пять лет – для Ю.Б. Бака на Кирочной ул., 24.

По заказу купца 1-й гильдии А.В. Черепенникова арх. П.И. Гилев в 1902 году возводит огромный угловой дом на Фурштатской ул., 2/12; доходный дом К.И. Шрейбера на углу Захарьевской ул., 41, и построенный архитектором В.И. ван дер Гюхтом в 1907 году на Потемкинской ул., 3. Все эти доходные дома перегружены лепным барочным декором, он, как ковер, покрывает фасады.

Стиль Людовика XVI

С 1870-х годов любимым стилем для оформления доходных домов стал так называемый стиль Людовика XVI, в котором использованы мотивы раннего классицизма русской и французской архитектуры конца 1750-1770-х годов. Для раннего классицизма характерна нежная пастельная палитра в окраске зданий, сложные по конфигурации фасады с выступающими ризалитами и полуротондами и изящная, а не выпуклая, как в барокко, лепнина.

Безордерный вариант стиля Людовика XVI особенно часто использовался для доходных домов второй половины XIX века. Фасады украшались характерными для раннего классицизма декоративными деталями – наличниками, карнизами, тягами, рустованными лопатками. Повторяющиеся простые детали отделки (маскароны, гирлянды и др.) позволяли штамповать гипсовые отливки в стандартных формах.

Безордерный стиль Людовика XVI. Доходный дом

(Большая Морская, 26). Арх. Р.А. Гедике. Современное фото

Архитектор Н.И. де Рошефор в журнале «Зодчий» за 1873 год № 3–4 отмечал разнообразие гирлянд – «от строгого лаврового жгута до воздушной пены роз и жасминов, и является особенно кстати там, где необходимо прервать монотонность нескольких параллельных линий или нарушить впечатление часто скучной, но необходимой симметрии».

Архитектор Р.А. Гедике, считавшийся большим знатоком стиля Людовика XVI, часто оформлял возводимые здания в этом стиле. Например, в доходном доме А.С. Воронина на Б. Морской ул., 26, простенки между окнами-витринами на первом этаже декорированы рустом. Также в стиле Людовика XVI оформлен им фасад доходного дома Г.А. Черткова на Миллионной ул., 23. Современники оценили «этот легкий, скромный и грациозный стиль», придающий «свежесть и нежность композиции».

Использование *ордера* в виде колонн и пилястр, охватывающих два верхних этажа, для оформления фасадов доходных домов в стиле Людовика XVI встречалось довольно редко. Хотя такие дома выделяются особой импозантностью – как три дома подряд №№ 10, 12, 14 по Адмиралтейской набережной.

Казалось бы, утрата традиций ансамблевой застройки позднего классицизма, отход от единства стилевого решения должны были негативно сказаться на архитектурном облике столицы, когда на улицах Петербурга стали мирно соседствовать дома по внешнему виду совершенно различных эпох и народов. Однако подобное многостилье второй половины XIX века имело положительное значение. Когда улицы Петербурга постепенно стали застраиваться по красной линии сплошными рядами доходных домов, примерно

одинаковых по высоте, то разные стили оформления фасадов помогали преодолевать общую монотонность.

Эклектика

Упоминавшиеся чистые стилизации, опирающиеся на какой-либо единый исторический архитектурный стиль, не могли стать образцом для массового строительства. Тем более что жизнь предъявляла к архитектуре все новые требования – впервые стали появляться многоэтажные доходные дома, не имевшие аналогов по размерам и формам в предшествующих периодах и, соответственно, архитектурных образцов. Архитекторы начали заимствовать из предыдущего не весь облик строений в целом, а лишь отдельные элементы из совершенно различных стилей, соединяя в единой постройке, казалось бы, несоединимое.

В «Художественной газете» за 1837 год была опубликована программная статья, где впервые прозвучало как термин «эkleктическое прекрасное направление»: «Наш век эkleктичен, во всем у него характеристическая черта – умный выбор. Все роды зодчества, все стили могут быть изящны и заключают каждый немалочисленные тому доказательства, все они пользуются своими средствами, перемешиваются и производят новые роды».

Архитектуру этого времени позже станут называть эkleктикой, а зодчих – эkleктиками (от греч. слова «эkleгейн» – выбирать, избирать), поскольку новый стиль основывался на выборе и соединении приемлемых для современной архитектуры мотивов и приемов различных исторических стилей. Известный петербургский архитектор-педагог А.К. Красовский рекомендовал студентам «изучать все стили, конечно, не для рабского подражания всем им, но дабы постичь все то, что каждый стиль имеет вообще хорошего и применимого к современным потребностям».

При столь массовом возведении доходных домов во второй половине XIX века контроль за их видом не мог не превратиться в пустую формальность. Несмотря на то что проекты должны были в обязательном порядке рассматриваться в Городской управе, в отдельных случаях – в Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел, а фасады доходных домов на главных улицах, проспектах и площадях – высочайше утверждаться, постепенно архитектура доходных домов окончательно становится частным делом домовладельца.

Теперь домовладельцы могли заказывать фасады домов в зависимости от своего вкуса и капитала. Фасад дома становился рекламой своего владельца. Домовладельцы пытались перещеголять один другого в роскоши оформления фасадов. Появляется целая индустрия «дешевой роскоши». Особенно старались владельцы доходных домов, ведь пышный импозантный фасад гарантировал высокую цену сдаваемых внаем квартир.

Искусствовед В.В. Стасов язвительно писал об этом увлечении: «Это архитектура, копирующая со старых образцов, с книг и атласов, с фотографий и чертежей, архитектура ловких людей, наострившихся в классах и потом преравнодушно отпускающих товар на аршин и на фунт... Угодно – вот вам пять аршин греческого „классицизма“, а нет – вот три с четвертью итальянского „ренессанса“. Нет, не годится? Ну, так хорошо же: вот,

извольте, остаточек первейшего сорта „рококо Луи Кенз“, а не то – хорошенький ломтик „романского“, шесть золотничков „готики“, а то – вот целый пуд „русского“».

Представить, как выглядели такие эклектичные доходные дома, можно на примере творчества одного из архитекторов. Нарядный доходный дом на Сергиевской ул., 63, возведенный в 1880 году архитектором В.Ф. фон Геккером по заказу корнета гвардии кн. А.Д. Чавчавадзе, поражает обилием лепных украшений.

*Эклектический стиль. Доходный дом князя А.Д. Чавчавадзе (Чайковского, 63).
Современное фото*

Традиционно выделен центр: колоннами, эркером и фигурным фронтоном. Новшеством же является особенно нарядный декор верхних этажей. С появлением лифтов в последней четверти XIX века стала расти привлекательность квартир в верхних этажах, соответственно и цена, что и отразилось на оформлении фасадов. Последний, четвертый, этаж украшен парными кариатидами, над итальянскими окнами третьего этажа – ниши с бюстами. Облик дома чрезвычайно эклектичен, его нельзя отнести ни к одному из предшествующих стилей.

Известен этот дом своей причастностью к движению художников-передвижников – здесь четверть века, до своей смерти в 1898 году, в квартире № 8 жил Н.А. Ярошенко, известный как художник своими картинами «Всюду жизнь», «Кочегар», «Курсистка» и др. Именно в его квартире по субботам собирались единомышленники.

Спустя двенадцать лет по проекту этого же архитектора на параллельной Фурштатской улице построен для генеральской вдовы В.Ф. Духовской также четырехэтажный

доходный дом (№ 25) с ярким эклектичным фасадом: здесь и каннелированные коринфские пилястры с парными масками, и эффектная рустовка, и элементы барокко.

А еще через шесть лет поблизости (Фурштатская ул., 15) для А.М. Сомова под руководством того же В.Ф. фон Геккера возводится нарядный эклектичный дом, украшенный коринфскими каннелированными полуколоннами, пилястрами, картушами с монограммой «S», бюстами в круглых нишах между окнами третьего этажа.

Кирпичный стиль

В противовес эклектичной пышности архитектура доходных домов в последней четверти XIX века стала стремиться к рациональным способам отделки фасадов. Что привело к распространению так называемого кирпичного стиля, при котором поверхность кирпичной кладки не штукатурилась.

Кирпичный стиль. Доходный дом (2-я линия В.О., д. 9).

Современное фото

Это сильно удешевляло строительство, а также содержание домов. При влажном петербургском климате штукатурка – слишком недолговечный материал, требовавший частых ремонтов.

Активным сторонником кирпичного стиля был архитектор И.С. Китнер. Так, в 1872 году в журнале «Зодчий» он высказывался о «громадном значении кирпичных построек как в практическом, так и в художественном отношениях. <...> Нет разумной причины не пользоваться преимуществами того материала, из которого возведено строение, и скрывать его под слоем штукатурки. Фасады из кирпича нисколько не уступают остальным в великолепии, если еще не превосходят их. Делая карнизы, наличники и прочие украшения из терракоты или натурального камня, можно достичь такого богатства форм и цветов, которому вряд ли будет в состоянии противостоять архитектура так называемых штукатурных строений».

Кирпичный стиль. Фрагмент дома (2-я линия В.О., д. 9).

Современное фото

Особенно много в кирпичном стиле строилось производственных зданий. Большим энтузиастом этого стиля был архитектор В.А. Шретер, построивший множество доходных домов: для фабриканта А.И. Ниссена в начале 1870-х годов на набережной р. Фонтанки, 183; дом в готическом стиле Н.А. Мейера (на углу ул. Марата, 66 и Социалистической) во

второй половине 1870-х годов; тогда же дом в мавританском вкусе Г.Ф. Вучиховского на пр. Римского-Корсакова, 33; а спустя пять лет – дом для своего отца в Зоологическом пер., 3; в 1890-е годы – свой собственный доходный дом на набережной р. Мойки, 112.

Многие архитекторы стали возводить здания в этом стиле. Например, в начале 1880-х годов архитектор К.Я. Маевский возводит доходный дом на углу Московского пр. и набережной р. Фонтанки, 16/110, и одновременно архитектор А.И. Аккерман – на канале Грибоедова, 132. В самом конце XIX века архитектор И.И. Иванов строит характерный кирпичный доходный дом на Английском пр., 39.

Получивший распространение первоначально как экономичный и рациональный, кирпичный стиль для доходных домов, в отличие от производственных помещений, постепенно становится все более нарядным. Фасады облицовываются высококачественным полихромным кирпичом, цветной керамической плиткой, живописными изразцами, придавая им нарядный, веселый вид.

А на смену кирпичному стилю уже зарождался новый стиль.

Северный модерн

На стенах – звериные морды,
Русалки с улыбкой усталой, —
Как накипь на стенках реторты,
Где варево века вскипало.
Вглядеться в изогнутость линий,
В растительно-зыбкий орнамент —
Поля стилизованных лилий
Качнутся, заходят волнами.

В.С. Шефнер. «Петербургский модерн»

Творения Ф.И. Лидваля

На рубеже XIX и XX веков в архитектуре сформировался новый стиль – модерн, что по-французски (*moderne*) означает «новейший» или «современный» (от латинского *modo* – недавно). В отличие от предшествующих ему стилизаторству и эклектике, модерн полностью отказывался следовать какой-либо архитектурной традиции. Для Петербурга характерен северный модерн, получивший распространение и в Скандинавии. Его отличают суровость и лаконичность архитектурного облика зданий, в облицовке которых широко использовался местный материал – гранит. Поэтичность, романтическую приподнятость зданиям придают изогнутость линий, растительные орнаменты, асимметрия, необычные формы оконных проемов. В скульптурном декоре характерны северные мотивы – изображения сов, зайцев, лисиц, медведей.

Одним из ярких представителей петербургского северного модерна был Ф.И. Лидваль. В течение 20 лет он проектировал и строил в Петербурге доходные дома в стиле модерн.

На рубеже XIX и XX веков, после возведения Троицкого моста, соединившего Петербургскую сторону с центром, Каменноостровский проспект стал важной парадной магистралью. И открывалась эта магистраль крупным комплексом доходных домов, построенным Ф.И. Лидвалем для своей матери (Каменноостровский пр., 1–3; М. Посадская ул., 5). В первой крупной самостоятельной постройке зодчего ярко проявились черты северного модерна, она стала своеобразной энциклопедией по применению технических и декоративных возможностей этого стиля.

В планировочном отношении архитектор показал преимущества открытых нарядных дворов, курдонеров, перед обычными закрытыми, а также пластичную красоту плавных перетекающих форм: декоративных элементов, оживляющих плоскость стен (многочисленных и разнообразных эркеров, балконов, террас), и крупных объемов корпусов в целом. Ф.И. Лидваль показал свойственное модерну сочетание разнообразных материалов: тесаного и грубоколотого камня, бархатистого многоцветия цементной штукатурки – гладкой, бороздчатой, зернистой; глянцево-блестящей керамической плитки. Особое внимание автор проекта уделил созданию комфортабельных, благоустроенных квартир. Здесь были и роскошные пятнадцатикомнатные «барские» квартиры, и квартиры для средних слоев в четыре – шесть комнат.

Северный модерн. Доходный дом А.Ф. Циммермана (Каменноостровский, 61). Арх. Ф.И. Лидваль. Современное фото

Северный модерн. Доходный дом при шведской церкви (Малая Конюшенная, 3). Арх. Ф.И. Лидваль. Современное фото

Вблизи дома матери, на М. Посадской ул., 15, 17, 19, Ф.И. Лидваль возвел три доходных дома в более лаконичной строгой манере.

Завершался Каменноостровский проспект нарядным, красочным, оптимистичным домом № 61, спроектированным для А.Ф. Циммермана. Ф.И. Лидваль завершил высокую с переломом кровлю этого здания декоративной башенкой (она сейчас не существует). Главные украшения дома – 18 разнообразных типов окон, использованных архитектором: прямоугольные, квадратные, овальные, с криволинейным завершением, они смотрят на просторы М. Невки.

Программным произведением модерна можно считать жилой дом (М. Конюшенная ул., 3) при шведской церкви Св. Екатерины, возведенной по проекту Ф.И. Лидваля. Центр фасада, выделенный светло-желтой глазурованной плиткой, подчеркнут плавно изогнутыми линиями лоджии, как бы перетекающей в два сложные эркера, завершающихся небольшими куполками. Характерно сочетание отделочных материалов различных фактур: гранит нижних этажей, зернистая штукатурка стен, гладкая плитка центра.

Северный модерн. Доходный дом Н.А. Мельцера (Большая Конюшенная, 19). Арх. Ф.И. Лидваль. Фото начала XX в.

Комплекс доходных домов гр. М.Л. Толстого (наб. р. Фонтанки, 52–54). Арх. Ф.И. Лидваль. Современное фото

Также ярко представлен модерн в доходном доме

Н.А. Мельцера, построенный Ф. Лидвалем на углу Б. Конюшенной ул., 19, и Волынского пер. Сейчас даже трудно себе представить насколько монументально выглядело это здание с мощным полукруглым эркером с двухъярусным шлемовидным куполом (часть завершения сейчас утрачена) в ту пору, поскольку не существовало тогда двух крупных соседних домов и гигантского Дома гвардейского экономического общества.

Для известного шведского промышленника Э.Л. Нобеля по проекту Ф.И. Лидваля возводится огромный доходный дом на Нюстадтской ул. (ныне – Лесной пр., 20). Асимметричный простой фасад пятиэтажного здания украшен в левой его части парадным входом с фигурками пуги по бокам и башенкой с куполом над ним и в правой части – проездом, оформленным в виде ренессансной аркады, поддерживаемой пятью парами изящных гранитных колонн. В облицовке здания используются крупные гранитные русты на первом этаже и фактурная штукатурка стен с декоративными элементами из красного отделочного кирпича.

Лучшим доходным домом, построенным Ф.И. Лидвалем, по праву считается сквозной жилой комплекс графа М.П. Толстого (наб. р. Фонтанки, 52–54; Троицкая ул., ныне – Рубинштейна, 15–17). Строгие фасады украшены тройными арками ренессансного типа, ведущими в анфиладу из трех парадных дворов. Сочетание различных материалов – красный кирпич нижних этажей, штукатурка стен, пилоны из тесаной путиловской плиты – придают зданию импозантный вид. Зодчему удалось избежать резкого различия в отделке лицевых и дворовых фасадов. Другая творческая находка Ф.И. Лидваля в этом проекте – создание первых в Петербурге комфортабельных однокомнатных квартир-студий в корпусе коридорного типа. В каждой комнате перегородки выделяли альков с умывальником и маленькую переднюю. Кухни и туалеты были общими для блока из 12 квартир.

В.В. Шауб – «поэт штукатурки»

Василий Васильевич Шауб строил по несколько зданий в год, всего им построено более 80 особняков, доходных домов, промышленных корпусов. Несмотря на необычайную продуктивность, В.В. Шауб проектировал не только само здание, но и его интерьеры: всю внутреннюю отделку и даже встроенную мебель, что было характерно для стиля модерн. Кроме того, он с присущей немцам скрупулезностью осуществлял авторский надзор за строительством.

Другие архитекторы, проектировавшие в стиле модерн в начале XX века, увлекались применением натуральных камней и новых отделочных материалов, считая, что штукатурка отжила свой век. Но В.В. Шауба современники недаром называли «поэтом штукатурки». Благодаря использованию штукатурок разных цветов и фактуры его здания изысканны и элегантны, несмотря на использование недорогих материалов. В этом, наверное, заключалась одна из причин популярности В.В. Шауба и обилия поступающих к нему заказов.

Особенно много его построек на традиционно привлекательном для немецких архитекторов Васильевском острове: доходный дом (Средний пр., 16), комплекс огромных семиэтажных доходных домов (18-я линия, 21 и 23) и шестиэтажный дом (20-я линия, 7).

Архитектор создает градообразующие угловые дома – на углу 16-й линии и Большого пр., 13/46; на углу Среднего пр. и 5-й линии д., 23/44; ул. Кропоткина, 19/8; на Малом пр. Петроградской стороны 85/11; ул. Яблочкова, 22/3; на Кронверкском пр., 79/2 (дом для крупного стекольного промышленника И.Е. Ритринга).

Но, пожалуй, самым известным из всех «шаубовских» зданий стал так называемый «утюг» – мрачного вида дом, как ледокол, своим острым углом рассекающий городской пейзаж в низовьях р. Фонтанки у Калинкина моста (наб. р. Фонтанки, 199/128). Многие художники рисовали этот уголок Петербурга с таким необычным домом. Очевидно, что он был дорог и самому автору – рядом он возводит еще более величественный дом, в нем архитектор поселился и жил до конца жизни.

Особенность творчества В.В. Шауба – создание ансамблей. Например, ансамбль величественных, увенчанных башнями и шпилями зданий на пересечении Каменноостровского проспекта и улицы Мира, создавший восьмигранную Австрийскую площадь (Каменноостровский пр., 13, 16, 20).

Для начала XX века с характерным для этого времени жестким соперничеством сторонников тех или иных стилевых направлений в архитектуре редки случаи, когда заслуги архитекторов признавались при их жизни.

Комплекс доходных домов в стиле модерн на Австрийской площади (дома № 13, 20). Арх. В.В. Шауб. Современное фото

Но именно В.В. Шауба современники ценили очень высоко. Известный историк И.Н. Божерянов так написал о нем в 1902 году: «Господин Шауб принадлежит к той блестящей плеяде художников, которые, держа высоко знамя искусства, не умоляя его значения, сумели совместить в себе исключительный талант при обширном практическом понимании строительного дела. Его особняки и даже доходные дома останавливают на себе внимание всех понимающих и любящих искусство. В своих работах он всегда избегает всякого подражания и стремится найти совершенно новые формы, долженствующие вытекать из самой сущности создаваемых им предметов». Эти же слова можно в полной мере отнести и ко всему стилю модерн.

Вкратце мы упомянули об архитектурном облике доходных домов Петербурга, чьи фасады оформлялись в зависимости от быстро меняющейся моды. Подробно останавливаться на анализе архитектурных стилей нет необходимости, поскольку этим занимаются специалисты-архитекторы, и ими изданы многочисленные фундаментальные труды.

Глава 3 Планировки

Мы с вами прошли по улицам старого Петербурга, мимоходом взглянув на фасады доходных домов. Сейчас предлагаю заглянуть во двory, разобраться с запутанными дворовыми флигелями, подняться на этажи, зайти в квартиры. Где-то путешествие наше будет воображаемым, в котором нам помогут письменные источники, ведь совсем не сохранились деревянные доходные дома. Из каменных доходных домов без капитального ремонта остались лишь самые поздние постройки и самые фешенебельные – около 23 % домов Петербурга не прошли капитального ремонта. Причем с каждым годом их

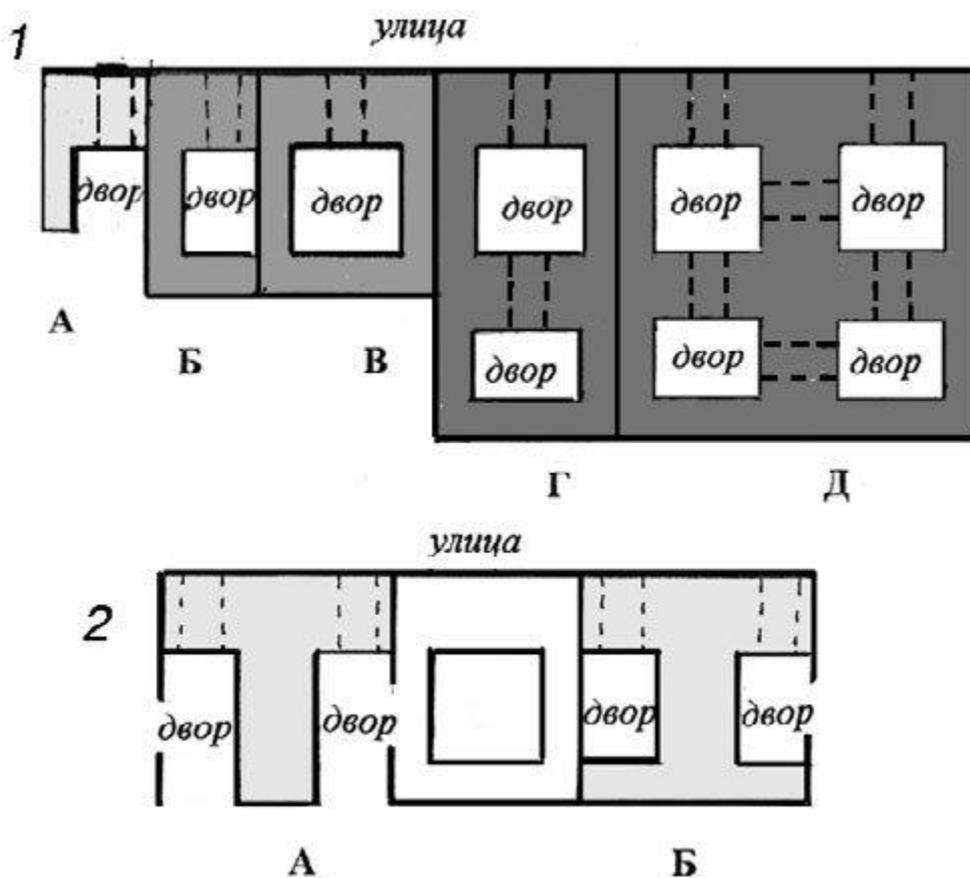
становится все меньше и меньше. Вот по этим домам, чудом сохранившим дух старопетербургских квартир, путешествие наше может быть вполне реальным.

Особенно хорошо сохраняется структура старых дворов. За редким исключением обычно даже вновь возводимые вместо разрушенных дворовых флигелей дома повторяют конфигурацию старых фундаментов. Поэтому мы можем соприкоснуться с чудными лабиринтами подлинных петербургских дворов. Проходными дворами можно легко пересекать целые кварталы. Дворы разные по величине и конфигурации: квадратные и прямоугольные, трапециевидные, шести- и восьмигранные, и даже овальные эпохи модерна. Приглашаю вас из лестничных окон заглянуть и в световые дворики, чья площадь иногда чуть больше 4 кв. м (1 кв. сажень).

Городские дворы

В последней трети XVIII века и в первой половине XIX века доходный дом возводился вдоль улицы в размере участка. Боковые стены делались глухими, то есть без окон, чтобы соседний дом можно было пристроить вплотную, как того требовала сплошная застройка улиц «единою фасадом». Эти глухие стены, возведенные из огнеупорного кирпича для предупреждения распространения пожара с одного здания на другое, назывались «брандмауэры» (от нем. brandmauer – пожарная стена). Окна парадных комнат выходили на улицу, а окна личных помещений смотрели во двор, окруженный по периметру хозяйственными постройками – сараями, конюшнями, дровяниками. Все они имели вход со двора, а к границам участка выходили тыльной стороной.

Во второй половине XIX века, особенно в центральных районах, из-за возрастающей плотности городской застройки стал быстро распространяться иной тип двора, где место хозяйственных построек заняли жилые флигеля. Часть необходимых сараев вытеснялась на середину двора, часть встраивалась в жилые корпуса в качестве подвального этажа (прачечные, ледники, погреба) или первого этажа (каретные сараи).

Дворовая планировка

Если ширина участка была до 20 метров, то возводили только один боковой флигель, дом принимал на плане очертания буквы «Г» (рис. 1А); если позволяла длина участка, к боковому флигелю пристраивали флигель, параллельный уличному, и план дома становился похожим на букву «С» (рис. 1Б).

Если ширина участка составляла более 20 метров, то двор заключался в замкнутое каре с двумя боковыми флигелями. Такая застройка называлась «периметральной» (рис. 1В) и являлась наиболее распространенной.

Крупные удлиненные участки позволяли возводить двусторонние поперечные дворовые флигеля, делавшие единое дворовое пространство на анфиладу дворов, соединенных проездными арками (рис. 1Г) (например, Гагаринская ул., 3). Иногда строение имело два уличных фасада, занимая внутриквартальное пространство между двумя параллельными улицами. Так образовывались знаменитые петербургские проходные дворы (например, наб. р. Мойки, 20,—Б. Конюшенная ул., 11; Кирочная ул., 14,—Фурштатская ул., 13).

Когда участок имел достаточно большую ширину, то внутри дворового пространства возводились тоже двусторонние крестовидные дворовые флигеля (рис. 1Д), создававшие несколько параллельных анфилад дворов, соединенных между собой проездными арками.

Значительно реже встречаются примеры планировки внутренних флигелей не по периметру, а в центре участка, образуя в плане два открытых двора: «Г»-образные (рис. 2А) и «Н»-образные (рис. 2Б). Такая планировка дворов позволяла размещать и в дворовых флигелях комнаты в два ряда, хотя из окон открывался вид на близкую глухую стену соседнего домовладения.

Курдонер – открытый в сторону улицы двор. Подобную планировку доходных домов начали интенсивно практиковать на рубеже XIX и XX веков. Домовладельцы, естественно, хотели получать максимальную прибыль, а именно курдонер давал возможность увеличить длину «парадного» фасада в два или в два с половиной раза и, соответственно, умножить количество дорогих квартир.

Плотность застройки в середине XIX века ограничивалась правительством. Так, по Строительному уставу 1857 года двор должен был иметь площадь не менее 30 кв. сажень (135 кв. м) с расстояниями между флигелями не менее 3 сажень (6,4 м), если противоположная стена была без окон; и 6 сажень (12,8 м), если окна выходили во двор с обеих сторон. Но эти нормы касались лишь одного двора домовладения, все другие дворы могли быть еще меньше – от 4 кв. сажень (18 кв. м), поскольку расстояние между многоэтажными каменными флигелями не допускалось менее 2 сажень (4,26 м). Именно такие дворы стали именоваться «дворами-колодцами».

Все дворы по тому же уставу должны сообщаться с улицей или с другими дворами проездами шириной не менее 4,5 аршин (более 3 м).

Световые дворики, в отличие от обычных дворов, не соединялись проездными арками, и попасть в них можно было только через дверь с черной лестницы (иногда – лишь через окно). Использовались они только для освещения – в них выходили окна хозяйственных помещений квартир (кухонь, коридоров, отхожих мест, чуланов).

Курдонер на Каменноостровском проспекте, 73–75.

Современное фото

Световой дворик. Современное фото

Чаще всего они располагались в углах домовладения, где сходились перпендикулярные флигеля. Площадь световых двориков, или световых колодцев, должна быть не менее 1 кв. сажени (то есть менее 5 кв. м).

Внутридомовая и квартирная планировки

Дома галерейного типа

Сначала доходные дома попробовали строить с галереями, располагавшимися по периметру двора (тип дома, заимствованный из Европы). Например, дома 1 и 3 на Мучном переулке, построенные в конце XVIII века П.С. Садовниковым. С открытых галерей имелся вход в квартиру, а иногда и в каждую комнату (Мучной пер., 9).

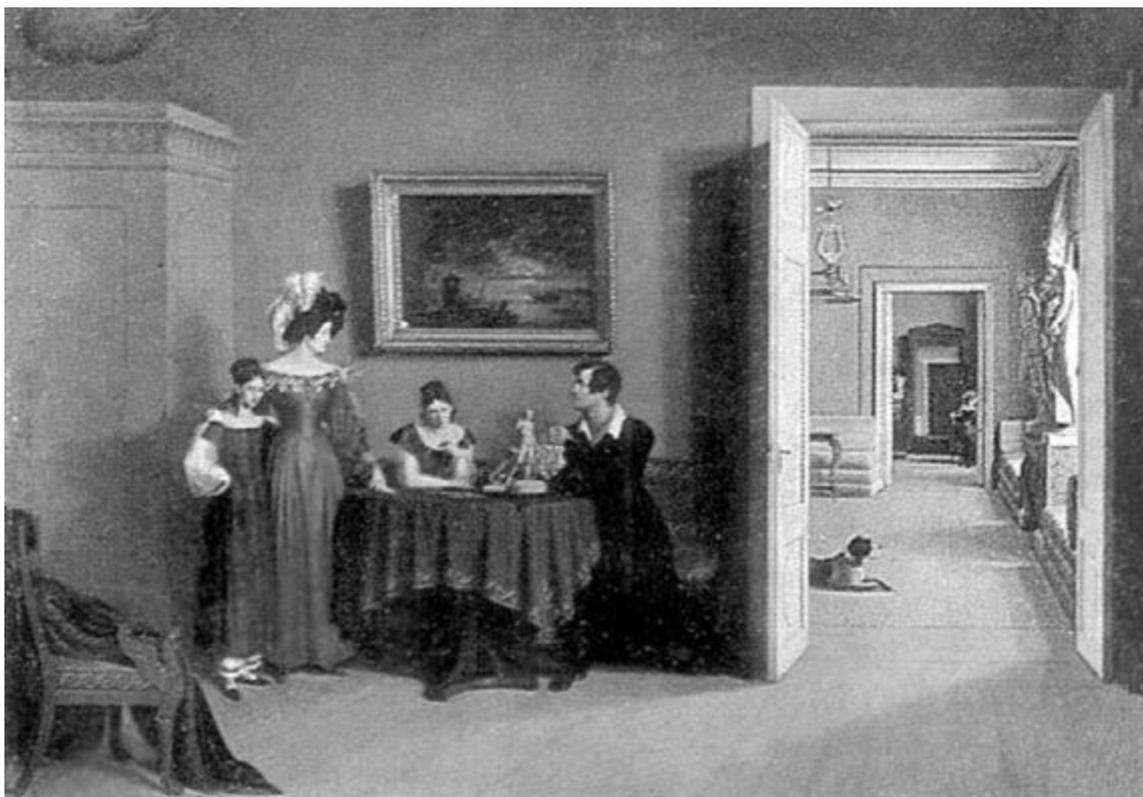
Вот как описывает Д.В. Григорович в главе 3 «Петербургских шарманщиков» галерейную планировку: «Маленький двухэтажный деревянный дом, выкрашенный всегдашнею зелено-грязною краскою и возвышающийся в углу темного двора, служит им убежищем. Наружность такого рода строений облеплена обыкновенно галереями, на которую с трудом взбираешься по шаткой лестнице».

Из-за холодного климата галереи в Петербурге не прижились, несмотря на то что их даже пытались застеклять (наб. р. Фонтанки, 84). Преимущество галереи как своеобразного общего коридора не ценилось петербуржцами, привыкшими к анфиладам и не испытывавшими в проходных комнатах ни малейшего неудобства.

Анфиладная планировка

Уличный корпус всегда строился двусторонним, то есть его окна выходили на улицу и во двор. В каждой квартире было по две параллельных анфилады комнат. Вдоль уличного

фасада шла парадная анфилада, во двор выходили окна также анфиладно расположенных жилых комнат.

Анфилада парадных комнат в квартире Ф.П. Толстого заканчивается зеркалом. Картина Ф.П. Толстого «Семейный портрет», 1830, ГРМ

Внутренняя планировка квартир

Комнаты двух анфилад сообщались и между собой. Такие двусторонние квартиры (рис. 1А) ценились, во-первых, из-за престижности уличного фасада, куда выходила половина окон квартиры, и, во-вторых, из-за возможности сквозного проветривания.

старинных дворцов и квартир, как правило, проходные, соединяющиеся в анфилады, и ни в одной из комнат нет полного уединения. Разумеется, причина не в «неумении» архитекторов или строителей планировать помещения по-другому. Причина в другом – в особом самоощущении человека, постоянно остававшегося на виду и не терпевшего от этого никаких моральных неудобств.

Коридорная планировка

Только со второй половины XIX века в Петербурге постепенно начинают появляться обособленные закрывающиеся покои, комнаты. Сначала это супружеские спальни и кабинеты, затем и другие личные комнаты. Индивиды начинают сильнее испытывать потребность в уединении.

С 1860-х годов в квартирах планируются коридоры, причем первоначально анфиладность сохраняется, а коридоры играют вспомогательную роль – ими пользуется прислуга. Так зародились (по современной жилищной терминологии) смежно-изолированные комнаты. В уличных корпусах коридоры располагались между двух анфилад (рис. 1Б), а в дворовых – вдоль глухой стены квартиры (рис. 2Б).

Постепенно коридорами начинали пользоваться все шире, иногда не используя межкомнатные двери. В середине 1880-х годов стали строиться квартиры с изолированными комнатами. Определить долю фактически изолированных комнат можно, поскольку даже заделанные и оклеенные обоями некогда существовавшие межкомнатные двери все равно указываются в сохранившихся поэтажных планах.

От свободной планировки к секционной

Первоначально все комнаты в каменных домах строились в капитальных стенах, и границы между квартирами отсутствовали. В зависимости от желания и потребности арендатора варьировалось количество комнат, предоставлявшихся ему. Одно и то же помещение могло быть нанято как единая квартира, с двумя входами; в нем могли быть выделены две квартиры, вход в одну из них – с парадной, в другую (обычно с меньшим количеством комнат) – с черной лестницы; максимальное количество квартир – четыре, когда отдельно сдавались разделенные уличная и дворовая анфилады комнат. Размер квартиры, то есть количество в ней комнат, определялся потребностями нанимателя. Кухни могли располагаться в любом месте квартиры.

К середине XIX века в квартирах произошло разделение комнат по функциям. С появлением раковин и отхожих мест, соединенных трубой с выгребной ямой, возникла необходимость расположения хозяйственных помещений одного над другим. Начинает формироваться новая планировка квартир – секционная, то есть кухни поэтажно должны располагаться одна над другой, а не в любом месте квартиры, как это было раньше. По мере распространения водопроводных и канализационных систем требования секционности становились все более жесткими.

Одним из самых ранних примеров четкой секционной схемы из сохранившихся зданий является нарядный дом А. Мейера (ул. Марата, 6б), построенный в 1876 году архитектором В. Шретером. Принцип секционной планировки является единственным до

нашего времени, ничего нового в планировке квартир вот уже более 100 лет не изобреталось.

Малометражная планировка

В начале XX века впервые появились специальные дома с дешевыми квартирами для неимущих. Поскольку возводились они не на индивидуальные средства, а на средства страховых акционерных обществ, то для строительства покупались огромные участки, иногда целые кварталы, где дома располагались свободно, вместо обычной сплошной застройки. Из-за происходивших социальных перемен (необходимость женщине работать) делаются шаги к переходу от жилого дома к жилищно-бытовому комплексу, с магазином, амбулаторией, столовой, детской комнатой. Изменилась и планировка квартир. Поскольку появились общедомовое центральное отопление, канализация, то стал возможен отказ от черных лестниц. Квартиры стали ниже в полтора раза: 4 аршина вместо привычных 6 (то есть 2,8 м вместо 4,2 м). Средняя площадь комнаты – около 11 кв. м. Делаются совмещенные санузлы и в однокомнатных квартирах – кухонные ниши вместо кухонь. Для экономии площади квартиры оборудовались встроенной мебелью. Но подобные дома были единичны, массовым жильем они станут только спустя 60 лет – знакомые нам малометражные «хрущевки».

Перепланировка под сдачу внаем

Мы рассмотрели здания, специально возводимые для доходных домов. Но во второй половине XIX века довольно интенсивно начали переделывать под сдачу внаем уже существующие дома. К концу XIX века особняки и другие дома индивидуального пользования в Петербурге составляли менее одного процента от общего количества.

Особняки, превращенные в доходные дома

Во второй половине XIX века особняки содержат в Северной столице немногие. Подавляющее большинство владельцев особняков переоборудуют их под отдельные квартиры для сдачи внаем. Естественно, возможность переделок зависела от особенностей планировки каждого особняка. Обычно за собой домовладелец сохранял парадный второй этаж, превратив его в отдельную квартиру. Парадные помещения (кабинет, спальня, запасные гостиные и комнаты для гостей) с окнами во двор после установки перегородок становились личными жилыми комнатами. У черной лестницы, которой пользовались в особняке слуги, приходилось выделять комплекс хозяйственных помещений: кухню, комнаты для прислуги, ватерклозет, чулан и т. п.

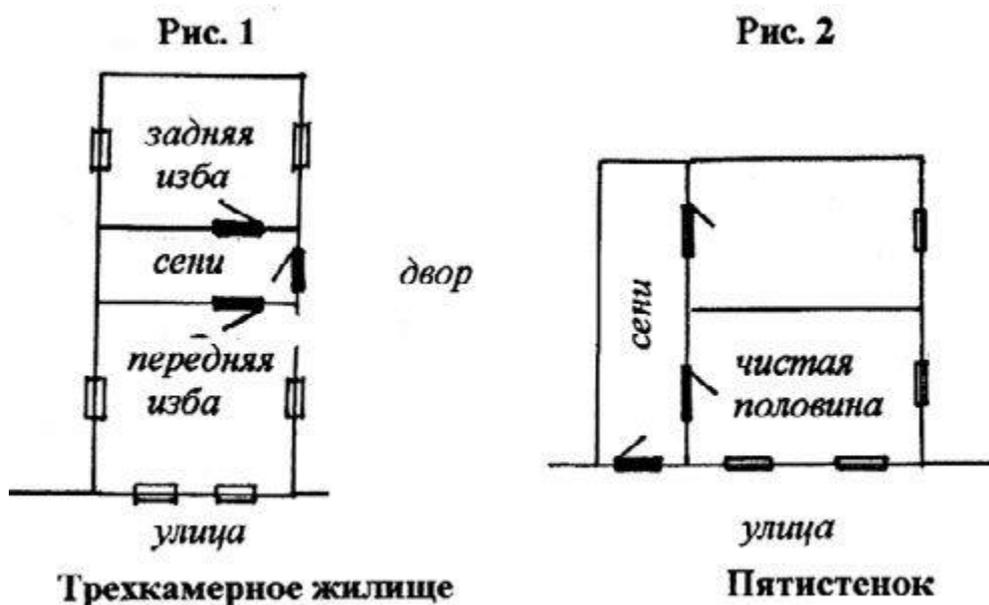
Под жилье квартирантов перепланировались хозяйственный первый этаж и третий этаж, где раньше располагались личные комнаты хозяев особняка, а также дворовые флигеля. Но чаще на месте небольших одноэтажных дворовых флигельков, в которых жили управляющий с семьей, слуги, приживалки и располагались хозяйственные помещения (баня, прачечная, каретный и дровяной сараи, погреб и др.), возводились огромные 4-5-этажные дворовые флигеля с квартирами, специально спланированными под жильцов. Также стала привычной надстройка самого особняка на один или, реже, на два этажа.

Переделка в доходные традиционных деревянных домов

К началу XIX века все деревянные городские дома стояли на красной линии улицы. Между домами тянулся сплошной забор с калиткой и воротами.

Планировка деревянных домов в Петербурге сохранилась традиционной. Одноэтажные и двухэтажные дома обычно строились трех типов. Первый тип – трехкамерное жилище, представлявшее собой две избы, соединенные сенями, вход в них был со двора. Передняя изба, имевшая окна на улицу, обычно предназначалась для жильцов, а заднюю занимали хозяева (рис. 1). Передняя изба делилась легкими (тесовыми) перегородками обычно на четыре помещения: «зал» и спальня вдоль окон, выходивших на улицу, кухня и прихожая – с боковыми окнами во двор. Комнаты, оклеенные шпалерами (обоями), отапливались печью голландкой, а кухня – русской печью. Задняя изба, по другую сторону сеней, где жили хозяева, в первой половине XIX века еще могла быть курной, то есть отапливаться «по-черному». Обычно жилое пространство хозяйской избы не делилось вовсе, иногда выделялся перегородкой (не до потолка) «бабий кут» (кухня). В сенях отгораживали чулан, сдаваемый одиноким беднякам. Чулан мог быть даже с окном, но не отапливался.

Второй тип планировки деревянного жилища – пятистенок, где пятая (капитальная) стена делила пространство избы обычно на чистую половину, располагавшуюся вдоль уличного фасада, и на хозяйственную. Вход в оба помещения устраивался из сеней, тянувшихся вдоль дворового фасада и имевших вход с улицы (рис. 2).

Планировка деревянных домов: трехкамерное жилище (рис. 1) и пятистенок (рис. 2)

Пятистенки встречались значительно реже, и принадлежали они горожанам победнее.

Третий тип планировки шестистенок (или крестовик) имел две капитальные стены, делящие внутреннее пространство. Этот дом представлял собой составленные вместе четыре сруба с общими внутренними бревенчатыми стенами, длина каждой стены, составленной из двух бревен, достигала 12 сажень. Площадь таких домов бывала огромной – более 600 кв. м. Внутри каждого сруба помещения делились легкими

перегородками, образуя до 16 комнат. Встречался подобный тип строения редко и только у очень богатых домовладельцев.

Внешне все три типа легко отличимы. Трехкамерник («две избы через сени») и пятистенок, оба выходили на улицу тремя окнами, но пятистенок имел выход с крыльечком на улицу. Шестистенок мог иметь вход и с улицы, и со двора, но по фасаду – шесть окон. Пол первого этажа любого деревянного петербургского дома возвышался над землей не менее, чем на 1 аршин (0,7 м). Во всех описаниях входа в дом упоминается крыльцо. Крыши домов, как правило, делались двухскатными, хотя есть упоминания и о четырехскатных. Под крышей – чердак.

К середине XIX века с распространением сдачи жилья внаем индивидуальные деревянные дома превращаются в многоквартирные. Во-первых, за счет увеличения этажности – обычно надстраивался имеющий отдельный вход с улицы второй этаж, он и сдавался жильцам, а первый использовался владельцем для жилья и торгового (лавка, трактир) хозяйского помещения. Во-вторых, пристройкой срубов, связанных между собой лестничными клетками. В-третьих, разгораживанием помещений внутренними перегородками.

Интересно отметить, что, подражая городской традиции, в чистой половине пятистенка или в передней избе трехкамерника пространство делилось на анфиладно расположенные комнаты: двери вели непосредственно из комнаты в комнату, и все они оказывались проходными.

Деревянные дома традиционной планировки и перестроенные под сдачу во множестве сохранялись в окраинных районах и в предместьях до Великой Отечественной войны, когда основная масса их погибла, оказавшись на линии фронта или будучи разобранной на дрова.

Что сохранилось от внутренней планировки доходных домов до наших дней

Планировка квартир обычно сохраняется неплохо. Но очень осторожно надо относиться к деленным квартирам. Если квартира располагалась на втором или третьем этаже, где находились многокомнатные так называемые барские квартиры, то в ней обязательно было два входа: с черной и парадной лестниц. Если же сегодня вход в квартиру устроен с одной лестницы, то совершенно очевидно, что перепланировка произошла в послереволюционный период, о чем также свидетельствует наличие в квартире с парадным входом кухни, переоборудованной из жилой комнаты.

Деление квартир на других этажах часто происходило и до революции, о чем свидетельствуют данные переписей, обследований санитарных врачей и мемуарная литература. Так, квартиры подвальных этажей обычно делились на однокомнатную швейцарскую с выходом на парадную лестницу и многокомнатную квартиру с выходом на черную лестницу, которую артельно арендовали сезонные рабочие, или она использовалась под «угловых» жильцов. Квартиры верхних этажей обычно тоже дробились, на парадную лестницу выходила квартира с большим количеством комнат, а на черную – с меньшим.

Деревянный доходный дом (В.О., 5-я линия, д. 58).

Современное фото

Наиболее часто встречающиеся изменения планировки внутри квартир – заложенные двери между анфиладно расположенными комнатами, местоположение их обычно заметно, и деленные перегородками комнаты, о чем красноречиво говорит неполный рисунок потолочного плафона. Эти изменения тоже могли произойти как до, так и после революции.

С учетом вышеперечисленных особенностей вполне достоверно можно судить о планировке и размерах квартир доходных домов.

Итак, в планировке квартир произошли изменения. С повсеместным распространением водопровода проектирование многоэтажных домов стало исключительно секционным, то есть кухни стали располагаться одна над другой, а не в любом месте квартиры, как делалось раньше. Для квартир становится характерна коридорная структура. Анфиладная планировка продолжает сохраняться параллельно с коридорной только в парадных помещениях барских квартир. Если раньше любая комната имела капитальные стены, то к концу XIX века помещения как деревянных домов предместий с традиционной планировкой, так и многоэтажных каменных домов центра все чаще делят перегородками, образуя вместо одной несколько комнат. Вызвано это распространением сдачи жилья внаем. Во второй половине XIX века шло заметное уменьшение площади комнат, причем как личных, так и парадных.

Обычно специально построенный доходный дом возводился из камня, однако 3 % из построенных домов строились из дерева. Естественно, время, революция, война и другие катаклизмы уничтожали прежде всего деревянные доходные дома. Сейчас мне известен только один чудом сохранившийся дом подобной планировки на 5-й линии Васильевского

острова, 58, да и то он расселен и законсервирован уже много лет в ожидании капитального ремонта (более вероятно, что его снесут...).

Глава 4 Размеры домов

Когда сегодня говорят о размерах жилища, прежде всего вызывает интерес его площадь. А вот горожане XIX века для обозначения размера дома говорили об этажности и количестве квартир в нем. Размер квартиры обозначался количеством комнат, и никогда – площадью. Площадь интересовала лишь специалистов – строителей и кредиторов. Гигиенисты говорили об объеме воздуха в помещении.

Попробуем реконструировать размеры реального жилища по параметрам, значимым для горожан XIX века.

Количество этажей

Одноэтажный дом, убогий и невидный.
... Твой простодушный вид
И странен, и смешон в семье их франтоватой.

С. Надсон. Старый дом

Дети каменной неволи
Многоярусных гробниц!

В. Князев. Проклятый город

Для XVIII и первой половины XIX века самым распространенным в Петербурге был так называемый полтораэтажный дом с одной – двумя квартирами. Интересно, что полтора этажа – не в среднем, а именно в каждом доме. Половина этажа – это надстройка над основным первым этажом. В городах она называлась мезонином (от французского *maison* – маленький домик, или, что вероятнее, от итальянского *mezzanine* – средний), а в традиционном жилище – горницей (за ее верхнее, «горнее» положение) или светелкой. В традиционном жилище это было неотапливаемое чистое помещение, где обычно жили выросшие дети. Городские мезонины чаще всего отапливались «автономно» железными печками.

Второй вариант полэтажности – высокий подклет или цокольный этаж под основным первым этажом. Чаще всего он был каменным, а жилой верх – деревянным. Подклет использовался в зависимости от рода занятий хозяина. В нем могли находиться производственные помещения ремесленника; торговые или складские помещения торговой семьи. Хотя торговые помещения любили ставить на усадьбе отдельно, они

всегда строились каменными и назывались «торговыми палатками». Если семья не занималась торгово-производственной деятельностью, то в цокольном этаже размещались кладовая, кухня и другие хозяйственные помещения.

*Деревянный дом с мезонином на Малой Итальянской улице
(ныне – ул. Жуковского). Акварель Ф.Ф. Баганца, 1860-е гг.*

*Дома разной этажности в Озерном переулке.
Акварель Ф.Ф. Баганца, 1860-е гг.*

Только на центральных улицах строились многоэтажные (двух-, реже трехэтажные) каменные дома. Размеры домов резко меняются в последней трети XIX века, в связи с освобождением крестьян и резким увеличением городского населения. Преобладающие типы домов (по размерам) в Петербурге в конце XIX века следующие: двухэтажные дома от 6 до 20 квартир составляли чуть более 40 %; одноэтажные 1-5-квартирные домики –

почти 25 %; немного более 20 % – трехэтажные дома, в них имелось от 21 до 50 квартир. Каждый десятый дом – четырехэтажный, но многонаселенные дома все еще оставались редкостью, только в 375 домах было более 50 квартир, в их числе всего 6 домов с числом более 200 квартир.

В конце XIX века в среднем по городу каждый десятый дом имел от 4 и выше этажей. Привычное для нас множество домов в 5–7 этажей в историческом центре Петербурга появилось уже в первые десятилетия XX века. К 1917 году средняя этажность петербургских домов выросла до 4,3 этажа.

Как относились петербуржцы к росту этажности своих жилищ?

Как мы видим из стихотворных эпиграфов в начале этой главы, с одной стороны, маленькие одноэтажные дома не престижны, убоги. С другой стороны, 5-6-этажные дома еще не стали привычными, они воспринимаются болезненно, как что-то чуждое человеку, враждебное ему.

Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.

А. Ахматова. Северные элегии, 1945

Однако вернемся от поэзии к сухому языку цифр. Ответ на вопрос об отношении петербуржцев дает анализ цен на жилье в зависимости от этажа. Самыми предпочтительными для жилья (и, естественно, самыми дорогими) становятся квартиры на 3-м и 4-м этажах, а ранее самый престижный 2-й этаж в конце XIX века ценится так же, как 5-6-й этажи.

Так, героиня рассказа «Просительница» В. Авсеенко, опубликованного в первом томе «Петербургских очерков» в 1900 году: «Подъехала к воротам большого дома, прошла через асфальтовый двор, поднялась по весьма опрятной лестнице в 3 этаж и позвонила. В прилично убранной гостиной» она была принята. Казалось бы, штрих, но читателю ясен статус солидного хозяина квартиры.

В романе «Идиот» «Ганечкина квартира находилась в третьем этаже, по весьма чистой, светлой и просторной лестнице и состояла из шести или семи комнат». (Важен престижный третий этаж и качество лестницы, а количество комнат менее значимо!)

Объясняется это изменение чрезвычайно прозаически. Чем сильнее рос Петербург, тем больше в нем появлялось транспорта. Попробуем, дорогой читатель, услышать звуки улицы конца XIX века. По булыжной мостовой едут с грохотом одна за одной телеги, скрипя плохо смазанными колесами, дребезжит небрежно привязанная поклажа, кричат возницы. Эта какофония сильно изводила горожан (чтобы уменьшить уличный шум перед домом, где находился больной человек, проезжую часть выстилали сеном).

А теперь попробуем уловить запахи петербургских улиц. «Трудно жить в Петербурге – дышать нечем; на улицах висит сизоватая пелена каких-то промозглых испарений, начинает пахнуть, даже на лучших улицах, навозом», – писал С.Р. Минцалов в книге «Петербург в 1903–1910 годах». К началу XX века по улицам Петербурга бегало 60 тысяч

лошадей. И запахи, и звуки гнали петербуржцев из первых этажей. (Умолчу про запахи выхлопных газов и рев моторов от тысяч автомобилей в дни сегодняшние...)

Количество квартир и комнат в них

Динамика изменений размеров петербургских домов в последнюю четверть XIX века хорошо прослеживается по данным городских переписей, проводившихся в 1881, 1890 и в 1900 годах. Из таблицы 1, составленной по данным этих переписей, видно, как резко уменьшается доля маленьких (1-3-квартирных) домишек, как устойчиво держится доля средних по количеству квартир домов. Удивляет единичность крупных (более 50 квартир) домов.

Таблица 1

Доля жилых домов по количеству квартир в них

Количество квартир в доме	Количество домов по переписи					
	1881 год		1890 год		1900 год	
	шт.	% от общего числа	шт.	% от общего числа	шт.	% от общего числа
1	1151	13	517	6	692	7
2P3	1395	16	1175	13	1085	11
4P5	995	11	1019	11	1057	11
6P10	1830	20	1820	20	1867	19
11P20	1893	21	2109	24	2352	24
21P50	1450	16	1920	22	2154	22
51P100	202	2	310	3	348	4
Более 101	46	1	65	1	80	1
Всего	8962	—	8935	—	9635	—

Многочисленных домов было немного, но они располагались крайне неравномерно по участкам, в 7 участках доля многоэтажных домов в 2–3 раза превышала среднегородской показатель: Спасский 1-й – 38,3 %; Спасский 2-й – 40 %; Московский 2-й – 41,7 %; Литейный 2-й – 44,3 %; Московский 3-й – 44,7 %; Казанский 3-й – 45,2 %; Спасский 4-й – 48,2 %. В 5 центральных участках такие дома составляли большинство застройки: Московский 1-й – 59,4 %; Спасский 3-й – 59,4 %; Адмиралтейский 1-й – 59,1 %; Казанский 2-й – 52,7 %; Казанский 1-й – 51,7 %. (см. карту на с. 2–3).

Большие дома преобладали над маленькими в центре (во всех четырех участках Спасской части, во всех трех участках Казанской части и в первых участках Адмиралтейской, Московской и Литейной частей).

Маленькие дома преобладали над большими, естественно, на окраинах: 4-й участок Петербургской части (острова с множеством дач), 2-й и 3-й (Охта) участки Выборгской части и 1-й участок Александро-Невской части.

Подавляющее большинство петербуржцев (85 %) к концу XIX века жило в многоэтажных, многоквартирных (более 10 квартир) домах. Причем доля живущих в многоквартирных

домах выросла на 5 %. Как видим, основная масса петербуржцев жила в домах, где было от 20 до 50 квартир (табл. 2).

Выше уже упоминалось, что размер жилища в конце XIX века никогда не рассматривался как площадь, а только как количество «чистых» комнат. Термин «чистая комната» совпадает с современным понятием «жилая комната», но в XIX веке жилыми были практически все помещения в квартире, включая кухни и передние (о чем подробнее будет рассказано далее в главах об использовании жилых помещений различными социальными слоями), поэтому мы будем пользоваться термином XIX века, а не современным. «Чистыми» считались все помещения за исключением кухни, передней (прихожей, сеней), ванной и ватерклозета.

Таблица 2

Распределение петербуржцев в зависимости от размеров домов их проживания

Количество квартир в доме	Количество жителей			
	1881 год		1900 год	
	число жителей	% от общего количества	число жителей	% от общего количества
1	8790	1	7989	1
2P3	24 777	3	20 283	2
4P5	30 653	4	32 200	3
6P10	103 231	12	102 477	9
11P20	203 955	24	233 629	21
21P50	329 746	38	475 769	43
51P100	112 261	13	170 542	15
Более 100	46 671	5	70 574	6
Всего	860 084	—	1 113 463	—

На основании данных переписи 1890 года можно представить размер (количество комнат) более 115 тысяч квартир, 100 219 из них использовались исключительно для жилья и 15 266 использовались одновременно для жилья и размещения торговых или ремесленных заведений.

По районам они распределялись так (среднее число комнат, считая в их числе кухни и прихожие, на одну квартиру): Более 5 комнат – вся Адмиралтейская часть; вся Литейная часть; 1 уч. Спасской и Василеостровской частей; 1, 2 и 3 уч. Московской части; 2 и 3 уч. Казанской части.

От 4 до 5 комнат – вся Коломенская часть; вся Рождественская часть; 1 уч. Александроневской, Казанской и Нарвской частей; 2 уч. Василеостровской части; 2 и 3 уч. Спасской части; 1 и 4 уч. Петербургской части; 4 уч. Московской части.

Менее 4 комнат – вся Выборгская часть; 3 уч. Василеостровской части; 2 и 3 уч. Петербургской, Александроневской и Нарвской частей.

1—2-комнатные квартиры

Большинство петербургских квартир, половина всего жилого фонда, – это 1-2-комнатные квартиры. Среди квартир, занятых под жилье и заведения, больше двухкомнатных (30 %) и меньше однокомнатных (20 %), а среди только жилых квартир они распределялись поровну (по 24 %). Процент жилых двухкомнатных квартир по отдельным участкам отклонялся незначительно: только лишь в одном (Спасском 3-м) их доля достигала трети всех жилых квартир, и ниже 15 % их доля опускалась тоже только в одном участке (Спасском 2-м). В 13 участках их доля не превышала 20 %, а в 3 поднималась выше 30 %. Среди квартир, занятых под жилье и заведения, как раз наоборот: двухкомнатные квартиры составляли не более 20 % только в 3 участках, зато более чем в половине города (23 участка из 38) они составляли от 30 до 40 %. Зато разброс доли маленьких квартир в зависимости от участка значителен – в 5 раз: от Ую (Московский 2-й) до половины (Выборгский 3-й). Больше трети однокомнатные квартиры среди жилых квартир составляли в 8 участках (Выборгском 3-м – 50 %; Спасском 2-м – 42 %; Петербургском 4-м – 42 %; Нарвском 3-м – 38 %; Выборгском 1-м – 37 %; Рождественском 3-м и Василеостровском 3-м по 34 %; Петербургском 3-м – 33 %), и только в одном участке (Выборгский 3-й). Однокомнатные квартиры были редкими (до 15 %) в 6 участках, как для жилых (Литейном 2-м и 3-м по 14 %, Казанском 3-м, Московском 1-ми 3-м – по 12 %; Московском 2-м – 11 %), так и для квартир с заведениями (вся

Адмиралтейская часть, вся Спасская и Казанская часть за исключением 4-го участка) (см. карту на с. 2–3).

Таким образом, небольшие квартирki в 1–2 комнаты более чем в половине города составляли от половины до $\frac{3}{4}$ всех жилых квартир. В основном это были окраинные участки.

3—5-комнатные квартиры

В среднем по городу 3-5-комнатные квартиры составляли 40 %, причем доля их не зависела от использования; в среднем по городу среди жилых квартир они составляли 40 % и 38 % среди квартир, занятых под жилье и заведения. Естественно, что доля таких квартир была устойчиво высокая в центральных районах, а в 3-х участках они составляли более половины квартир, предназначенных только для жилья (в Московском 2-м – 53 %; в Казанском 3-м – 51 %; в Петербургском 1-м – 50 %).

Доля 3-5-комнатных квартир падала к окраинам, причем особенно резко это падение заметно среди квартир, занятых под жилье и заведения: в 10 участках их было менее 30 %, тогда как таких участков среди собственно жилых квартир было всего 3.

Квартиры в 6 и более комнат

В целом по городу каждая десятая квартира была из 6 и более комнат. Естественно, эти барские квартиры сосредоточивались в центральных районах, достигая до У4 всех квартир в участках: Адмиралтейский 1-й – 27 %; Московский 1-й – 24 %; Адмиралтейский 2-й, Василеостровский 1-й, Литейный 1-й и 3-й – по 23 %; Литейный 4-й – 20 %; Спасский 1-й и Литейный 2-й – по 19 %; Казанский 3-й и Московский 3-й – по 18 %; Московский 2-й – 17 %; Казанский 1-й и Петербургский 4-й – по 15 %. Недоумение вызывает только

окраинный 4-й участок Петербургской части, охватывающий Острова, но то была особая дачная окраина. Именно поэтому декабрьские переписи смогли переписать среди заколоченных на зиму дач всего лишь 158 квартир, среди них оказались 23 квартиры в фешенебельных особняках, поэтому этот высокий процент барских квартир достаточно случаен.

По переписи 1900 года количество жилых квартир возросло более чем на У4 и стало уже 128 934 вместо прежних 100 219; количество же квартир, занятых под жилье и заведения, сохраняется на прежнем уровне, даже чуть снизившись с 15 266 до 14 935. К концу XIX века производственные и торговые помещения постепенно все более отделяются от жилья.

Проанализируем произошедшие за 10 лет изменения в предпочтительном размере квартир. В жилом фонде немного (на 2 %) уменьшились доли 1- и 2-комнатных квартир, и за счет этого на 4 % выросла доля 3-5-комнатных квартир. Таким образом, количество мелких и средних квартир впервые сравнялось. Доля же крупных, «барских», квартир осталась неизменной: 6-10-комнатные квартиры составляли 10,7 % (в 1890 г. – 10,3 %), квартиры в 11 и более комнат – 1,6 % вместо 1,5 % в 1890 году.

Более значительные изменения произошли с квартирами, занятыми под жилье и торгово-ремесленные заведения. На 9 % уменьшается доля мелких квартир, причем именно за счет резкого (на 7 %) сокращения однокомнатных квартир, неудобных и для торговли, и для ремесла. За счет этого выросла на 4 % доля средних квартир (3-5-комнатных), сравнявшись с долей мелких квартир. Повторилась ситуация с собственно жилыми квартирами, но если там доли крупных квартир остались неизменными, то квартир с заведениями 6-10-комнатных стало больше на 1,5 % (с 9,2 % до 11,7 %), а более 11-комнатных тоже на 1,5 %, то есть увеличилось более чем в 1,5 раза (с 2,6 % до 4 %)!

Метрические параметры комнат (площадь и объем)

В газетных объявлениях конца XIX века о сдаче квартир внаем и продаже домов не встречалось упоминание площади ни комнат, ни квартир, ни домов. Я просмотрела 7 рекламных газет, издававшихся в Петербурге в конце XIX века, где публиковались объявления о сдаче квартир внаем и продаже домов: «Санкт-Петербургский справочный листок» (1895 г.); «Публикации, справки и заявления» (1894–1897 гг.); «Столичный курьер» (1895–1900 гг.); «Деловой листок» (1896–1901 гг.); «Адресный листок» (1896–1897 гг.); «Публикации, справки и объявления конторы Копаныгина» (1898 г.); «Столичные объявления» (1898–1899 гг.).

Ни в одном объявлении мне не встретилось упоминание площади в квадратных саженях! В городских статистических переписях для обозначения размера комнат используется количество окон (комната в 1, 2, 3 и более окон). Размер жилища в конце XIX века никогда не рассматривался как площадь, а только как количество комнат. Из этого можно сделать вывод, что площадь как характеристика жилья не являлась для современников значимой.

Площадь квартир можно узнать только из строительной документации и обмерных чертежей. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в фонде Городской управы хранятся чертежи и планы практически всех петербургских

домов. В фонде Кредитного общества сохраняются обмерные планы всех заложенных в нем домовладений. За годы существования этого крупнейшего в Петербурге общества его кредитами воспользовались владельцы около 80 % домов. Вообще кредиты под залог недвижимости были чрезвычайно распространены в Петербурге. Практически не нашлось в Петербурге дома, ни разу не заложенного. Если дом был заложен в том или ином банке, дававшем кредиты под залог недвижимости, то их обмерные чертежи могут быть обнаружены в архивных фондах этих банков, если таковые сохранились.

Для получения кредита в банк предъявлялись план дворового места, рисунок фасада, поэтажные планы с указаниями масштаба. На планах обозначались границы квартир, капитальные стены и перегородки, печи и плиты, окна и двери (в том числе и замурованные). По этому документальному источнику можно узнать реальную площадь жилища и его планировку.

Размеры комнат сильно зависели, во-первых, от функционального назначения комнаты – так, площадь парадных комнат в 2–2,7 раза больше площади личных комнат в одной квартире; во-вторых, от типа квартиры – так, площадь одинаковых по функциям комнат в «барской» квартире и в 3-5-комнатной квартире отличались в 1,6–2.2 раза.

Во второй половине XIX века шло заметное уменьшение площади комнат, причем как личных, так и парадных. Особенно интенсивно этот процесс шел в последнее десятилетие XIX века и в начале XX века. Уменьшение площади почти не затронуло хозяйственные помещения. В связи с изменениями площади комнат менялась их конфигурация – они приобретали все более вытянутую форму.

Обычная высота потолков в квартирах достигала 3,5–4.2 метра, что почти совпадало с гигиеническими нормами, принятыми российскими гигиенистами во главе с проф. Ф.Ф. Эрисманом. В подвалах и мансардах высота – от 4 аршин (2,8 м). Самые низкие были антресольные помещения – от 3 аршин (2,1 м). Самые высокие – парадные помещения «барских» квартир – до 7,5 аршина (5,3 м).

Обработав 105 обмерных планов и 126 проектных планов, мне, кажется, удастся развеять миф о размерах жилых помещений. Как часто сегодня мы слышим сетования, что живем мы в комнатах маленьких и низких, а вот раньше все комнаты большие да высокие были. К сожалению, это ошибочно. Потрясающие наше воображения комнаты в 30–40 кв. метров площадью и с 4-5-метровой высотой – это всего лишь очень немногочисленные парадные комнаты барских квартир, в которых никогда не жили.

Согласно обмерным чертежам, обычный размер жилых комнат 12–16 кв. метров при высоте потолков около 3,5 м.

Итак, мы представили размеры городских домов и квартир, а теперь посмотрим, как жилое в них горожанам.

Глава 5 Заселенность квартир

От чего зависела плотность заселения

Комнатки, точно пчелиные соты,

Стройно и плотно рядами стоят;
Люди в них тихо, без дел и заботы,
Словно личинки в тех сотах, сидят.

Н. Морозов. 1877 г.

Среди российских городов Петербург отличался особенно высокой плотностью заселения квартир, естественно, это касалось прежде всего жилищ низших слоев горожан. Во многих квартирах рабочего люда в Петербурге, по данным медицинской полиции, опубликованным в 1897 году, оказалось по $\sqrt{4}$ куб. сажени на человека. По расчетам же гигиенистов – это предел, за которым наступает удушье.

Вот свидетельство современников. Врач М.И. Покровская в статье «Вопрос о дешевых квартирах для рабочего класса» в № 7 журнала «Вестник Европы» за 1901 год писала: «Рабочее население живет теснее, чем мертвые на кладбищах, где на каждую могилу приходится около 4 кв. м». «Нередко даже, когда вся комната уже заставлена кроватями, избыточные жильцы... спят на полу в кухне, коридорах, узких проходах, в темных углах. Площадь пола служит единственным мерилем вместимости», – отмечал Д. Герценштейн в статье «Жилищная нужда рабочих (Дыхание и жилище. Скученность. История жилищной нужды. Как живет бедный люд)» в 4 и 5 номерах журнала «Северный вестник» за 1896 год.

Характер использования квартиры

По данным городских переписей, в квартирах, используемых только для жилья, в среднем проживало по 7,2 чел. В квартирах смешанного использования (где не только жили, но и занимались ремеслом или торговали) средняя плотность заселения выше – 8,1 чел.

Величина дома

Зависимость плотности заселения от величины дома хорошо видно из таблицы 3, составленной по данным городских переписей.

Таблица 3

Распределение жилых домов по числу жителей в них

Количество квартир в доме	Количество домов				Количество жителей			
	1881 год		1900 год		1881 год		1900 год	
	шт.	% от общего числа	шт.	% от общего числа	чел.	% от общего числа	чел.	% от общего числа
1	1151	13	692	7	8790	1	7989	1
2P3	1396	16	1085	11	24 777	3	20 283	2
4P5	995	11	1057	11	30 653	4	32 200	3
6P10	1830	20	1867	19	103 231	12	102 477	9
11P20	1893	21	2352	24	203 955	24	233 629	21
21P50	1450	16	2154	22	329 746	38	475 769	43
51-100	202	2	348	4	112 261	13	170 542	15
Более 101	46	1	80	1	46 671	5	70 574	6
Всего	8962	—	9635	—	860 084	—	1 113 463	—

По цифрам таблицы хорошо прослеживается: чем меньше дом и, соответственно, меньше в нем квартир, тем более плотно он заселен. В крупных многоквартирных домах на квартиру приходилось по 4–5 человек, а в небольших домах (менее трех квартир) – по 8. Причем если за двадцать лет плотность заселения больших домов увеличилась незначительно, то в маленьких домиках она возросла почти в 1,5 раза и к концу века достигла 8 человек на одну квартиру.

Цена квартиры

Плотность заселения бесплатных квартир ниже, чем платных, если они были предназначены только для жилья. Если же в них помещалось какое-либо торговое или ремесленное заведение, то наоборот – среднее заселение бесплатной квартиры больше, чем платной.

Район расположения квартиры

По районам средняя плотность заселения квартир была различна (см. карту на с. 2–3).

От 2 до 3 человек на комнату было в 3 уч. Спасской части, во 2 и 3 уч. Александроневской части, во 2 уч. Выборгской части, в 3 уч. Нарвской части.

От 1,5 до 2 человек было во всей Рождественской части; в 1 уч. Александроневской части; в 3 и 4 уч. Московской части; в 3 уч. Петербургской части; во 2 и 3 уч. Василеостровской части; в 1 и 3 уч. Выборгской части, в 1 и 2 уч. Нарвской части; в 2 и 4 уч. Спасской части.

От 1 до 1,5 было во всей Адмиралтейской части; во всей Литейной части; во всей Казанской части; в 1 и 2 уч. Московской части; в 1, 2 и 4 уч. Петербургской части; в 1 уч. Василеостровской и Спасской частей.

По средней плотности картина в Петербурге была вполне пристойная, но не надо забывать, во-первых, что в число комнат входили и прихожие, и кухни, а во-вторых, что из-за социальной смешанности населения в районах Петербурга средние цифры непоказательны.

Более показательна доля квартир с 10 и более жителями на одну комнату в каждом районе.

Менее 1 % квартиры с 10 и более жителями на одну комнату составляли во всей Адмиралтейской части, во всей Казанской части, в 1 уч. Спасской, Василеостровской и Московской части, во 2 и 4 уч. Литейной части, во 2 уч. Петербургской части.

От 1 до 2 % – во всей Коломенской части, в 1 уч. Рождественской, Петербургской и Нарвской частей, во 2 уч. Спасской и Московской части, в 1 и 3 уч. Литейной части, в 3 уч. Василеостровской части. От 2 до 3 % – во 2 уч. Василеостровской и Нарвской части, в 3 и 4 уч. Московской части, в 4 уч. Спасской части, в 1 уч. Александро-Невской части, в 1 и 3 уч. Выборгской части, в 3 уч. Петербургской части.

От 3 до 10 % – в 3 уч. Спасской и Нарвской части, во 2 и 3 уч. Рождественской и Александро-Невской части, во 2 уч. Выборгской части.

В окраинных районах почти в каждой десятой квартире проживало более 10 человек в комнате. В таблице 4 показано количество живущих в квартире (с указанием числа окон, что дает представление о размере помещения) и сколько густонаселенных квартир всего было в городе в 1869 году.

Из таблицы 4 видно, как высока плотность заселения небольших квартир, в которых проживало в большинстве своем рабочее население.

Таблица 4

Плотность заселения квартир

Количество человек	Количество 1-комнатных квартир				Количество 2-комнатных квартир			
	1 окно	2 окна	3 и более	итого	2 окна	3–4 окна	5 и более	итого
11P15	68	174	393	635	151	777	392	1320
16P20	7	41	166	214	31	219	182	432
21P30	3	21	160	184	13	136	131	280
31-50	2	10	51	63	3	25	69	97
Свыше 50		1	11	12		2	18	20

Цифры впечатляют – трудно представить, как могли размещаться десятки человек в одной комнате. И таких квартир по Петербургу насчитывались сотни! Уместно сослаться на мнение современника: «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город...» (Гончаров, «Обломов»).

Петербург начала века превосходил крупнейшие города Европы размером и населенностью домов, о чем дает представление таблица 5, составленная по данным «Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона».

Таблица 5

Плотность заселения квартир в столичных городах Европы в начале XX века

Город	Год	На 1 владение		Число жителей на 1 квартиру
		квартир	жителей	
Лондон	1901	1	8	4,4
Москва	1911	9,5	83	8,7
Вена	1910	11,8	50	4,2
Париж	1906	13,2	35	2,7
Берлин	1910	19,8	77	3,9
Петербург	1910	22	154	7

Цифры говорят о глубоком различии жилищных условий. В Лондоне владение, как правило, – коттедж, в Петербурге же господствовали огромные каменные дома в четыре, пять и выше этажей.

Отношение петербуржцев к крупным новым домам не было единодушным. Специалисты по санитарии и гигиене видели в них источники заразы и эпидемий. У населения же эти дома, напротив, котировались высоко. «Население в непонятном самообольщении считает это за признак прогресса, как последнее слово науки!» – не без раздражения восклицал К.Н. Пажитнов в книге «Петербург и его жизнь», изданной в Петербурге в 1914 году.

Почему же оценки петербургского доходного дома специалистами и населением столь противоположны?

«Неблагоприятные последствия усиливаются у нас крайней скученностью населения в квартирах, что объясняется, несомненно, высокими ценами на них, эта дороговизна квартир неизбежно влечет за собой крайнее переполнение их». Итак, специалисты судили о доходных домах по отрицательным социальным последствиям, обусловленным конъюнктурой на рынке жилья. Население же ценило качество доходных домов. Вот почему жизнерадостный тон рядовых обывателей не соответствовал мрачному тону гигиенистов и моралистов, нашедшему отражение и в поэзии, где доходный дом стал к концу XIX века расхожим символом бесчеловечности Петербурга:

«Да, их строили мертвые люди с пустою душой».

И. Коневской

«В мертвых громадах кирпичных,
Мокрых от вечных дождей,
Много их – серых, безличных,
Смертью дышащих людей».

Или

«Дети каменной неволи
Многоярусных гробниц».

В. Князев

Глава 6 Владельцы доходных домов

В Петербурге были представлены все виды собственности на жилье. Во-первых, это собственное жилье (пожалуй, наиболее пестрый тип жилища, включавший и избышки окраин, и особняки центра). Во-вторых, арендованное жилье, составлявшее к концу XIX века 98 % всего жилищного фонда, что являлось особенностью Петербурга. Большая часть арендованного жилья (94 %) – квартиры доходных домов, но в эту же категорию входили и меблированные комнаты, и гостиницы, и пансионаты, и дачи. В-третьих, кооперативное жилье (совершенно новый тип жилища, появившийся на рубеже XIX и XX веков и, естественно, малочисленный, и поэтому он интересен только как тенденция). В-четвертых, ведомственное и заводское жилье (тип жилища, представленный в столице наиболее разнообразно, по сравнению с любым другим городом).

Собственниками жилья в Петербурге числились лица физические (домовладельцы) и юридические. В конце XIX века, по данным переписи Петербурга, основной массой домов (88 %) владели частные лица – домовладельцы. Прочие дома (12 %) принадлежали юридическим лицам: казна – 503 дома (5,5 %); церкви и монастыри – 226 (2,5 %); и примерно по 1 % – благотворительным обществам (105 домов), промышленным товариществам (164 дома), городским и сословным учреждениям (96 домов). На рубеже XIX и XX веков стали появляться единичные кооперативные дома.

Домовладельцы – кто они?

С ростом города количество домов, а следовательно и домовладельцев, росло. Но доля домовладельцев в населении столицы в течение двух веков неуклонно сокращалась. Если в середине XVIII века домовладельцы вместе с семьями назывались «городскими обывателями» и составляли почти треть населения, то остальное население, не обладавшее собственным жильем, именовалось «жильцами».

Доходный дом арх. Барановского № 36 по Ямской (ныне – ул. Достоевского). Фотоателье Буллы. Начало 1900-х гг.

К концу же XIX века количество домовладельцев снизилось до 0,5 % населения Петербурга.

В среднем каждый домовладелец имел по два дома. По социально-сословной принадлежности большинство домовладельцев – дворяне, среди мужчин-домовладельцев они составляли треть, а среди женщин – половину. Почти четверть домовладельцев – купцы и почетные граждане, остальные – мещане. Подавляющее большинство (87 %) домовладельцев – коренные петербуржцы, остальные – приезжие, из них треть – иностранцы. В основном это были солидные люди: средний возраст петербургских домовладельцев – 51 год.

Писатели конца XIX века как квартирантаниматели, естественно, состояли в арендных отношениях, поэтому так устойчив негативный образ домовладельца, создаваемый ими. Отношения между бесправными квартирантанимателями и кровопийцами-домовладельцами даже стали своего рода литературным штампом.

Вот характерный образ домовладельца, ярко представленный в рассказе В. Авсеенко «Судьба», опубликованном в 1900 году в сборнике «Петербургские очерки»: «С каждым годом, а где можно, то и чаще, домовладелец Илья Ильич Ерогин все надбавлял и

надбавлял на квартиры, так что они приносили теперь уже вдвое против первоначальной цены. Вместе с тем он подтягивал жильцов и в других отношениях».

Повышение цены очень болезненно воспринималось жильцами. Так, в рассказе В. Авсеенко «На блинах» отставной чиновник жалуется своему брату: «Домохозяевам ныне рай, это всякому видно. На меня аспид-то мой десять рублей накинул». В рассказе «Отрава жизни» домохозяин, купец Калабанов, повысил плату жильцу Гладышеву на 300 рублей. «Триста рублей сразу! Это разбой. – Гладышев разозлился, разгорячился и сказал что-то нелестное для последнего. Калабанов только погладил рукой бороду. К утру следующего дня Гладышев одумался, рассчитав, что переезд на новую квартиру да пригонка драпировок и мебели обойдется, пожалуй, не дешевле 300 руб., а еще беспокойство и потеря времени. Он решил согласиться на надбавку, но контракт, из предосторожности, заключил только на год: может быть, цены опять понизятся. Так зачем же себя связывать. Но прошел год, и Петр Петрович с ужасом слышал со всех сторон, что цены на квартиры не только не падают, а растут непомерно. Вместо домохозяина явился дворник и предъявил новое расписание всех квартир, по новым ценам. Против номера, занимаемого Гладышевым, стояла цифра 200.

– Да что твой хозяин с ума сошел, что ли? – накинулся он и на дворника.

– Нам это неизвестно, – спокойно ответил тот. – Кому, значит, не нравится, так чтоб съезжали.

И вот с этого дня жизнь П.П. Гладышева была окончательно отравлена».

Повышение квартплаты приводило к серьезным изменениям жизни – отец героини рассказа В. Авсеенко «Гувернантка», «маленький чиновник, должен был съехать с прежней квартиры, потому что надбавили 300 рублей, а новую квартиру взяли... такую тесную, что для нее не было комнаты, поэтому она пошла в гувернантки».

Специальные издания в помощь домовладельцам

Помощь домовладельцам в сложном деле содержания доходного дома и сдачи в наем квартир оказывали многочисленные специальные издания, различные «Книжки домовладельца». Они начали появляться с середины XIX века, в них домовладельцам разъяснялись их права и обязанности, а также давались практические советы, приводились законодательные акты и распоряжения городских властей, касающиеся домовладельцев, образцы договоров найма и квартирных расчетных книжек.

В это же время в Петербурге издавались специальные журналы, посвященные проблемам домовладельцев и квартирантов. С 1874 по 1885 год выходил «Хозяйственный строитель (журнал домовладельцев)», ориентированный в основном на владельцев собственных домов, как в городах, так и в провинции. После десятилетнего перерыва, во второй половине 1890-х годов, одновременно издавались два толстых журнала, посвященных проблемам владельцев доходных домов. Журнал «Домовладелец» (редактор-издатель – А.М. Захаров) выходил с 1894 по 1898 год. Также с 1894 года начал издаваться журнал «Наше жилище (вестник домовладельца и домоустройства)», на следующий год переименованный в «Строитель» (редактор-издатель – гражданский инженер Г.В. Барановский). Под этим заглавием он просуществовал еще десять лет, до

1905 года. С 1906 по 1908 год выходил журнал «Домовладелец», а с 1911 по 1915 год – «Домовладение и городское хозяйство» под редакцией С.А. Просьбина.

Все журналы защищали человеческое достоинство домовладельцев, отвергая обвинения в невежестве и отсутствии культуры, а также в непомерной алчности. Более сдержанные авторы приводили статистические данные

о профессиях домовладельцев, их сословной принадлежности, возрасте, о доли женщин среди них. Этими статьями специальные журналы пытались откорректировать уже сложившееся общественное мнение о домовладельце, поколебать достаточно устойчивый негативный стереотип.

Общества домовладельцев и квартиронанимателей

XX век привнес новое в жизнь домовладельцев и квартиронанимателей. Обострившиеся отношения между ними уже стало невозможно решать на страницах журналов. Рост политической активности в России, образование различных партий и обществ привели к возникновению обществ домовладельцев и квартиронанимателей. Первым в 1903 году появилось «Петербургское общество собственников жилья». А в 1917 году – «Общество домовладельцев».

Арендаторы квартир тоже не дремали, в 1909 году объединились в «Петербургский союз квартиронанимателей», а спустя семь лет возникло еще и «Общество квартиронанимателей в Петрограде», даже издававшее свой журнал «Известия правления Общества квартиронанимателей в Петрограде». Еще через год начали действовать «Союз квартиронанимателей г. Царского Села» и «Союз квартиронанимателей г. Гатчины».

Образование этих обществ интересно только как свидетельство роста социальной активности, как тенденция, поскольку четыре из них просуществовали лишь несколько месяцев. О реальной их деятельности и о влиянии на жизнь Петербурга говорить не приходится.

Роль домовладельцев в истории Петербурга

Формирование органов городского самоуправления

Выбирать органы городского управления: в Общую и Шестигласную думы, по жалованной грамоте городам в 1785 году, в Общую и Распределительную думы по городовому положению 1846 года, а затем в Городскую думу по городским положениям 1870, 1892 и 1903 годов – могли податные сословия (купцы, ремесленники и мещане). Кроме них только домовладельцы имели право участвовать в городских выборах.

Подавляющее большинство дворян, не имевших в Петербурге собственного дома, что стало вполне обычным в XIX веке, были, как это ни странно звучит, ущемлены в своих правах. К концу XIX века даже стало процветать фиктивное домовладение, когда представители знатнейших и богатейших фамилий, нанимавшие роскошные 15-20-комнатные квартиры, вдруг покупали дешевый деревянный домик где-нибудь на окраине не для проживания в нем, а лишь для того, чтобы стать домовладельцем и иметь формальное право выбирать и избираться.

В 1903 году по «Положению об общественном управлении Петербурга» избирательное право наконец-то распространилось и на квартиросъемщиков. Не на всех, естественно, а только на наиболее состоятельную часть их – на тех, кто платил более 33 рублей государственного квартирного налога. Подобным размером налога облагались квартиры стоимостью от 1080 рублей, то есть «барские».

Пополнение городской и государственной казны

Домовладельцы выплачивали в пользу города специальный оценочный сбор, введенный в 1802 году. Согласно инструкции, налог взимался следующим образом: на основе сумм за страховки от огня, кредитов и залогов в Петербурге производилась оценка всех недвижимых имуществ городских обывателей. Хозяину домов предоставляли оценочные стоимости имущества. Все стоимости складывались, и из общей суммы начислялся налог. Раскладочные комиссии распределяли по домовладельцам эту сумму, вне зависимости от доходности их имуществ.

В 1866 году ввели уточнение, что налог взимается в размере 1,5 % от стоимости конкретного имущества. Домовладелец должен был внести означенную сумму в течение сентября. Как только налог был заплачен, домовладельца вносили в окладную книгу.

В 1910 году окладной сбор заменен налогом – 6 % со среднего дохода от каждого отдельного недвижимого имущества. Постепенно процентная ставка налога выросла до 8 %. Для имуществ, сдаваемых в наймы, валовая стоимость определялась по средней наемной плате за несколько последних лет.

За полвека сбор с недвижимого имущества вырос в 4 раза (с 804 686 до 2 372 723 рублей) и принес в 1848 году 40 % городского дохода, в 1873 году – 32 %, а в 1893 году – 24 %.

Любопытно, что домовладелец, имевший квартиру в собственном доме, обязан был платить и квартирный налог, как жилец. Двойное налогообложение вызывало негодование домовладельцев. В специальных журналах для домовладельцев ставился вопрос о неправомерности взимания налога с бесплатных квартир, а таковых в доходных домах насчитывалось немало: это и квартира самого домовладельца, и квартиры семей его детей, других родственников и знакомых, домовой прислуги, а также квартиры, отдаваемые в счет благотворительности.

Квартирный налог ввели в 1893 году. Он был особенно высок в Петербурге и Москве. Все российские города расписали на пять классов, естественно, Петербург числился первым классом. Петербургские квартиры делились на разряды в зависимости от стоимости аренды – от 300 до 6 тысяч рублей в год, соответственно и налог с них взимался от 5 до 560 рублей. С самых дорогих квартир, где арендная плата была более 6 тысяч рублей, налог составлял 10 % от стоимости аренды. Домовладелец обязывался предоставлять список квартир с их стоимостью, список жильцов и перечень пустующих помещений. Умышленное искажение информации приводило к штрафам до 50 рублей. Государственный квартирный налог принес казне в 1894 году 730 934 рубля, а в 1910 году уже 1 063 633 рубля. Налог с петербургских домовладений приносил в государственную казну четверть от суммы квартирного налога со всей страны.

В 1867 году вводится Строительный устав, а в 1868 году с домовладельцев стали взимать «Строительный сбор за выданные домовладельцам планы на разные постройки». В 1884 году этот сбор по городу равнялся 17 396 рублям.

Надзор за жильцами

Особой обязанностью домовладельцев был надзор за жильцами, для чего велись «Домовые книги» – своего рода фискальные документы. Согласно указу 1808 года, домовладельцы должны «немедленно давать знать в полицию обо всех приезжающих и отъезжающих из Петербурга и не держать в своих домах беспаспортных или просрочивших свои паспорта».

За нарушение этого указа устанавливались чрезвычайно высокие штрафы: за каждые сутки опоздания с заявлением в полицию о вновь прибывшем взималось по 10 рублей за первые сутки, по 20 рублей за вторые сутки, по 30 рублей за третьи сутки и так далее, умножая взыскание (штрафы, как видите, чрезвычайно высокие). За приют беспаспортного или с просроченным паспортом «взыскивать по 25 за каждый день и каждую ночь», то есть по 50 рублей в сутки. Домовладельцы, числившиеся у полиции на хорошем счету, получали медаль «За усердие» на аннинской или Станиславской ленте.

Требования властей по ведению «Домовых книг», где домовладелец должен был уведомлять полицию о своих жильцах, вызывали резкое недовольство домовладельцев. В публикациях журналов «Домовладелец» и «Строитель» предлагалось или передать обязанность ведения домовых книг от домовладельца старшему дворнику как более знающему жильцов (что максимально снижало значимость этого документа), или сократить количество сведений, необходимых для полиции, или вообще уничтожить обязательность домовых книг.

Острая полемика, развернувшаяся на страницах специальных журналов, стала одной из причин неприменения властями на практике санкций за нарушения домовладельцами вышеперечисленных требований.

Ответственность за санитарное состояние и противопожарную безопасность

Владельцы домов отвечали за санитарное состояние: они обязывались сообщать об эпидемических заболеваниях среди своих жильцов и об умерших, следить за состоянием выгребных и помойных ям и вовремя обеспечивать их опорожнение.

Домовладельцы должны были следить за противопожарной безопасностью: иметь необходимый инвентарь на случай пожара, вовремя чистить дымоходы, следить за тем, чтобы жильцы не захламляли проходы и пожарные проезды. Очистка дымовых труб по ст. 63 и 71 «Городского положения» являлась натуральной повинностью домовладельцев.

По сенатскому указу только с начала XX века и только с согласия домовладельцев она могла быть заменена на особые с них сборы. За несоблюдение правил о чистке дымовых труб виновные подвергались по статье 89 «Устава о наказаниях» денежному взысканию не свыше 10 рублей.

Уличное благоустройство

Благоустройство Петербурга – тоже обязанность (и заслуга!) домовладельцев. Первоначальные натуральные повинности впоследствии заменили денежными сборами. Владельцы домов отвечали за мощение, освещение и чистоту улиц и дворов, за функционирование дождевой канализации. Даже поднимать затонувшие суда из петербургских рек и каналов обязаны были не владелец судна и не команда, а владелец дома на набережной, рядом с которым судно утонуло.

За исполнением всех обязанностей домовладельца зорко следила полиция. Поэтому взятки полиции носили почти узаконенный характер. Считалось обязательным, чтобы домовладельцы посылали всем начальствующим в полицейском участке к большим праздникам поздравления с «вложением».

Околоточным, квартальным и городовым «поздравления» вручались прямо в руки, так как поздравлять они являлись сами. Давать было необходимо, иначе могли замучить домовладельцев штрафами: то песком панель не посыпана, то помойная яма не вычищена, то снег с крыш не убран и т. д. и т. п.

Благоустройство квартир

Зато благоустройство квартир не входило в обязанности домовладельца. Не диктовалось оно и повышением доходности сдаваемой внаем квартиры. Как ни парадоксально звучит, квадратный метр жилой площади без каких-либо удобств для коечных и угловых жильцов часто стоил в полтора и даже в два раза дороже такой площади в благоустроенной «барской» квартире.

Но все же за последнюю треть XIX века водопроводная сеть охватила практически все районы города, к концу века ванны имелись в 13 % квартир, ватерклозеты – в 60 %, водопровод – в 64 %. К 1900 году 14 % домовладений электрифицировали, 6 % петербургских домов уже имели не дровяное отопление. Из них 40 % – паровое отопление, чуть менее (37 %) – водяное отопление и отопление горячим воздухом – 23 % домов.

Телефонизация началась с 1881 года, а в 1916 году каждая шестая семья имела телефон. Однако квартиры стараниями домовладельцев и жильцов постепенно благоустраивались, применялись уже все бытовые устройства, какими мы пользуемся до сих пор.

От постоянной повинности к квартирному найму

Я в доме у вас не нарушу покоя,
Скромнее меня не найти из полка.
И если свободен ваш дом от постоя,
То нет ли хоть в сердце у вас уголка?

Романс из к/ф «О бедном гусаре замолвите слово»

Среди многочисленных обязанностей петербургских домовладельцев XVIII века, пожалуй, самой обременительной была постоянная повинность. Редчайшие дома за особые заслуги владельца освобождались от постоя, о чем сообщала специальная доска на фасаде. На постой ставили многочисленных военных, чиновников и придворных служителей. Между домовладельцами и жильцами этих категорий отсутствовали денежные отношения, обязанностью домовладельцев было бесплатное предоставление не только жилого помещения, но свечей и дров.

С середины XVIII века для размещения полков начали строиться слободы, до сих пор память о них жива в названиях улиц-рот. А спустя полвека появились казармы. Но «обыватели» по-прежнему обязывались брать на постой придворных служителей с семьями.

Специальный указ Петра I от 1723 года запрещал домовладельцам принимать за деньги приезжих, дабы последние пользовались постоянными дворами. Но постепенно об этом указе забыли, и к началу XIX века сложилась денежная аренда жилья.

Арендванное жилище всегда составляло бóльшую часть жилищного фонда дореволюционного Петербурга, к концу XIX века оно достигло 94 %.

Глава 7 Арендные отношения

«Ат даеця внайма угол, на втаром дваре, впадвале, а о цине спрасить квартирной хазяйки Акулины Федотовны».

Н.А. Некрасов. Объявление о сдаче внаем. Петербургские углы

Самые первые объявления («билетики», или «ярлыки») приклеивались на окна или ворота дома. В них в свободной форме сообщалась информация о квартире. Очень часто «билетики» были столь непонятны, что потенциальному жильцу приходилось искать дворника, швейцара или домовладельца, чтобы расспросить его поподробнее. К концу века таким видом объявлений пользовались домовладельцы или квартирохозяева, принадлежавшие к мещанскому сословию, отсюда и безграмотность текстов, что вызывало насмешку у современников.

В 1897 году по приказу петербургского градоначальника были составлены «Правила единообразного написания „билетиков“ о сдаче квартир внаем», а также «Правила содержания досок со списками жильцов, „номерных табличек“ и уличных фонарей». «Объявления о сдаче внаймы комнат для удобства следует писать на однообразной зеленой бумаге... Объявления о сдаче квартир – на розовой бумаге... Объявления о сдаче углов – на белой».

В более-менее состоятельных слоях горожан был распространен найм «по протекции». Петербуржцы просили

своих знакомых, сослуживцев и родственников передать им квартиру в том случае, если они собираются съехать. Этот способ приветствовали и домовладельцы, так как он давал определенные гарантии.

В последней трети XIX века появился новый способ уведомления – объявления о сдаче квартир публиковались в газетах. Единично появились печатные объявления со стороны нанимателей квартир. В 1890-х годах выходили следующие рекламные газеты: «Санкт-Петербургский справочный листок» (1895); «Публикации, справки и заявления» (1894–1897); «Столичный курьер» (1895–1900) и др.

Чуть позже стали появляться своего рода «квартирные бюро». Самая известная и просуществовавшая почти 30 лет справочная контора П. Копаныгина (Б. Московская ул., 3). Сама контора появилась в 1880 году, но расцвет ее деятельности пришелся на 1890-е годы (через контору арендовалось 32 тысячи квартир), а монополистом она будет в 1900-е годы, когда владельцем конторы стал младший брат П. Копаныгина Егор Аверкиевич Копаныгин. Справки были платными, в зависимости от места назначения и характера услуги: «Справки лично по числу комнат – 25 коп., готовые справки – 50 коп., с доставкой на дом – 3 руб., с доставкой за город – 5 руб.». Кроме того, в конторе составлялись специальные альбомы сдающихся квартир. Издавались специальные газеты: в 1898 году «Публикации, справки и объявления конторы Копаныгина», в 1902 году – «Столичный листок».

Квартирные договоры и их формы

Контракта условия, надо сказать, самые ужасающие... унижительные. Прямо какой-то договор с человеком низшей расы или с беглым мазуриком.

А. Аверченко. Совет нечестивых

Российское гражданское законодательство и судебная практика давали договорам квартирного найма различные

названия: наем, аренда, отдача в содержание, отдача в арендное содержание, снятие имущества.

Столь же разнообразны и названия сторон найма: хозяин, домохозяин, владелец, собственник, наймодатель, наймодавец, отдающий внаем, а с другой стороны – квартирант, жилец, съемщик, наемщик, наниматель, арендатор.

Сущность найма определялась по закону «О найме и отдаче в содержание частных имуществ» (в Своде законов Российской империи, т. X. ч. 1. Законы гражданские СПб. 1900. Кн. 4, Раздел 3, Глава 2, Отделение 1. Ст. 1691): «Наем имущества есть договор, в силу которого одна сторона предоставляет другой пользование своим имуществом на известный срок за условленный срок за условленное вознаграждение и для определенной цели». В этой же статье указывался предмет найма: квартира, дом, любое помещение – отдельная горница, конюшня, сарай, погреб и др. Эта же статья запрещала перепрофилировать помещение – наниматель не мог превратить жилую квартиру в мастерскую, фабрику или питейное заведение.

Срок найма определялся ст. 1692 не более 12 лет. Однако на практике, по свидетельству Редакционной комиссии по составлению гражданского Уложения, действовавшей в 1899 году, «вполне действительны договоры найма жилых помещений в городах с помесечной

платой, но без установления срока» и «весьма распространены наймы без определенного срока».

Форма договора

Договоры найма квартир могли заключаться как письменно (нотариальные, явочные, домашние), так и устно.

Обычно при аренде дорогих квартир, где месячная квартплата превышала 50 рублей, договор составлялся у нотариуса. О более дешевых квартирах заключался простой письменный договор между домохозяином и квартирантом. Часто эти договора оформлялись в виде квартирных книжек, куда вписывались поступления арендной платы и клеивались марки гербового сбора.

О найме комнаты, угла или койки договаривались обычно устно.

В ст. 1691 говорится: «При найме или отдаче в содержание частных имуществ надлежит определить предмет найма или содержания, срок и цену оного. Сверх сего допускаются всякие другие произвольные условия, законом непротивные, как то: права и обязанности хозяина и наемщика, правила пользования имуществом, ответственность за ущерб, порчу и за самую гибель оного, и тому подобные».

По закону обязательно в квартирный договор включались только цена и срок найма. По усмотрению сторон в договор могли вноситься «всякие другие произвольные условия, законам не противные» (то есть не противоречащие законам).

В рассказе «Судьба» домовладелец по-своему уразумел произвольные условия: «В контракты с жильцами вносились все новые и новые пункты, один строже другого. Запрещалось не только выпускать собак и кошек на лестницы, но даже рояли и пианино дозволялось держать в квартире не иначе, как с разрешения домовладельца. Воспрещалось жильцам предаваться посторонним занятием, кроме той профессии, о которой было заявлено при найме квартиры. Если жилец, уходя из дому, имел в виду возвратиться поздно ночью, то должен был предварительно заявить о том старшему дворнику или швейцару. Прислугу воспрещалось посылать за чем-нибудь после 10 часов вечера. Илья Ильич и сам хорошенько не знал, на что ему все эти пункты, но он рассуждал очень просто, что если жильца можно теперь в бараний рог согнуть, то глупо было бы этим не воспользоваться». (Да простят меня читатели, но как современно звучат последние строки в нашу эпоху загадочных «реформ» ЖКХ!)

Виды найма жилья

Поднаем (субаренда)

Наниматель мог (если это специально не запрещалось договором) отдавать всю нанятую квартиру или отдельные комнаты в поднаем, оставаясь, однако, во всем ответственным по договору перед хозяином. Сенат признавал, что поднаем может осуществляться без ведома и согласия собственника. Наниматель не мог предоставить поднанимателю более широкого права пользования имуществом сравнительно с тем правом, которое ему самому принадлежало по первоначальному договору.

Вообще поднаймам устанавливался новый договор найма, и условия его могли быть совершенно иные сравнительно с условиями первоначального договора. Что же касается отношений между домовладельцем и поднаимателем, то следует заметить, что они, не состоя между собою в договорных отношениях, не могли обращаться друг к другу с непосредственными требованиями, помимо нанимателя.

Договор о субаренде заканчивался не позже первоначального договора найма.

Перенаем (полное замещение нанимателя)

А вот уступка нанимателем другому лицу всех прав по договору найма с освобождением нанимателя от принятых им по договору обязательств допускалась лишь с согласия наймодавца.

Собственно возникала новая сделка между домохозяином и нанимателем. Формы изъявления согласия наймодавца на передачу другому лицу прав по договору найма могли быть письменными или словесными, смотря по тому, в какой форме был заключен сам договор.

Регулирование оплаты, пользования и сохранности арендованного жилья

Время оплаты регулировалось исключительно обычным правом и не закреплялось в законе. Наемная плата вносилась вперед. Уважительной причиной уплаты арендной платы не вовремя могла быть тяжелая болезнь или арифметическая ошибка в исчислении суммы причитавшегося платежа. (Например, некто Х., будучи обязан вносить арендную плату из расчета 1000 руб. в год, внес вперед за два месяца наступления срока платежа лишь 166 руб. 12 коп. вместо следующих 166 руб. 66 коп. Домовладелец Б., считая недовнос 54 коп. за нарушение договора, предъявил иск к Х. об условленной неустойке в 500 руб. Х. внес на третий день по предъявлении иска остальные 54 коп. и оправдывался исключительно арифметической ошибкой в исчислении суммы платежа).

В случае оставления наемщиком нанятого помещения ранее окончания срока найма хозяин вправе взыскать наемную плату и за недожитое время. Даже перевод военного на новое место службы не являлся уважительной причиной, поскольку по ст. 1530 сам наниматель мог не подписывать договор без включения в него условия о прекращении его в случае необходимости перемены им места жительства.

Уважительными причинами досрочного расторжения договора считались необыкновенный разлив рек, нашествие неприятеля, истребление поставляемых вещей и припасов, назначаемое по военным обстоятельствам или «по зачумленнию» и т. п.

Обеспечение договора

Для обеспечения договора служили задаток, неустойка или залог. *Задаток* – обычно это некая денежная сумма, выданная нанимателем заранее домовладельцу как гарантия в будущем заключения договора. Если наем не состоится без вины обеих сторон, то задаток возвращается нанимателю. Если наниматель откажется от исполнения договора, задаток остается во всяком случае в пользу хозяина, хотя бы убытки его были и меньше задатка; в случае же если убытки превысили задаток, хозяин вправе, доказав размер их, взыскать

превышающую задаток разницу. Если хозяин откажется от исполнения договора, то он обязан вернуть задаток и возместить убытки нанимателя, происшедшие от неисполнения договора.

В дальнейшем задаток гарантирует исполнение квартиросъемщиком условий квартирного договора. И уже может рассматриваться как *неустойка*, которая есть не что иное, как штраф за невыполнение договора. Взыскивалась неустойка только в случае злого невыполнения договора квартиросъемщиком при отсутствии несчастного случая или обстоятельств, сделавших его исполнение невозможным.

Особенно часто *залогом* домохозяину становилось ввезенное в его дом движимое имущество нанимателя (мебель и другие вещи, составляющие обстановку нанятого помещения, товары, инструменты и прочие предметы, служащие для ведения хозяйства, торговли или промысла), хотя и оставшееся в пользовании жильца, но в пределах надзора домохозяина.

Несомненно, что это была самая надежная из форм обеспечения, хотя и наиболее сложная и дорогая; в отличие от задатка и неустойки, помещаемых в сам текст арендного договора, для залога требовалось заключение отдельного заверенного нотариусом договора с участием не менее двух свидетелей и с приложением самой подробной описи вещей.

Если наниматель приступал к вывозу движимости, на которую наймодавец имел закладное право, то последний мог сам, не обращаясь к содействию властей, задержать такую часть этой движимости, которая достаточна для обеспечения наемной платы.

Наймодавец не имел права задержать вывозимую движимость нанимателя, когда причитающаяся наемная плата обеспечивалась остающимся имуществом нанимателя.

Досрочное расторжение договора

Законом не оговаривались причины досрочного расторжения договора, а Сенат не считал неплатеж или задолженность достаточным основанием для досрочного прекращения действия договора.

Поэтому домохозяева предпочитали действовать самостоятельно, не надеясь на защиту закона. Сначала жильца строго предупреждали, как в рассказе И.М. Василевского (псевдоним – Не-Буква) «Читатель и писатель»: «Беллетрист Модернистов не платит за квартиру. Так что хозяин сказал, что больше ждать не будут, – наставительно и строго говорил старший дворник». Затем недобросовестных плательщиков выселяли раньше положенного срока, а их имущество «арестовывалось» до выплаты ими долга. Хотя некоторые наймодатели предпочитали не сутяжничать, так, по воспоминаниям Д.А. Засосова и В.И. Пызина, «Жильцов пускали с разбором, имея в виду их платежеспособность и скромное поведение, для выяснения чего старшие дворники посылались на старое место жительства за сведениями. И действительно, в домах Тарасова ни буянов, ни скандалистов, ни пьяниц, ни воров, ни безысходной нищеты не было. Если и попадали в виде исключения подобные лица, то им давали „выездные“ 3–5 рублей и ломовую подводку, только выезжай».

Мировой суд

Выход из конфликтов предлагалось искать в суде. Закон гарантировал получение домовладельцем квартирной платы, но на практике, как утверждал К.П. Победоносцев, «в нашем действующем законодательстве не существует мер обеспечения, который имели бы своей целью гарантировать наймодавцу возможность получить с нанимателя наемную плату. В настоящее время наймодавцу весьма часто приходится удовлетворяться получением исполнительного листа на взыскание; осуществить же в действительности признанное за ним судом право наймодавец не может, так как наниматель имеет в своем распоряжении достаточное время к сокрытию имущества, на которое могло бы быть обращено взыскание».

Хотя новые суды действовали в России почти полвека, для петербургского обывателя обращение в судебные инстанции со своими квартирными проблемами оставалось крайне затруднительным делом. Единичность жилищных исков говорит не о бесконфликтности, а об отсутствии правовой культуры и развитого правосознания у основной массы горожан. Вообще было не принято обращаться в суд. Поэтому с таким сарказмом говорит А. Чехов в рассказе «Беззащитное существо» о хозяйке, засудившей троих жильцов.

Оба журнала, «Строитель» и «Домовладелец», с 1896 года начали практиковать публикацию жилищных исков из судебной практики. Используя публикации, образованный человек мог самостоятельно, без помощи юристов составить иск. Это ли или обострение квартирного кризиса в 1890-е годы послужили толчком к увеличению жилищных дел в мировых судах – сказать трудно. Но можно с полной уверенностью утверждать, что публикации благотворно повлияли на рост правосознания горожан.

Наибольшее количество публикаций посвящалось юридическим нормам, регулирующим конфликтные отношения домовладельцев и квартиросъемщиков. Много печаталось материалов о квартирных договорах и квартирных книжках, должных регулировать эти отношения.

Чаще всего предлагались различные образцы договоров с комментариями, объясняющими способы защиты прав той и другой стороны. Причем домовладельцам рекомендовалось вводить в текст договора все новые и новые пункты, гарантирующие своевременное получение ими квартплаты и выполнение жильцами других их требований. Квартирантов же обстоятельно инструктировали, как можно, абсолютно ничем не рискуя, все эти требования не выполнять и даже совсем бесплатно жить в занимаемой квартире месяца три – четыре, пока идет тяжба у мирового судьи.

Например, в рассказе «Совет нечестивых» «двое молодых людей щеголеватого вида договариваются: Мы будем платить только первые месяцы, а потом бросим это глупое занятие. Контракт подпишем мы оба. Затем, когда дело дойдет, наконец, до суда, нас опять двое и мы поочередно не приходим в заседание. Следовательно, заочное решение. Следовательно, вторичное разбирательство, потом апелляция, потом освидетельствование доктора о моем опасном положении, потом о твоём, а там весна, и мы переберемся на дачу».

Достаточно определенно можно сказать, что, обогащая правосознание, эти публикации не способствовали ослаблению конфликтных ситуаций в доходных домах.

Вопрос о пользовании квартирой, отоплением, освещением, гигиеническими приспособлениями, о необходимом ремонте и т. п. совершенно не затрагивался российским законодательством. В жизни руководствовались обычным правом, под которым следует понимать правило, не выраженное в законе, но которому постоянно подчиняются жители данной местности, признавая его для себя обязательным. Таким образом, обычай живет в сознании народа как закон, но закон не писанный.

По обычному праву арендатор обязан пользоваться арендуемым помещением согласно с назначением, для коего оно отдавалось в аренду. Без согласия собственника изменять назначение помещения было нельзя. Так, жилую квартиру нельзя превратить в торговое заведение или в гостиницу, или в ремесленную мастерскую, если это не оговаривалось в договоре.

При найме строений и квартир наниматель обязывался не изменять расположения в них отдельных помещений и не обращать из них одни в другие (например, жилую комнату – в кухню).

Другая обязанность – отвечать перед наймодателем за все убытки, причиненные ему небрежным отношением нанимателя к нанятому имуществу, последствием чего были гибель или повреждение арендованного им жилища, и притом последовавшие не только по вине нанимателя, но и его семейных, или людей, состоящих у него в услужении, то есть его детей, опекаемых воспитанников, учеников, прислуги, рабочих и прочих.

Наниматель мог принести вред даже тогда, когда не пользовался арендованной квартирой. Например, если он не будет пользоваться нанятым для житья помещением в зимнее время, то при этом помещение не будет им отапливаться и зимние рамы в окнах останутся невставленными, отчего, возможно, в помещении заведется сырость, и оно вообще сделается негодным для дальнейшего пользования без значительного ремонта. В подобных случаях наниматель, даже аккуратно продолжавший вносить наемную плату, может быть признан нарушителем и выселен из квартиры.

Арендатор был вправе требовать от домовладельца вознаграждения за все им произведенные улучшения или постройки, кроме тех случаев, когда перестройка делалась из материалов собственника, или когда улучшение составляло предмет роскоши, и в нем не было необходимости, а также если оно не принесло никакой выгоды домовладельцу.

Наймодатель со своей стороны обязывался поддерживать предмет найма в исправном виде, пригодном для пользования им, и производить в нем в течение времени найма все необходимые поправки и починки: чистку печей, побелку стен и потолков, вставку стекол и другой мелкий ремонт.

Прекращение действия договора найма

Договор найма прекращался по истечении определенного в нем срока. Квартирохозяин вправе требовать не только выселения нанимателя, но и вознаграждения за проживание нанимателя сверх срока.

Договор по обоюдному согласию мог расторгаться ранее указанного в договоре срока. Если договор составлялся в письменной форме, то и расторжение его должно быть

письменным, получение обратно задатка не могло служить достаточным основанием для уничтожения договора.

Договор найма прекращался при полном или частичном уничтожении квартиры. Причем совершенно безразлично, по какой причине имущество уничтожено: вследствие ли случайного события, или же по вине квартирохозяина, или по вине квартиранта, или по вине третьих лиц; во всех случаях перестало существовать имущество, отданное в наем.

В случае неисполнения какого-нибудь отдельного условия договора найма одной из сторон другая сторона не имела права по этому поводу прекращать действие всего договора. В суде действие договора могло быть прекращено, когда помещение не передано квартиросъемщику по вине собственника или наниматель не соблюдает сроков платежей за предоставленное договором имущество.

Если окажется, что отданное в наем имущество вовсе не соответствует той цели, для которой оно по договору предназначалось, или же заключает в себе столь существенные недостатки, что пользование квартирой окажется вредным или невозможным, например, если обнаружится, что квартира сыра, холодна и т. п., то наниматель вправе требовать уничтожения договора. Причем каждый такой недостаток не должен быть замечен при заключении договора и обнаруживался уже при самом пользовании нанятым помещением. Кроме того, недостаток должен иметь существенное значение для невозможности пользования нанятым жильем. Но скрытность и существенность – достаточно субъективные категории. Непригодность помещения освобождает от платы за него только со времени прекращения пользования им.

Второй по распространенности причиной, дававшей право квартиронанимателю на досрочное оставление квартиры, было так называемое зазорное соседство. Когда на той же лестнице или в том же доме домовладелец сдает квартиру публичным женщинам, а те своим сквернословием и поведением вместе с посещающими их мужчинами нарушают спокойствие и возмущают нравственное чувство соседних жильцов. Но чтобы расторгнуть договор, надо доказать, что публичные женщины въехали после заключения договора или недобросовестный хозяин утаил истину о проживающих в доме при заключении оспариваемого договора.

Бывали и курьезные случаи. Так, в «Юридической газете» за 1894 год мировые судьи разбирали принципиальный вопрос: «Может ли плохая музыка служить поводом к нарушению квартирного контракта?» Наниматель с семейством занимал верхний этаж. Этажом ниже жила сама владелица, обожавшая слушать музыкальный ящик (аристон). Наниматель, которого сильно беспокоил аристон, звучавший целыми днями, просил домовладелицу так часто не заводить музыки, а затем, не получив удовлетворения своей просьбы, съехал с квартиры.

Владелица предъявила к нему иск. Наниматель в свое оправдание ссылался на то, что он, как старый человек и при этом больной, не мог выносить плохой музыки, что это, подобно сырости, вредно отражалось на его здоровье. Согласившись с доводами нанимателя и на основании свидетельских показаний, подтвердивших, что аристон играл целыми днями на балконе хозяйки, мировой судья в иске последней отказал.

Стоимость аренды квартир

На протяжении XIX века доходы от недвижимого имущества изменялись. Эти цифры колебались в зависимости от размера и местоположения доходного дома. Средний процент доходности дома в Петербурге в то время составлял 8,5 % от его стоимости, а нередко он достигал и 15 %, что для европейских городов фантастическая цифра (где средний доход 1–2 %).

Стоимость наемных квартир в Петербурге для разных социальных слоев отличалась в сотни раз. Обычно стоимость арендуемого жилья составляла около четверти семейного бюджета горожан, столько же тратили и на еду.

Так, А.С. Пушкин осенью 1831 года, вскоре после женитьбы, за квартиру в бельэтаже из девяти комнат на Галерной улице, близ Английской набережной, платил в год 2500 рублей. Еще дороже стоила А.С. Пушкину квартира из двенадцати комнат в третьем этаже на Б. Морской улице, снятая в 1832 году. Ее цена была 3300 рублей в год. А последняя, снятая осенью 1836 года квартира поэта из одиннадцати небольших комнат в бельэтаже дома на Мойке обходилась в 4300 рублей в год. Много это или мало? 3500 рублей составляли расходы на еду за весь год всей семьи и прислуги, а за четверку лошадей А.С. Пушкин платил содержателю извоза 3600 рублей в год. А были еще расходы на бальные туалеты, книги и многое другое.

В маленькой квартирке на 3-м этаже дворового флигеля дома № 17 по Малой Морской улице жил Н.В. Гоголь.

Дом сохранился до наших дней с небольшими изменениями. Акварель Ф.Ф. Баганца, 1860-е гг.

А вот бюджет чиновника Н.В. Гоголя, получавшего 400 рублей жалованья в год (еще ему присылали денежную помощь из дома). Отчитываясь в письмах к матери о своих расходах, он писал о тратах за декабрь 1829 года:

«...за квартиру	25 р.
на дрова	7 р.
на свечи	3 р.
водовозу	2 р.
<hr/>	
на стол	25 р.
на чай, сахар и хлеб	20 р.
<hr/>	
в библиотеку для чтения	5 р.
на сапоги	10 р.
прачке	5 р.
на содержание человека	10 р.
куплено ваксы на	1 р. 50 к.
Итого	113 р. 50 к.».

Итак, 37 рублей уходило на жилье, 45 рублей – на еду.

Но так было в начале XIX века. Попробуем проанализировать стоимость наемных квартир в конце то же века, поскольку на это время есть точные цены в материалах переписей. По переписи 1890 года всего платных квартир в Петербурге насчитывалось 98 453, из них 19 833 (20 %) занимали ремесленные и торговые заведения, а 80 % – исключительно для жилья; бесплатных квартир – 23 145, из них только 6 % были под заведениями того или иного рода.

Квартирная плата

Все платные квартиры принесли домовладельцам в 1890 году 39 059 098 рублей дохода, что всего на 1,7 % (680 473 руб.) больше, чем в 1881 году, несмотря на увеличение населения на 10 % и числа квартир на 13 % (13 694). Объясняется это уменьшением цен на квартиры за это десятилетие)(табл. 6).

Таблица 6

Арендная плата в зависимости от характера использования квартиры (средние цифры)

Характер использования квартиры	Цена аренды средней квартиры, руб.	
	1881 год	1890 год
Квартиры исключительно для жилья	409	362
Квартиры для жительства и торгового или ремесленного заведения	750	642

Квартирная плата, как и ныне, зависела от характера использования квартиры, района, размера квартиры, ее благоустройства и от расположения ее на том или ином этаже.

Зависимость квартплаты от использования

Самая низкая квартирная плата была за квартиру, используемую исключительно для жилья. Средняя годовая плата за жилую квартиру в 1890 году – 362 рубля, за квартиру для жилья и торгово-промышленного заведения – 642 рубля, то есть на 77 % дороже, а за квартиру, используемую только под заведение без жилья, – 812 рубля, то есть в 2,24 раза дороже жилой квартиры.

Таблица 7

Средняя наемная плата в рублях за квартиры разной величины по переписи 1890 года

Назначение квартиры	Количество комнат в квартире				
	1	2	3–5	6–10	11 и более
Для жительства	112	194	375	1106	2664
Для жительства и торгово-ремеслен- ного заведения	339	416	576	1410	4266
Для торгово- ремесленного заведения	584	742	1150	2150	5800

Зависимость квартплаты от размера квартиры

Как видно из таблицы 8 (см. стр. 154), наемная плата за квартиры, используемые исключительно для жилья, растет с увеличением размера квартир быстрее, чем за квартиры, занимаемые торгово-ремесленными заведениями (как с жильем, так и без жилья).

Зависимость квартплаты от этажа

На протяжении почти всего XIX века наиболее ценным был второй этаж, но к концу века с увеличением этажности строений и появлением лифтов для жилья стали престижными 3-й и 4-й этажи (табл. 9, см. стр. 155).

Таблица 8

Зависимость квартплаты в рублях от размеры квартиры

Количество комнат	Квартплата в рублях									
	до 25	26-100	101-200	201-300	301-400	401-600	601-1000	1001-2000	>2001	
<i>Квартиры, занятые под жительство</i>										
1	149	817	5638	859	142	127	27	2	C	
2	4	2116	10 356	6748	1179	343	66	7	1	
3P5	3	372	4967	9941	6725	8768	3094	296	11	
6P10	C	C	30	129	208	1162	3119	2685	262	
Более 11	C	C	C	1	3	15	44	293	467	
<i>Квартиры, занятые под жительство, торговлю и промыслы</i>										
1	212	377	777	608	263	473	245	67	11	
2	C	109	968	1258	533	904	481	168	25	
3P5	C	18	338	1182	852	168	963	441	196	
6P10	C	C	6	29	40	160	368	453	221	
Более 11	C	C	C	C	C	3	14	90	236	

Таблица 9

Средняя наемная плата в рублях за квартиры на разных этажах

Назначение квартиры	Расположение квартир						
	подвал	этажи					мансарды
		1	2	3	4	5–6	
Для жительство	125	263	375	463	450	380	112
Для жительство и торгово- ремесленных заведений	431	559	715	559	487	412	259

Зависимость квартплаты от местоположения

Самые дорогие квартиры, естественно, были в центральных частях города: Адмиралтейской (средняя годовая квартплата – 1123 руб.), Казанской (618 руб.) и Литейной (608 руб.); самые дешевые – на окраинах: Выборгская (172 руб.), Петербургская (212 руб.), Александро-Невская (273 руб.), Нарвская (283 руб.).

Что касается района, то немаловажную роль играла престижность места. Скажем, средняя квартира из 4–6 комнат в Московской части и районе Сенной стоила 750–760 рублей в год, у Новой Голландии – от 800 и выше, на Литейном – 850, а рядом – на Моховой или Захарьевской – ниже 600, на Петроградской же вообще до 400.

Итак, мы рассмотрели, сколько стоили петербургские квартиры и что влияло на формирование цены. Как это ни странно, стоимость платы за квартиру в крупных городах России значительно выше, чем в Западной Европе. Иллюстрируется этот факт сопоставлением годовой платы на 1900 год за квартиру без отопления (в рублях) в Берлине и Петербурге (табл. 10).

Как видим, большие квартиры в обоих городах стоили одинаково дорого; квартиры же средней величины и в особенности маленькие, то есть самый распространенный тип, значительно дороже в Петербурге.

Таблица 10

Средняя квартплата (в рублях)

Число комнат в квартире	Цена	
	в Берлине	в Петербурге
1	108	154
2	175	249
3P5	375	441
6P10	1102	1109
11 и более	3250	3108

Дороговизна затрагивала наименее обеспеченные слои населения, а так как заработная плата в России была намного ниже, чем в Западной Европе, то высокая стоимость квартир неизбежно влекла за собой чрезвычайное переполнение их, о чем уже говорилось в предыдущем разделе.

Как ни странно, но Петербург не был самым дорогим городом Российской империи по стоимости арендуемого жилья. Средняя (в 4–6 комнат) квартира в столице обходилась

нанимателю почти вдвое дешевле, чем в Варшаве или Лодзи, и почти в два с половиной раза дешевле квартиры в Киеве. Маленькие (по тем меркам, для малообеспеченных) 1-3-комнатные вообще стоили дешевле, чем в других крупных городах, кроме Саратова и Харькова.

Бесплатные квартиры

Около 20 % квартир во второй половине XIX века были бесплатными (табл. 11). Почти половину из них составляли служебные квартиры (40 %). В остальных бесплатных квартирах жили сами домовладельцы с семьями (14 %), домовая прислуга (дворники – 21 %, швейцарские – 7 %), рабочие у домовладельца (9 %), служащие у домовладельца (7 %). Ничтожно малое число составляли благотворительные бесплатные квартиры (менее 1 %).

Таблица 11

Жильцы бесплатных квартир

Виды квартир и классификация их населения	Количество квартир	% от общего числа	Количество	
			комнат	жильцов
Служебные (казенные) квартиры	15 612	40	41 583	79 871
Домовладельцы и их семьи	5773	14	31 206	40 082
Служащие у домовладельца	2671	7	8429	14 842
Рабочие у домовладельца	3533	9	7427	31 397
Дворники и кучера	8390	21	10 778	35 978
Швейцары и их семьи	2728	7	2912	8234
Благотворительные квартиры	154	0	308	608
Пустые квартиры	498	1	1742	
Неизвестная причина	466	1	1337	2175
Всего	39 825	100	105 722	213 187

Доля бесплатных квартир зависела от характера ее использования, района, размера и расположения ее на том или ином этаже. Доля бесплатных квартир: среди жилых – 22 %; используемых под жилье и торгово-ремесленные заведения – только 5 %; занятых заведениями без жилья – 12 %.

Бесплатных жилых квартир особенно много в центральных районах, где большая доля казенных квартир: во всей Адмиралтейской части (43 %), во 2 участке Спасской (53 %), в 4 участке Литейной части (40 %), а также на окраинах, где преобладали маленькие дома, в которых жили сами домовладельцы: в Выборгской части (33 %). Мало жилых бесплатных квартир, не более 10 %, в Коломенской и Московской частях. Необычайно много бесплатных квартир для жительства и торгово-ремесленных заведений (43 %) находилось в 3 участке Выборгской части (Охта), благодаря ремесленному характеру населения этого

участка. В остальных же районах Петербурга доля бесплатных квартир этой категории составляла всего от 2 до 8 % (см. карту на с. 2–3).

Как видно из таблицы 12, составленной по данным переписи 1900 года, количество бесплатных квартир зависело и от величины домовладения. Особенно много бесплатных квартир находилось в маленьких (1-3-квартирных) домах, где жили сам владелец и его родственники.

Таблица 12

Доля бесплатных квартир в зависимости от величины дома на 1900 год

Величина дома по числу квартир	Количество		Из них бесплатных квартир	% от общего числа	В среднем количество бесплатных квартир в доме
	домов	квартир в них			
1	692	692	313	45	В половине домов
2P3	1085	2715	1284	47	В каждом
4P5	1057	4728	1550	33	1P2
6P10	1867	14 645	3871	26	2
11P20	2352	34 922	5208	15	2
21P50	2154	66 241	9751	15	5
51P100	348	22 507	3672	16	10
Более 100	80	12 442	3842	31	48
Всего	9635	158 892	29 491	19	3

Из таблицы 13 видно, что чем выше этаж, тем меньше число бесплатных квартир. Больше всего бесплатных квартир – на 1-м этаже (каждая третья), на 2-м (каждая четвертая) – это квартиры домовладельцев.

Таблица 13

Распределение бесплатных квартир по этажам в 1890 году

Расположение квартир	Виды и количество бесплатных квартир			
	для жилья	смешанное использование	всего бесплатных квартир	% от общего количества
Подвал	2851	37	2888	10
1-й этаж	10 045	380	10 425	38
2-й этаж	7966	119	8085	29
3-й этаж	3847	27	3874	14
4-й этаж	1391	18	1409	5
5-й этаж и выше	413	9	422	2
Мезонин	517	5	522	2
Всего	27030	595	27 625	100

Таблица 14

Распределение бесплатных квартир по количеству комнат в 1890 году

Количество комнат в квартире	Количество бесплатных квартир	
	шт.	% от общего числа
1	11 937	40
2	4943	17
3P5	7965	27
6P10	3818	13
11 и более	1045	3
Всего	29 708	100

Бесплатных квартир в 1900 году (таблица 14) было много среди мелких квартир (в одну комнату и иногда даже без кухни), в них жили мелкие чиновники и учрежденческая прислуга, а также домовая и личная прислуга.

Раздел II Благоустройство жилища

История благоустройства жилищ Петербурга распадается на три периода. С основания города до 1870-х годов петербуржцы пользовались традиционными способами водоснабжения, отопления, освещения. В домах петербуржцев отсутствовал водопровод, печи топили дровами, свечи были главным источником света.

В последней четверти XIX века в жилищной сфере Петербурга происходят революционные преобразования – внедряются практически все известные нам сегодня бытовые удобства, которыми мы пользуемся до сих пор. Начал функционировать водопровод, изобретены различные модели водопроводных кранов и умывальников,

появились ватерклозеты с унитазами, а в некоторых домах даже ванны. Поражает разнообразие предлагавшихся способов отопления жилищ: водяное, паровое, отопление горячим воздухом и электрическое. (Наше современное отопление – водяное, хотя в быту мы называем его по инерции ошибочно «паровым».) В домах петербуржцев зажглись первые электрические лампочки – началась эра электрического освещения. Интересно, что ничего принципиально нового для благоустройства быта не придумано вот уже почти полтора века.

В истории повседневности 1960-е годы стали переломными в том смысле, что все известные бытовые удобства стали чрезвычайно быстро распространяться вширь. Началось массовое строительство благоустроенных квартир, так называемых «хрущевок». Старое жилье реконструировалось.

Именно в это время практически во всех квартирах появились ванны и началось горячее водоснабжение. Белье перестают стирать в домашних прачечных в подвалах домов, а сдают в прачечные, где используются промышленные стиральные машины, а немного позже и в квартирах горожан стали появляться бытовые стиральные машины.

Завершился переход от дровяного отопления к паровому, из дворов исчезли дровяники. Привычными стали радиаторы отопления под подоконниками. В квартирах появляется бытовой газ. Пищу теперь можно быстро приготовить на газовой плите. Из городского быта ушли огромные плиты, прежде топившиеся дровами, керосинки, примусы и керогазы. В домах, куда не проведено горячее водоснабжение, устанавливаются газовые водонагреватели.

Глава 8 Квартирное благоустройство

Отопление

Пахнет даже гранит березовой корой
Там, где грузят глубокие барки.
Быстро, тачка за тачкой, провозят дрова
По скрипучим и шатким сходям...
О, я знаю, для многих родные деревья
Стали только саженьями дров.

М. Моравская. Грузчики

Основным топливом в Петербурге XVIII и XIX веков служили дрова. Преобладающая масса дров сплавлялась в Петербург в виде плотов или на баржах, небольшая их часть доставлялась эстонцами и финнами по Финскому заливу на лайбах (двухмачтовых или трехмачтовых парусных шхунах небольшого водоизмещения) или окрестными крестьянами на саях или телегах. Баржи (или барки), привозившие в город дрова, были обычно легкой постройки, с расчетом на «одну воду», то есть на 2–3 рейса в течение навигации. Баржи после финальной разгрузки разбирались на «барочный» лес, идущий на

временные постройки дешевых домов на окраинах и частично – на топливо. «Барочный» лес продавался в местах разборки барж очень дешево, так как был сырой и весь в дырах от деревянных нагелей.

Для разгрузки барж с пиленным лесом нанимались так называемые «носаки», их отличала кожаная подушка, притороченная к одному из плечей. Как услуга барж, так и береговые рабочие – обычно из крестьян. Как вспоминали Д.А. Засосов и В.И. Пызин: «Как-то странно было видеть на наших богатых гранитных набережных бедно, даже рвано одетых людей в лаптях. Свою тяжелую работу они даже не могли скрасить песней – в Петербурге это было строго запрещено, следила полиция».

Четырехполенные в длину дрова отправляли в «гонках» – специальных плотках-обрубках. Академик В.Я. Озерецковский, совершивший поездку по Ладоге в 1785 году, описывал их следующим образом: «...Строят из шестисаженного тонкого елового лесу четырехсторонние обрубы вышиною в полтора аршина, настилают в оных пол из жердей, скрепляют стены шпонками, а углы – смятыми еловыми прутьями, кои в сем случае надежнее железа; наполняют обрубы дровами, в каждый обруб помещается от 14 до 16 сажен; нагруженные обрубы свозят в одну линию, привязывают один к другому счалками, то есть короткими бревнами... привязывают счалки еловыми измятыми прутьями и таким образом счаливают до 36 обрубов, а наперед плот из бревен, называемый *головной*, на котором держатся канаты и якоря.

Разгрузка барж с дровами. Фото начала XX в.

Сие то есть гонка, которая в длину имеет до 250, а в ширину шесть сажен. Для большего укрепления протягивают через всю гонку толстые канаты, обертывая оными каждую связь... На головном плоту ставят мачту и таковые же мачты чрез пять обрубов на шестом, а на всей гонке шесть мачт... При попутном ветре поднимают парусы и плывут под оными; в тихую ж погоду тянутся на завозах; в первом случае проходят в сутки более

20, а во втором от – 10 до 15 верст; при противном ветре стоят на якорях... В такую гонку погружается дров более 500 сажен, а людей бывает в ней от 16 до 20 человек».

С появлением пароходов плоты в пределах города проводились буксирами. Как правило, плот или даже целую гонку из плотов брали буксиром перед мостом и спускались по течению первыми, а пароход после разворота, находясь выше их по течению, спускал плоты на буксире, точно направляя их в пролет моста. Круглого леса в плотях приходило очень много: для нужд строек, лесопильных и деревообделочных заводов, бумажных фабрик.

Плоты ставились под разгрузку или у специальных лесных складов, или у фабрик и заводов для их обработки. Разгрузка производилась вручную при помощи веревок, с выкаткой по наклонным следам, с укладкой в штабеля.

Если плоты и баржи доставляли дрова в Петербург по течению Невы, то на лайбах эстонцы или финны везли дрова по Финскому заливу и вверх по Неве.

Я стану говорить, что дороги дрова;
Что вот последний грош сейчас сожгла вдова
Страдальца бедного...

Л. Мей. Дым

Квартиры сдавались «с дровами» или «без дров», что всегда оговаривалось в договоре и от чего зависела цена квартиры. С одной стороны, квартиры с дровами оказывались гораздо удобнее: домохозяин сам заботился о покупке и доставке дров, причем как оптовый покупатель он получал дрова по достаточно низким ценам, но, с другой стороны, он экономил на качестве дров. Топить печи плохими дровами – сущее наказание для жильцов. Если же квартира сдавалась без дров, то можно было предположить, что она холодная, и сколько бы жилец ни топил даже самыми лучшими дровами, она не прогревалась.

Хранились дрова обычно в дровяных сараях – дровяниках, находившихся во дворах и занимавших бóльшую часть их площади; иногда дровяники строились двухэтажными. Дрова для отопления обычно заготавливали летом на весь предстоящий отопительный сезон.

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку.

Н.А. Некрасов. Из цикла «О погоде»

За отдельную плату дворники кололи дрова и разносили их по приквартирным, лестничным дровяникам, представлявшим собой небольшие кладовки на площадках черных лестниц у дверей квартир или под подоконниками окон; они походили на шкафы с дверками. Перед тем как внести дрова в квартиру из дворовых сараев-дровяников, на некоторое время их переносили в лестничные дровяники для просушки. Немного подсохшие здесь дрова брали для отопления квартиры.

Но иногда дворы-колодцы были настолько малы, что для сараев места не находилось. Тогда дворники разносили дрова жильцам непосредственно с подвод.

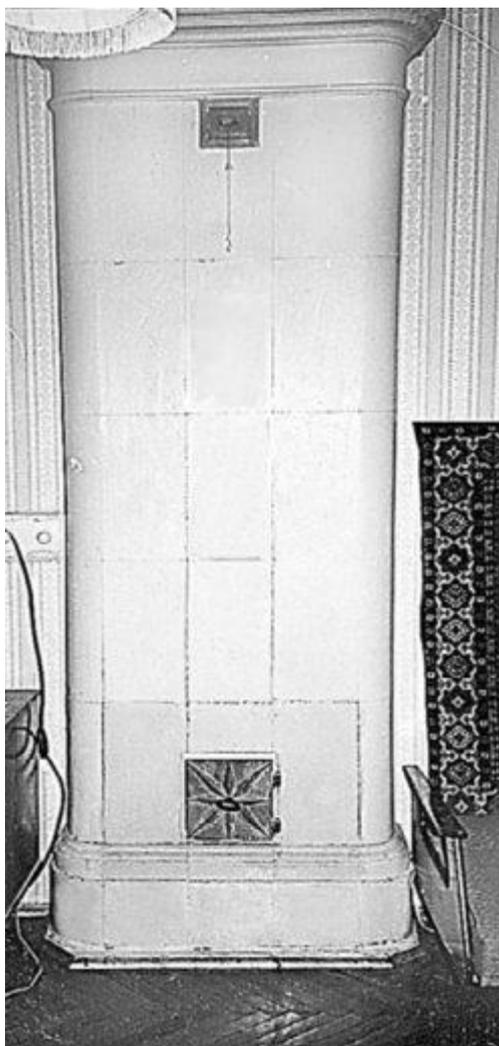
С последней трети XVIII века кроме дров для отопления пользовались (но крайне редко) углем или торфом. Английский (шотландский) уголь со второй половины XVIII века использовался в промышленности и для отопления государственных учреждений, но серьезной конкуренции дровам составить не мог, так как стоил дороже. В период 1780-1790-х годов в Петербург ежегодно прибывало от 5 до 6 кораблей «аглинских угольев». В то же время архитектор Н.А. Львов, занявшийся разработкой бурых углей под Боровичами, в 1799 году доставил в Петербург 71 316 пудов угля, но спроса русский уголь не заимел, и бóльшая часть его сгорела во время пожара.

Отопительные устройства

Пожалуйте вставить. Гуляет
по зеркалам печным ладонь
истопника: определяет,
дорос ли доверху огонь.
Дорос. И жаркому гуденью
день отвечает тишиной,
лазурью с розовою тенью
и совершенной белизной.

В. Набоков. Дар

Отопительные печи и кухонные плиты делались из металла или из кирпича. Чугунные «утермарковские» печки с длинной, через всю комнату трубой в трудную послереволюционную пору получили название «буржуйка». (Позднее они же помогли выжить в суровое время блокады.) Такие печи, прямоугольной формы, использовались как кухонные плиты для приготовления пищи, а цилиндрические, высотой в 3 аршина, – только для обогрева помещения.

Печь-«голландка»

Из кирпича делались русские печи (размером 2х2 аршина), по традиции их белили. Прямоугольные кухонные плиты (размером 1х2 аршина, высотой 1 аршин) также белились или облицовывались керамической плиткой. Круглые отопительные кирпичные печи (диаметром около 1,5 аршина) покрывались плоскими или рифлеными металлическими листами, окрашенными клеевыми красками или «серебрянкой», крайне редко круглые печи облицовывали керамической плиткой. «Изразчатые» (изразцовые) печи прямоугольной формы назывались «голландками». И круглые, и «голландки» делались высотой от 3 аршин и выше, почти до потолка. Самой распространенной отделкой печей были белые поливные (глазурованные) изразцы. По отзывам современников, кафельные печи «торчали как бельмо в глазу в каждой комнате». Они были долговечны, гигиеничны (допускалось их мытьё). Но при плохих дровах (от казны или домовладельца) швы на них начинали трескаться, печи начинали дымить и приобретали желтовато-бурый цвет. Гораздо реже печи облицовывались неглазурованными изразцами, что стоило дешевле, но приходилось их красить масляной, мастичной или клеевой краской. Часто печи имели богатую декоративную отделку, нередко представляющую большую художественную ценность. Каминные в богатых домах часто облицовывались мрамором и другими ценными породами камня.

Чугунные печи запрещались для постоянного пользования, ими можно было только временно просушивать сырые помещения. Но домовладельцы ставили их постоянно, а при осмотрах квартир чинами медико-полицейского надзора каждый раз уверяли, что поставили их лишь недавно для просушки комнат.

Небольшие частные деревянные дома невозможно представить без русских печей, используемых и для отопления, и для приготовления пищи. В квартирах русские печи и плиты для приготовления пищи обычно устанавливали в кухнях. Иногда при отсутствии помещения для кухни плиты устанавливались в жилой комнате однокомнатной квартиры.

Реклама начала XX в.

Недостатки дровяного отопления – постоянная тема обсуждения специальных журналов. Основной изъян – большие колебания температуры в помещениях: если при окончании топки печи температура в комнате была 18 °С, то часов через пять будет 13 °С, а еще через десять – до 7 °С. Приходилось периодически подтапливать. Лучше держала тепло печь-«голландка» – ее топили один раз в два дня (этого было достаточно), а русскую печь обычно топили один раз в день.

Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской,
Как печально камин догорает,

И как пламя в нем вспыхнет порой,
То бессильно опять угасает.
Подожди еще миг, и не будет огней,
Что тебя так ласкали и грели,
И останется груда лишь черных углей,
Что сейчас догореть не успели.

П. Баторин. Романс «У камина»

Камины в Петербурге не любили из-за их неэкономичности – использовалось только 30 % выделяемого тепла. Их устанавливали только в больших, представительских помещениях: в парадных жилых комнатах – в залах, столовых, кабинетах, на парадных лестницах.

Водяное, паровое отопление и отопление горячим воздухом

В углу торчал старинный радиатор водяного отопления; он был зеленый, вертикальный и напоминал кактус.

В.С. Шефнер. Сестра печали

Центрального отопления в нашем понимании как общегородского не существовало, но сам термин часто встречается в дореволюционных изданиях и обозначает единую отопительную систему для всего дома. В подвале устанавливался котел с оборудованием для угольной топки (упоминания об электрическом нагревании котла – единичны), радиаторы располагались в каждом помещении. Самыми распространенными были вертикальные радиаторы – вертикальная труба с вертикальными ребрами, отходившими от нее по кругу во все стороны.

Ф. САНЪ-ГАЛЛИ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Лиговская ул., № 60. — Телефонъ № 6-75.
№ 124-63.
Магазины: Невскій пр., № 8 и № 60.

ДЕЗИНФЕКЦІОННЫЕ АППАРАТЫ — — — — — **ВѢСЫ** системы ФЕРБЭНСЪ
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТОПЛЕНІЕ и ВЕНТИЛЯЦІЯ, для САМОВВѢШИВАНІЯ,
вагонные, возовые и проч.

— — — — — **УСТРОЙСТВО:** — — — — —
ПАРОВЫХЪ КУХОНЬ и ПРАЧЕЧНЫХЪ, ГИДРАВЛИ-
ЧЕСКИХЪ и ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ПОДЪЕМНЫХЪ МА-
ШИНЪ РАЗЛ. СИСТЕМЪ.

— ◀ ▶ —

КАМИНЫ и МРАМОРЪ къ НИМЪ,
денежные шкафы и ящики, бисюты Императоровъ художествен. олимпки.

Ф. САНЪ-ГАЛЛИ

Реклама изделий знаменитой фирмы Сан-Галли. Начало XX в.

Водяное и паровое отопление были очень редки в Петербурге даже в конце XIX века. К 1900 году всего 6 % петербургских домов (из 9597 – 609 домов) имели не дровяное отопление. Причем только в трети из них (183 из 609 домов) полностью отказались от дровяного отопления, остальные пользовались смешанным типом отопления: лишь на парадных лестницах и в престижных квартирах 2-х и 3-х этажей устанавливались радиаторы парового, водяного отопления или отопления горячим воздухом; дровяное отопление сохранялось в дешевых квартирах верхних этажей, мансардах и подвалах, а также в хозяйственных и кухонных помещениях престижных квартир. Самым распространенным из не дровяных способов отопления было паровое отопление – 40 % (в 244 домах из 609), чуть менее – водяное отопление 37 % (в 226 домах из 609). Горячий воздух для отопления использовался только в 23 % домов (139 домов из 609). Система труб с горячим воздухом шла внутри стен или под полом, согревая помещения через небольшие отверстия (10 x 10 см), расположенные в углу пола или в нижней части стены. Отверстия прикрывались красивыми металлическими решетками, препятствующими попаданию мусора в систему отопления, но не мешающими горячему воздуху попадать внутрь помещений.

Электрическое отопление

В конце XIX века в Петербурге появился принципиально новый обогревательный прибор. Источником тепла служил электрический радиатор в форме ящика с ребристой лучеиспускательной поверхностью. Естественно, что новинка появилась в единичных квартирах и использовалась более с показательной целью, поскольку параллельно продолжали пользоваться печами (их не демонтировали в помещениях, где устанавливались электрические радиаторы). Электрическое отопление появилось только в парадных помещениях «барских» квартир состоятельных владельцев.

Освещение

Освещение петербургских жилищ в XIX веке прямо-таки стремительно шагнуло от простых лучин и свечей до электрических ламп накаливания.

Как зажигали огонь: от огнива до спичек

В начале XIX века использовали огниво, кремь и трут. Ударяют огнивом о кремь, из огнива выскакивает искра, трут загорается. Высекать огонь было не так-то просто, требовался навык. Кстати, принцип сохранился в бензиновых зажигалках. В них тоже есть камешек-кремь, есть металл – рифленое колесико, есть и «трут» – фитилек, пропитанный бензином.

Горожане были не прочь заменить сложно зажигающие кремь и огниво чем-нибудь более простым. В продаже то и дело появлялись всевозможные «химические огнива», одно другого мудренее. Тут и спички, зажигающиеся от прикосновения к серной кислоте; тут и спички со стеклянной головкой, которую надо было раздавить щипцами, чтобы спичка вспыхнула; имелись даже целые приборы из стекла, очень сложного устройства, но все они были неудобны и дорого стоили.

Несмотря на то что во всех жилых помещениях перед иконой обязательно теплилась лампадка, от нее не полагалось ни зажигать свечи, ни прикуривать. Специально для этих целей огонь держали на кухне.

Так продолжалось до тех пор, пока не изобрели фосфорные спички. Первая в России спичечная фабрика открылась в Петербурге в 1837 году (спустя всего четыре года после появления спичек в Европе). К 1886 году в России насчитывалось 312 мелких фабрик с выработкой 2,7 млн ящиков, по 1 тыс. коробок в каждом. К 1913 году осталось только 115 крупных фабрик с годовой продукцией 4,4 млн ящиков спичек.

Головки спичек делались из фосфора, он загорается при самом слабом нагревании: всего до 60 градусов. Казалось бы, лучшего материала для спичек и придумать нельзя. Но они были очень ядовиты, а главное, загорались чересчур легко. Чтобы зажечь фосфорную спичку, достаточно чиркнуть ею о стену или даже о голенище. Когда спичка загоралась, ее головка разлеталась на части, что было опасно. Сгорев, спичка оставляла скверный запах – кроме фосфора в головке содержалась еще сера, сгорая она превращалась в сернистый газ.

«Безопасные» спички, которыми мы пользуемся до сих пор, начали производить в Швеции в 1855 году, отсюда их название «шведские». В головках этих спичек фосфора нет, он заменен другими горючими веществами. В последней четверти XIX века большинство европейских стран отказались от выпуска и использования фосфорных спичек. В России же ими продолжали пользоваться еще и в XX веке.

Свечное освещение

При свечке Шиллера открыл.

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

В XVIII веке и даже в начале XIX века в домах небогатых горожан продолжали пользоваться лучинами, укрепленными в поставцах.

Средние и высшие слои горожан могли позволить себе свечное освещение. Самыми простыми, дурно пахнущими и коптившими при горении были сальные свечи, а самими лучшими и дорогими – восковые. К началу XIX века сальная свеча стоила 12 коп., а восковая – 50 коп.

В 1830-е годы появляются недорогие парафиновые свечи, но они были мягкие и имели некрасивый грязносерый цвет. Спустя десять лет в обиход начали входить стеариновые свечи, изобретенные еще в 1825 году. В России их производили в Москве на заводе Каллета по производству свечей из стеарина. «Каллетовские» свечи в Санкт-Петербурге продавались в магазине на углу Б. Морской и Гороховой улиц. Парафиновая свеча стоила в полтора раза дешевле стеариновой.

Но самыми лучшими считались спермацетовые, они, как утверждала реклама, «не будучи еще зажжены, украшают уже чрезвычайно своею белизною и прозрачностью». Их привозили из Франции, и стоили они чрезвычайно дорого – в три раза дороже восковых.

Свечи использовали весьма экономно. Обычно свеча (одна!) зажигалась на столе, и при ней занимались рукодельем, писали, читали. При гостях зажигали свечи в канделябрах (3–5 свечей), и в комнатах становилось нарядно и празднично. Для балов и приемов зажигали люстры, и зал сиял огнями.

Как же это достигалось? Ведь даже в самых больших залах подвешивалось обычно три люстры по 60 (не более!) свечей. Теперь, дорогой читатель, постарайтесь представить себе, что за «ослепительный свет» это был, если каждая люстра давала столько же света, как одна наша электрическая лампочка. Но свет усиливался отражением в многочисленных зеркалах. Зеркала специально размещали напротив друг друга, и свет люстр, многократно отраженный в них, соответственно усиливался. За настенными канделябрами для усиления света также размещали зеркала.

Дворцовые люстры в XIX веке, как правило, не имели механизма подъема и спуска. Снабжались такой механикой лишь театральные люстры, где нельзя иным способом подобраться к ним. Для этих целей над центром зрительного зала устраивалась «комната для снаряжения» со специальным люком. При недавних реставрациях Алек-сандринского театра и Большого зала филармонии старинные механизмы показали свою надежность: для чистки и восстановления утраченных со временем элементов гигантских светильников не потребовалось сооружения специальных лесов.

В Зимнем дворце с 1840-х годов для обслуживания люстр применяли складные лестницы. Лестница передвигалась на медных колесах, обтянутых кожей (чтобы не повредить паркет).

Приблизительно с 1860-х годов для быстрого зажигания люстр начали использовать специальный тонкий шнур, сгоравший без остатка. Им последовательно оплетали фитили всех свечей в люстре или высоком торшере, а конец опускали вниз. Когда конец шнура поджигали, пламя огня за считанные секунды охватывало все свечи светильника.

Масляные светильники

Усеян плошками кругом,
Блестит великолепный дом.

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

Известные с древнейших времен примитивные открытые лампы, наполненные жиром или другой медленно горящей жидкостью с плавающим в ней фитилем, для освещения жилищ широко применялись до начала XX века. Их называли «ночниками», «плошками», «жировками». В Петербурге пользовались чаще всего конопляным или сурепным маслом, реже использовали дорогое «деревянное» (так в XIX веке называли низкосортное

оливковое масло). В домах бедняков использовалось жидкое сало. Масляные светильники просты в обращении, экономичны, но давали совсем немного света.

Ими пользовались для наружной иллюминации домов, наливая в плошки самое дешевое конопляное масло.

Лампадки, подвешиваемые перед иконами, конечно, нельзя считать осветительными приборами жилья.

Самым распространенным масляным светильником всю первую половину XIX века были кинкетные лампы. Их изобретение принадлежало женеvскому физику Ф.-П.-Э. Арганду, но название они получили по имени не изобретателя, а парижского аптекаря А. Кинкета, наладившего производство этих ламп. Поступающий к фитилю воздух способствовал усилению пламени, а значит, и силы света. Кинкет светил в десять раз ярче свечи. В Петербурге кинкеты изготавливал Ж.-Л. Берти и его ученик В. Ханин. Наиболее известным производителем был ламповый фабрикант С.О. Китнер, отец знаменитого архитектора.

Кинкетные настольные лампы состояли из высокого в виде вазы жестяного резервуара с отходящими от него горизонтальными трубками, заканчивающимися ламповым стеклянным рожком. Лампы настенные имели 1–2 рожка с горелками. Напольные кинкеты представляли собой высокие стойки из красного дерева с выдвижной штангой, позволявшей изменять высоту светильника. Сама лампа имела форму ладьи с двумя масками по краям.

Распространенной конструкцией кинкетной люстры в Петербурге была астральная лампа с кольцевым резервуаром. Каждый ярус астральной люстры (их могло быть от одного до трех) состоял из обруча-резервуара для масла и отходящих от него рожков. Количество светильников иногда доходило до сотни. Над каждым ярусом имелся белый эмалированный козырек для усиления яркости света. Такие люстры обычно освещали огромные залы. Для жилых помещений использовались кинкеты на 10 рожков.

Самыми технически совершенными из масляных светильников были механические карсели и модераторы. Название лампа получила в честь своего изобретателя – парижского часовщика Б.-Г. Карселя. Сложный пружинный механизм, подающий масло, требовал ежедневного завода, как часы. Пламя карсельской лампы – ровное, без мерцания и очень яркое, в три раза ярче, чем у кинкетной лампы. Чаще всего изготавливались настольные лампы, в качестве корпуса использовались вазы различных форм. Так же, как и в кинкетных лампах, горелку закрывали ламповым стеклом – в виде высокой прозрачной трубки и матового шара, рассеивающего свет.

Первоначально карсельские лампы привозили из Парижа или Женевы, поэтому они были дороги и не доступны обычным горожанам. В середине XIX века в Петербурге на фабрике А. Гаевского (впоследствии – фирма «Кнооп и Нильдехен») наладили выпуск дешевых карселей – с футлярами из расписной медной жести или штампованной латуни. Но все остальные фабрики (К. Тегельштейна, Н. Штанге, И. Кумберга, а также императорский фарфоровый завод) выпускали роскошные карсельские лампы с золоченой бронзой и фарфором.

Также из Франции пришли в Петербург лампы-модераторы, изобретение механика Франшо. Внешне они ничем не отличались от карсельских ламп, но в них не было

механизма, подающего масло к горелке, – это приходилось делать вручную, при помощи особого ключа-регулятора. Лампа-модератор давала такой же яркий и белый свет, что и карсель, но была значительно дешевле и надежней в эксплуатации: для нее не требовалось самое чистое масло, чтобы не засорить сложный механизм, как в карсельской лампе.

Керосиновые лампы

Которыми мы любовались в детстве
Под желтой керосиновой лампой.

А. Ахматова. Северные элегии

Новый светильник изобрел в 1853 году польский ученый И. Лукасевич. Спустя десятилетие в Петербурге в магазине на Б. Конюшенной улице продажу керосиновых ламп организовал американец Л. Шандор. В керосиновой лампе используется пламя паров керосина. Из резервуара керосин по фитилю поднимается вверх (без всякого механизма и накачивания!), где испаряется и горит. Для создания направленного потока воздуха служит металлическая решетка, через нее воздух поступает в лампу, колпачок, создающий узкую щель для прохода пламенных газов, и стекло, защищающее пламя и поддерживающее тягу внутри лампы. Из-за сходства жирного керосина с маслом и сходства в устройстве масляных и керосиновых ламп керосин в народе сначала называли «минеральным маслом».

Благодаря простой конструкции и дешевизне керосиновая лампа к концу XIX века стала самым распространенным источником света и постепенно вытеснила другие светильники. Многочисленные конструкции керосиновых ламп делились на две основные группы: с плоским фитилем и с круглым фитилем. Керосиновые лампы изготавливались подвесные, настольные, переносные. Обычно лампы имели чрезвычайно простое оформление, поскольку предназначались для простых горожан. Но делались керосиновые лампы и для дворцов, украшенные позолотой и с роскошными абажурами из цветного стекла с росписью и гравировкой.

Газовое освещение

Здесь тайна нам дана. Светильный газ,
Подобно этим трупам синегубым,
Зловонный, мерзостный, течет по трубам,
Чтоб вспыхнуть радостно в последний час.

Л. Скалдин. Петербург

Первая газовая компания появилась в Англии в 1803 году. В Петербурге газовое освещение улиц началось с учреждением в 1835 году «Общества освещения газом С.-Петербурга», построившего завод на Обводном канале. Для бытовых нужд газ подавался с 1860-х годов только в небольшое число домов на Невском проспекте и на прилегающих к нему улицах. Первоначально газовое освещение использовалось только на лестницах (на некоторых из них до сих пор сохранились на стене почти под самым потолком небольшие кронштейны, поддерживавшие газовую трубочку).

В квартирах газовое освещение применялось крайне редко. Газ подавался по тонким каучуковым трубочкам к рожкам газовых люстр, но чаще – к настенным лампам. В отличие от масляных осветительных приборов резервуары для горючего не требовались, поэтому газовые светильники удивляли своим изяществом и легкостью. У газовой горелки имелся специальный вентиль для регулирования подачи газа. Газовое освещение не успело широко распространиться, его успешно вытеснило электрическое.

Газовое освещение в квартирах стоило дороже керосинового: газовая горелка Арганда – в 4 раза, а более часто используемая открытая газовая горелка – в 10 раз.

Кадильные колпачки

В 1895 году доктор Ауэр фон Вельбах предложил «кадильный колпачок» из солей бария и цезия, он надевался на газовую или керосиновую горелку, делая свет ровнее и ярче. Нагреваясь, колпачок раскалялся до ослепительно белого свечения. Сила света регулировалась подачей газа или фитилем керосиновой лампы. Кадильная сетка изготавливалась из плетеного хлопчатобумажного чулка, пропитанного водным раствором солей. Сетка обжигалась, при этом вся органическая часть ее сгорала и оставался лишь каркас из солей редких металлов. Значительно реже применялся известковый цилиндр. С 1902 года после усовершенствования конструкций колпачков русскими техниками они стали использоваться в быту на газовых светильниках и в керосиновых лампах.

Реклама. Конец XIX в.

Электрическое освещение

Следующей важной вехой в освещении Петербурга можно считать применение электрических ламп накаливания Лодыгина и Яблочкова. В 1872 году А.Н. Лодыгин изобрел электрическую лампочку накаливания (стеклянную колбу с угольным стержнем). И июля 1873 года на Одесской улице, на Песках провели первые опыты по освещению улицы двумя электрическими фонарями. На диковинное зрелище съехалось множество народа, и всех поразил эффект применения электроосвещения. Очевидец этого опыта профессор Н.В. Попов (тогда – гимназист третьего класса) впоследствии вспоминал: «Чтобы пройти на Пески, надо было пересечь безлюдный, пустынный и не освещенный в то время Преображенский плац... К счастью, на Преображенском плацу мы были не одни. Вместе с нами шло много народу с той же целью – увидеть электрический свет. Скоро из темноты мы попали на какую-то улицу с ярким освещением. В двух уличных фонарях керосиновые лампы были заменены лампами накаливания, изливавшими яркий белый свет. Масса народа любовалась этим освещением, этим огнем с неба...

Многие принесли с собой газеты и сравнивали расстояния, на которых можно было читать при керосиновом свете и электрическом».

Электрические фонари светили гораздо ярче керосиновых. А.Н. Лодыгину дали Ломоносовскую премию, но не поддержали его проект, и он был вынужден уехать за границу, где в 1890 году изобрел лампу с вольфрамовой нитью.

П.П. Яблочков зарегистрировал свой проект (патент) в 1876 году во Франции (колба с двумя углями, а между ними – электрическая дуга). И в 1879 году, возвратившись в Петербург, он осветил Дворцовый мост 12 фонарями. Электрогенераторы разместил поблизости на барже. Полгорода съехалось посмотреть на необычное представление. Петербургские газеты писали об этом опыте: «Освещение началось в 9 часов вечера 14 апреля. Первые три дня освещение продолжалось до 12 часов вечера, а с 17 апреля по 2 мая всю ночь... Ежедневно от 10 до 12 часов показывали публике опыт мгновенного тушения и зажигания электрических фонарей, причем публика предварялась об этом свистками». После разборки старого моста фонари перенесли на площадь перед Александринским театром.

Спустя два года на барже установили еще два локомобиля и 11 динамо-машин с суммарной мощностью в 220 киловатт. Обслуживали плавучую электростанцию 22 человека. В это же время вторую электростанцию разместили в деревянном строении на Невском проспекте, во дворе дома № 27.

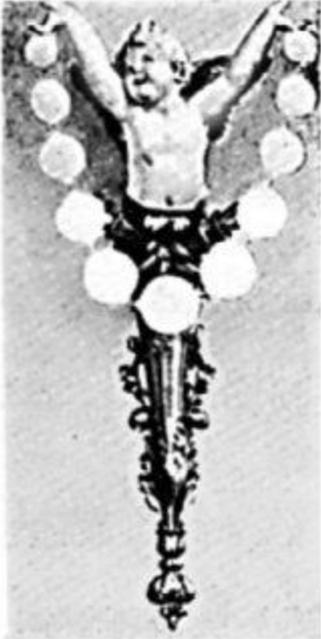
Электричество вырабатывали три крупных общества – «Общество 1886 года», «Гелиос» и «Гуэ и Шманцер», построившие электростанции на Васильевском острове, на Калашниковской набережной и на Фонтанке. Кроме них появилось множество самостоятельных электрогенераторных установок (только в незаречной части города их насчитывалось около 30), дававших ток для почти 30 тысяч лампочек накаливания. Каждая станция давала ток различных параметров: первое общество – трехфазный, а два других – простой переменный; первые два – 50 периодов, а последнее – 42,5 периода в

секунду; величина напряжения в распределительных сетях также была различной у всех трех станций. Параметры тока мелких электроустановок тоже не отличались однообразием.

17 января 1885 на балу в Зимнем дворце впервые демонстрировалось электрическое освещение. Из газет: «Николаевская зала, превращенная в сад гигантских пальм, была освещена электрическими лампами системы Сименса, расположенными вверху по карнизу залы». «Электрическое освещение своим ослепительным блеском производит поразительный эффект. Глаз невольно ищет источник этого волшебного света и не находит его».

Во время следующего бала 27 января осветили также Аванзал и Помпейскую галерею. «Лампочки искусно скрыты в зелени деревьев и солнечным сиянием озаряют верхушки широколиственных пальм, придавая общей картине поистине сказочную прелесть». Очевидцы отмечали, что «...во время бала в Елагином дворце в феврале месяце 1885 года при освещении электричеством атмосфера залы, где происходили танцы, сохраняла свою температуру продолжительное время без заметного повышения, а благоухание от духов и живых цветов сохранялось все время бала, хотя общество присутствующих находилось в продолжение 8-ми часов, и освещение все это время продолжалось беспрерывно».

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
АРМАТУРНО-ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ЗАВОДЪ.

Полное оборудованіе зданій
электричествомъ:
ОСВѢЩЕНІЕ,
СИГНАЛИЗАЦІЯ,
ВЕНТИЛЯЦІЯ,
ДВИГАТЕЛИ,
АРМАТУРА ВСѢХЪ СТИЛЕЙ.

Смѣты и проекты — къ услугамъ.

Заводъ: Шлиссельбургскій просп., 31, телеф. 45-32.
Техническій отдѣлъ: Морская, 21, телеф. 202-46.
Главный магазинъ: Морская, 21, телеф. 25-42.
2-й магазинъ: Петерб. стор., Большой пр., 43, телеф. 202-45.

Реклама. Начало XX в.

От разовой электрической иллюминации балов требовалось перейти к более сложной задаче – устройству постоянно действующего электрического освещения.

Сначала электричеством осветили улицы: 30 декабря 1883 зажглись фонари Невского проспекта и Б. Морской улицы. Затем с 1886 года электрический свет появился в

помещениях городских общественных зданий: Городской думы, Благородного собрания, Кредитного общества и других учреждений. И лишь с 1887 года электрический свет зажегся в квартирах простых горожан (в отдельных жилых домах вдоль Невского проспекта и прилегающих улиц).

В избытке начали появляться и специально изготовленные для электрического освещения светильники. Особенность электрических светильников в том, что лампочку можно повернуть в любом направлении. Что позволило мастерам-изготовителям состязаться в поисках новых декоративных форм. Светильники эпохи модерна напоминали то сказочно прекрасные цветы на гибких стеблях, то грозди, свисающие с потолка, то сияющий солнечный свет, пробивающийся через матовый стеклянный плафон, вмонтированный в потолок. Кроме эстетических изысков электричество позволяло создавать светильники, функционально удобные, – спускающиеся лампы с гирями-противовесами, регулируемые настольные лампы на шарнирах и др.

По данным городской переписи, к 1900 году 14 % домовладений (1375 из 9635) электрифицировали. Квартирное же освещение имели только 5 % домов (529), гораздо быстрее распространялось электрическое освещение дворов – 11 % (1081) и лестниц 12 % (1141). Любопытно, что в половине случаев бытового использования электричества во дворах и на лестницах уже сияли электрические лампочки, а в квартирах продолжали пользоваться керосиновыми лампами, те давали привычный приятный, уютный, желтоватый свет. Обратная ситуация, когда в квартирах имелось электроосвещение, а во дворах и на лестницах оно отсутствовало, зафиксирована только в 17 домах по всему Петербургу.

Преимуществом электрического освещения была возможность автономного электропитания от небольших динамо-машин, что давало возможность иметь электрическое освещение в одной квартире, и даже не полностью во всей квартире, а только в парадных комнатах. (Существовала даже столь слабая по мощности динамо-машинка, что она обслуживала только электрический звонок.)

Но современниками, привыкшими к теплоте неяркого освещению свечами или керосиновыми лампами, как газовый свет, так и электрический, воспринимался мертвящим, ослепительно белесым, делающим неприятными человеческие лица, выявляя все недостатки. У В.А. Гиляровского в его книге «Москва и москвичи» в главе «Булочки и парикмахеры» описан первый «электрический» бал в Москве. «Это было в половине восьмидесятых годов. Первое электрическое освещение провели в купеческий дом к молодой вдове-миллионерше, и первый бал с электрическим освещением был назначен у нее. Роскошный дворец со множеством комнат и всевозможных уютных уголков сверкал разноцветными лампами. Только танцевальный зал был освещен ярким белым электрическим светом. Собралась вся прожигающая жизнь Москва, от дворянства до купечества. Хозяйка дома была заgrimирована применительно к новому освещению. Она была великолепна, но зато не готовые к этому сюрпризу все московские щеголихи в бриллиантах при новом, электрическом свете танцевального зала показались скверно раскрашенными куклами».

Но были и оригиналы, принявшие электрическое освещение. В. Авсеенко в рассказе «Новоселье» описывает господина, который «чрезвычайно любит все современное, новое и поэтому давно уже мечтал завести у себя электричество». И когда мечта его сбылась, он

устроил званый вечер для демонстрации электрического чуда: он «...подбежал к двери, где скрывались под портьерой электрические кнопки, и повернул одну из них. Мгновенно вспыхнули четыре боковые лампы, мягкий, ровный свет электричества привел всех в восхищение. Новые волны легкого, ровного, серебристого света залили гостей. Bravo! Bravo! – раздались восклицания. Кто-то захлопал в ладоши, другие подхватили. Произошло что-то вроде овации. Спрашивали, во сколько обошлась установка и почем платили за час горения».

Электричество становится темой светских разговоров. «Немцев тоже не похвалили: зачем изрыли для своих кабелей петербургские улицы. Кто-то попробовал за них вступить, что без немецкого „Гелиоса“ не было бы электрического освещения, но с ним не согласились... мы обошлись бы без немцев». Электричество служило не только темой модных разговоров, но даже породило модные танцы: «В настоящем свете на всех балах будет „Электрик“ только „Электрик“. Тут есть одно па, в котором дама изображает электрический ток в плечах. Надо отогнуть плечи немного назад, вот так, и изобразить дрожь... Это прелесть что такое!»

Использование и распространенность источников освещения

Степень распространения тех или иных осветительных приборов зависела от яркости света, от простоты обращения и от стоимости. Для начала сравним источники света по их яркости (табл. 15).

Таблица 15

Световая отдача различных источников света

Источник света	Светоотдача (люмен/вт)
Свеча парафиновая или стеариновая	0,1
Керосиновая лампа	0,25
Керосинокалильная лампа	1,13
Спиргокалильная лампа	0,56
Газовая горелка	0,2
Газокалильная горелка	1,12
Электрическая лампа накаливания:	
с угольной нитью	10,0
с вольфрамовой нитью	20,0

По стоимости керосиновая лампа оставалась самой экономичной. Почти столько же стоило освещение электрической лампочкой с вольтовой дугой, а вот свет распространявшейся в Петербурге электрической лампочки накаливания обходился в 4,5 раза дороже. Свечное освещение было особенно дорого: парафиновыми свечами – в 22 раза, а стеариновыми – почти в 30 раз дороже, чем керосиновыми лампами!

Первоначально электрическое освещение в помещениях оплачивалось с лампочки. Так, в 1887 году за лампо/ч платили 2,5 коп. за лампочку мощностью 10 свечей, 3,5 коп. – за 16 свечей и 5 коп. – за 25. После изобретения и внедрения электросчетчиков с 1890 года расчет стали производить по их показаниям. Плата за киловатт-час колебалась от 21 до 35 коп., то есть стоимость электрического освещения при помощи лампочки накаливания

(с угольной нитью) была дороже керосинового в 4,5 раза. В 1890-х годах появляются так называемые экономические лампочки (с металлическими: танталовыми, вольфрамовыми и другими нитями), при их использовании в 4 раза снижалось потребление электроэнергии, и стоимость освещения становилась равной керосиновому. Распространению «экономических» лампочек препятствовали электрические компании. Но, несмотря на дороговизну, нагрузка городских электростанций за семь лет (с 1888 по 1895 год) выросла в 5 раз (с 250 до 1250 киловатт).

В богатых домах и дворцах сияли электрические огни, а в быту средних петербуржцев освещение очень экономили, поэтому старались максимально использовать дневной свет, для этого над межкомнатными дверями устраивались световые окна, через них освещались темные проходные комнаты, прихожие и коридоры. Искусственным освещением пользовались чрезвычайно экономно. Лампы вообще вешали низко – чуть выше человеческого роста, а над столом – на уровне лица. Старались, чтобы в квартире горела одна лампа. Достаточно обычная картина для квартиры средних петербуржцев: в гостиной за столом дети-гимназисты учат уроки, рядом отец читает газету, мать занята рукоделием – и все это происходит при единственно горящей во всей квартире керосиновой лампе. В целях экономии широко пользовались переносными лампами.

Все типы освещения, используемого в конце XIX века, современники признавали неудовлетворительными. Даже освещение императорского Зимнего дворца вызывало много нареканий. В 1885 писали, что оно «портит воздух, распространяет вместе с тем массу пара и угольной пыли в виде копоти, которая медленно, но постепенно портит потолки, позолоту, ценные обои, занавеси, обивку, ковры, дорогую бронзу, ценные картины и статуи».

Поэтому в печати множество изобретателей предлагало как новые типы источников света, так и различные способы усиления света старых типов ламп.

Водоснабжение

Основанный Петром I в дельте Невы Петербург не испытывал проблем с водой. Жители черпали воду из многочисленных рек и каналов. Город первоначально застраивался вдоль берегов. На протяжении XVIII века и первой половины XIX века все жители Петербурга снабжались водой из рек и каналов, а жившие далеко от воды – из колодцев, которых в 1815 году в столице было 362, а к 1839 году их насчитывалось более 1320.

Водоносы, водовозы и водокачки

Удивительный вопрос —
Почему я – водовоз?
Потому что без воды
Ни туды и ни сюды.

Песня из к/ф «Волга-Волга»

В начале XIX века там, где спуски к воде отсутствовали или были неудобными, ремесленником Майковым устанавливались «водоливные машины», то есть простые водокачки с ручными помпами. В 1826 году первую такую водокачку в виде изящного деревянного павильона поставили на левом берегу Невы у Воскресенского наплавного моста (соединявшего Выборгскую сторону и Вознесенский пр., ныне – пр. Чернышевского), а вторую установили в 1827 году у Исаакиевского моста (соединявшего Сенатскую пл. и Менделеевскую линию Васильевского острова). К середине XIX века в городе действовало уже 37 водокачек.

Для своих нужд сами горожане воду из водокачек брали редко. Чаще всего ими пользовались водовозы, они набирали воду ведрами или шлангами в бочки и развозили ее по городу. Уплативший 7 руб. серебром в год получал жестяной знак, прибывшийся к бочке, и мог пользоваться «водоливной машиной». Водоносы или водовозы доставляли воду жителям за определенную плату. Обычно это делалось регулярно, и каждый водонос или водовоз имел свою клиентуру. Водоносы разносили воду ведрами, немногие из них пользовались коромыслами. Накопив немного денег, водонос мог приобрести бочонок на колесах и стать водовозом.

Ручной водовоз. Акварель Ф.Ф. Баганца, 1860-е гг.

У музея «Мир воды Санкт-Петербурга» ныне поставлена скульптура именно такого водовоза. Были еще и конные водовозы. Огромные бочки, наполненные водой, тяжело везла одна лошадь (реже – пара), зато, возвращаясь к водокачке, телеги с пустыми бочками лихо гремели на булыжных петербургских мостовых. Количественное соотношение ручных и конных водовозов менялось в разные периоды, но постепенно конные водовозы вытесняли ручных водовозов и водоносов, поскольку в доставке воды нуждались все более отдаленные от воды районы. Довольно массовой эта профессия становится во второй трети XIX века, когда город значительно вырос и многие стали жить слишком далеко от воды, а водопровода еще не было.

Водопроводы XVIII – первой половины XIX веков

Водопроводы в Петербурге существовали с основания города, но первоначально они служили только для подвода воды к фонтанам. В начале 1720-х годов для обеспечения водой фонтанов Летнего сада специально выкопали канал, подававший воду из р. Лиги (и потому названный Лиговским. Теперь на его месте – Литовский проспект) в бассейн, находившийся неподалеку от местонахождения современной улицы Некрасова (от бассейнов произошло первое название этой улицы – Бассейная). Оттуда вода по деревянным трубам и при помощи конной тяги подавалась в три мазанковые башни, стоявшие на противоположных берегах Фонтанки. Из башен под напором вода шла по желобам к фонтанам сада. Но этот водопровод разрушился во время наводнения в сентябре 1777 года и больше уже не восстанавливался.

Самым ранним примером петербургского бытового водопровода можно считать систему подачи воды и канализации с отстойником в петергофском дворце Петра I – Монплезира. Подобное было сооружено и во дворце А.Д. Меншикова на Васильевском острове, а позже и в некоторых других дворцах, например в Мраморном. Но тем и ограничились, других последователей не нашлось.

Петербургжцы и в XIX веке продолжали брать воду из рек, каналов или колодцев. Даже во дворцах отсутствовали местные водопроводы, их владельцы и обитатели предпочитали по старинке кувшин и таз.

Таз и кувшин для умывания

В 1819 и 1825 годах попытки получить разрешение проложить бытовой водопровод в Петербурге получили решительный отказ с мотивировкой: «Петербург по положению своему и устройству достаточно снабжен хорошею водою». Только в 1846 году было выдано разрешение. Граф Эссен-Стенбок-Фермор, поразившийся отсутствию этого нехитрого удобства, в, казалось бы, по-европейски устроенном городе, проложил первый водопровод по аристократическому району: по улицам Знаменской (ул. Восстания), Итальянской, Сергиевской (ул. Чайковского). Вода подавалась водокачкой, стоявшей у Воскресенского моста. Но одного не учел граф – у петербуржцев, даже у аристократов, не сформировалась потребность в водопроводном водоснабжении, поэтому затея графа потерпела крах. В 1852 году Эссен-Стенбок-Фермор продал с огромными убытками водопровод новому владельцу, а вскоре первый водопровод прекратил свое существование.

Городской водопровод

Следующую, более успешную попытку создания бытового водопровода в Петербурге предприняло частно-коммерческое «Акционерное общество С.-Петербургских водопроводов», созданное в 1858 году. Все участки земли на левом берегу Невы, в центре города, естественно, были уже раскуплены или за них запрашивали баснословные цены. На помощь акционерам пришла императорская семья, пожертвовавшая для строительства водонапорной башни участок земли перед Таврическим дворцом, что привело к уничтожению дворцового канала и бассейна «Ковш» и закрыло чудесный вид на Неву из окон дворца. Строительство водонапорной системы началось в 1859 году. Неоготическая 50-метровая водонапорная башня, возведенная в 1861 году по проекту архитекторов Э. Шуберского и И. Мерца, заслонила собой со стороны Невы великолепный дворец.

Вода паровыми насосами поднималась в резервуар наверху башни, а оттуда самотеком растекалась по трубам всей центральной левобережной части Петербурга – между Невой, Обводным каналом и р. Пряжкой. Пробный пуск водопроводной системы был произведен 30 сентября (ст. стиль) 1863 года, спустя три года началось постоянное водоснабжение. Длина водопроводной сети была тогда 108 верст. Мощность водопровода – 1,5 миллиона ведер воды в сутки.

Также частными были три водопроводные системы Правобережья. Английское акционерное общество проложило водопроводные сети и начало водоснабжение в 1875 году на Петербургском и Васильевском островах и в 1876 году – на Выборгской стороне.

Водопроводные трубы подземных трасс отливали из чугуна, а домовые и квартирные делались из свинца.

Доходность водопровода

За четверть века, с 1866 до 1890 год, чистая прибыль от водопровода возросла почти в 10 раз, с 55 тысяч до полумиллиона рублей в год (табл. 16).

Таблица 16

Доходность петербургского водопровода во второй половине XIX века

Потребление воды		Валовая выручка (руб.)	Доход (руб.)
год	млн ведер		
1864	164	30 503	С
1866	314	159 559	55 073
1880	1827	763 039	282 314
1890	3944	1 230 500	564 956

Только через четверть века пользования водопроводом (в 1891 году) городские власти решились выкупить у акционеров водопроводные сети левобережья, а в 1893-м – правобережья, обе они перешли в ведение «Городской исполнительной комиссии по водоснабжению С.-Петербурга».

Фильтрация воды

Сооруженные в начале 1860-х годов по образцу английских открытые фильтры совершенно не подходили к петербургским климатическим условиям: в первую же зиму они промерзли, и от них отказались.

Качество воды из водопровода оказалось настолько плохим, что это постоянно обсуждалось в прессе конца XIX – начала XX веков. Начинались подобные статьи достаточно мрачным описанием существующего положения дел, а потом излагался тот или иной путь решения проблемы. Предлагалось: создать артезианские колодцы; использовать родники в округе Петербурга; разместить водозаборы выше города по течению Невы или даже в Ладожском озере. Все эти проекты достаточно фантастичны, требовали финансовых вложений и, естественно, не реализовались. Заслуга журналистов в другом – они публично поднимали вопросы о загрязненности воды, почвы, воздуха. И несомненна заслуга прессы в достаточно широком распространении домашних фильтров, использовавшихся в $\frac{2}{3}$ домов (в квартирах фильтровали воду лишь в одной из 20).

Загрязненность водопроводной воды становилась предметом многочисленных обсуждений на заседаниях Городской думы. По уставу Водопроводное общество обязывалось поставлять потребителям «свежую и чистую воду». Городская дума потребовала соблюдения устава и установки фильтров. Возглавлявший Водопроводное общество И.А. Вышнеградский (впоследствии – министр финансов) отказался выполнить это, и дело передали в суд. Петербургский окружной суд вынес решение в пользу Водопроводного общества, и только следующие судебные инстанции, Судебная палата и Сенат, решили дело в пользу города. (Об этих судебных тяжбах вспоминал известный юрист А.Ф. Кони в своей книге «На жизненном пути».) В 1888–1889 годах, исполняя судебные решения, на водопроводных станциях установили фильтры за счет Водопроводного общества, что слегка улучшило качество воды, но не сняло проблемы. Кроме того, заречные части продолжали снабжаться не фильтрованной водой.

Водопровод в собственности города

Конфликт Городской думы с Водопроводным обществом и высокая доходность систем водоснабжения подтолкнули городские власти к решению выкупить их. В 1891 году в собственность города перешел водопровод левобережной части, дававший 5 млрд ведер в год, а спустя два года и правобережный, поставлявший воды в 6 раз меньше – 870 млн ведер. В 1894 году водопровод дал чистой прибыли более 400 тысяч рублей. Отпускную цену снизили с 8 до 7 копеек за 100 ведер.

Благоустроенные квартиры, оснащенные водопроводом, крайне неравномерно распределялись по районам города. Их было значительно меньше в правобережной части и на Васильевском острове (там водопровод появился на десять лет позже). Основное количество квартир с водопроводом располагалось в центральных районах Петербурга, поскольку именно здесь жили люди, имеющие средства оплачивать комфортабельную жизнь. Распространенность водопровода в центре объяснялась также его рентабельностью в многоэтажных домах, стоящих близко друг к другу. Тянуть же водопроводные трубы к частным маленьким домишкам на окраинах было делом невыгодным. Все это хорошо показано в таблице 17.

Таблица 17

Доля (в процентах) квартир с водопроводом по районам (частям) Петербурга в 1890 году (см. карту на с. 2–3)

Части (районы) города	Участки районов	% квартир с водопроводом	Части (районы) города	Участки районов	% квартир с водопроводом
Казанский	3	90	Нарвский	1	66
Московский	1	90	Спасский	2	62
Московский	2	84	Коломенский	2	57

Спасский	1	83	Нарвский	2	55
Литейный	2	83	Алекс.-Невский	1	53
Литейный	3	83	Алекс.-Невский	2	53
Адмиралтейский	1	82	Рождественский	2	49
Казанский	2	82	Рождественский	3	49
Литейный	1	82	Васильевский	2	47
Московский	3	81	Выборгский	1	41
Адмиралтейский	2	76	Нарвский	3	40
Спасский	4	76	Петербургский	1	38
Коломенский	1	75	Васильевский	3	30
Васильевский	1	75	Петербургский	3	27
Литейный	4	74	Алекс.-Невский	3	26
Казанский	1	72	Выборгский	2	26
Спасский	3	67	Петербургский	2	19
Московский	4	67	Выборгский	3	1
Рождественский	1	67			

Не только от местоположения квартиры зависело ее благоустройство, но и от ее статусной принадлежности. Так, по данным городской переписи 1890 года, практически все так называемые «барские» квартиры имели водопровод: 93 % 6-10-комнатных квартир и 97 % квартир, где было более 10 комнат. Три четверти (76 %) средних (3-5-комнатных) квартир также имели водопровод. Имелся водопровод в половине (53 %) 2-комнатных квартир и лишь в четверти 1-комнатных. Чаще всего он отсутствовал в дешевых квартирах верхних этажей и подвалов, их жильцы пользовались дворовым краном или дворник разносил воду тому, кто закажет. В подавляющем большинстве дворов наряду с водопроводом продолжали существовать самые примитивные деревянные колодцы.

Слесарно-строительная и водопроводная мастерская
подъ фирмой
„В. К. ЧАШЕЧКИНЪ“
владѣлецъ Ю. Э. Саулелль.
КАЗНАЧЕЙСКАЯ УЛ., Д. № 5
(по дворѣ, противъ воротъ).
— С.-Петербургъ. —

 <p>Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества А. Ф. ЛОБЕКЪ. С.-Петербургъ, Саперный пер., сов. д., № 11. Телефонъ № 12-53. ПРИНИМАЕТЪ УСТРОЙСТВО: водопроводовъ, водяного и парового отопленія, канализаціи, ватерпасетовъ новейшей усовершенствованной и самой упрощенной конструкции, ванны всѣхъ родовъ, паровыхъ, механическихъ и обжигательныхъ печей, сушиленъ, газопроводовъ, всевозможныхъ слесарныхъ и механическихъ работъ и ремонтъ водопроводовъ. Складъ машинъ, станковъ и инструментовъ для оборудованія механическихъ, слесарныхъ, кузнечныхъ, столярныхъ и прочихъ мастерскихъ и заводовъ подъ фирмой ГРОНМЕЙЕРЪ и ТРАУТШОЛЬДЪ. СПб., Гороховая, 20. Телефонъ № 11-74.</p>	<p>Телеф. 94-22.</p> <p>Александръ Ивановичъ ШАЛИМОВЪ</p> <p>Газо-Водопроводы ≡≡≡ ≡≡≡ Водопотопленіе и Канализація ≡≡≡</p> <p>Казанская ул., № 8-10. Телефонъ № 94-22.</p>
---	--

Реклама. Начало XX в.

Правда, встречаются единичные упоминания и о железобетонных колодцах. Сохранились также и водовозы. По переписи 1881 года в каждом десятом дворе (из 9261 – в 907) стояли баки для воды.

Петербуржцы в конце XIX века сталкивались с определенными трудностями при пользовании водопроводом. Даже если водопровод в квартире и был, то пользоваться им удавалось не всегда. Обычное явление – субботнее «безводье» в верхних этажах, так что дворникам приходилось ручными насосами нагнетать туда воду из труб.

С распространением водопровода в последней четверти XIX века в крупных домовладениях (от 50 квартир) стали появляться водопроводчики – совершенно иной тип домовой прислуги, более высокого статуса, чем дворники и швейцары. Это были городские грамотные рабочие, разбиравшиеся в сложном санитарно-техническом оборудовании.

Санитарно-технические устройства и моющие средства

Умывальники

Спектр приборов для пользования водой в гигиенических целях был достаточно широк: фаянсовые или металлические кувшины с тазами; простейший металлический рукомойник в виде чайника с носиком, висевший на веревке, для пользования его надо наклонять; цилиндрический или плоский металлический рукомойник, закрепленный на стене, мы поныне продолжаем пользоваться им на дачах. Это и сложнейший комплекс (вспомните изображение Мойдодыра из детской книжки) – плоский прямоугольный резервуар для воды, укрепленный на стене, закрытый декоративной панелью (мраморной, металлической или крашенный масляной краской деревянной) с зеркалом, от низа резервуара отходила коротенькая труба, она могла заканчиваться простым дозирующим устройством дачного рукомойника, вентильным краном или даже шаровым, появившимся в конце XIX века. Грязная вода попадала в таз или в фаянсовую, металлическую или мраморную раковину (они распространились с 1860-х годов). Из раковины вода сливалась в ведро, которое приходилось выносить или по трубе домовой канализации сливать в выгребную яму. Раковины соединялись прямыми, без сифона и решетки, трубами с выгребными ямами, и поэтому, как вспоминали современники, «снабжали квартиры воздухом, профильтрованным через экскременты и клоачную жидкость».

Ванны

В XVIII веке в возведенных по иностранному образцу петербургских дворцах знати как редкостные диковинки стали появляться ванны. Делались они или из мрамора, или из зеленой меди. А императрица Елизавета Петровна заказала себе на Стеклянном заводе хрустальную ванну, вкладываемую в медную.

Лишь в царствование Николая I, во второй четверти XIX века, ванны стали обязательными в дворцовом быту. Для них стали отводиться специальные комнаты. Правда, по этикетным соображениям санитарно-гигиенические предметы маскировали. Например, представьте себе ванную комнату в виде библиотеки. Посередине – стол, покрытый сукном, но стоило лишь поднять столешницу, то под ней обнаруживалась ванна. Вдоль стен – шкафы с книгами, но подойдя к одному из них и легко открыв дверь-обманку, на которой искусно нарисованы корешки книг, вы попадаете в душ. В петергофском Фермерском дворце наследника престола, будущего Александра II, архитектор А. Штакеншнейдер углубленную в полу ванну замаскировал сверху диваном, а душ спрятал в стенном шкафу. Душ частенько маскировали под люстру, вернее сказать, это была душ-люстра. Она освещала помещение при помощи вставленных в нее свечей, а из дырочек, расположенных внизу резервуара, шла вода. Сегодня воссозданная люстра-душ демонстрируется в помещении холодной ванны Банного корпуса в Петергофе.

Лишь в последней четверти XIX века ванны начали появляться в квартирах петербуржцев, но из всех квартирных удобств они были наименее распространены. По данным переписи 1890 года, ваннами оборудована только одна из тысячи однокомнатных квартир и одна из трехсот двухкомнатных квартир. В средних по размеру (3-5-комнатных) квартирах ванны имелись в одной из десяти квартир. Зато более половины «барских» квартир оснащались ваннами (ванны были в 57 % 6-10-комнатных квартир и в 70 % квартир из более чем 10 комнат).

Реклама. Начало XX в.

Рассматривая обмерные планы петербургских квартир, можно заметить, что площадь ванных комнат обычно около 8 кв. м, а самые маленькие – около 6 кв. м. Ванные комнаты практически всегда делались с окном, поэтому в них отсутствовал избыточный пар и духота.

Ванны изготавливались из различных материалов: мраморные, фаянсовые, чугуно-эмалированные, медные (луженые), оцинкованные. Независимо от материала при пользовании ванной ее обычно внутри выстилали простыней, поскольку соприкосновение корпуса ванны с телом считалось неприятным и негигиеничным, а потом заполняли водой.

Вода для мытья нагревалась на плите в ведрах или баках, и ванна наполнялась при помощи черпаков. Изредка бак вмуровывался сбоку в топку плиты. Такие плиты нельзя было топить, не наполнив бак водой, поскольку швы у него расходились, и для исправления требовался лудильщик.

К концу XIX века получает распространение дровяной водонагреватель (подобие гигантского самовара). Он представлял собой резервуар для воды цилиндрической формы с внутренней нагревательной трубой-дымоходом, высотой до одной сажени (то есть чуть более двух метров). Вода в него могла подаваться по водопроводным трубам или, там, где водопровод отсутствовал, воду наливали вручную ведрами. Под резервуаром была встроена топка, она обычно топилась дровами, чрезвычайно редко – углем. Горячие газообразные продукты сгорания, проходя через внутреннюю трубу-дымоход, нагревали воду. Иногда для комфорта рядом устраивался резервуар для холодной воды. Из резервуаров через краны вода поступала в ванну. Для перемешивания воды в ваннах

пользовались небольшими металлическими или деревянными «веслами» с дырочками. Душ был скорее исключением в квартирах петербуржцев.

В домах существовали и общественные ванны. Ими, поданным переписи 1881 года, оборудовалось 5 % домовладений (из 9261 – в 435). В частных домах общественные ванны имелись в 4 домах из 100, тогда как в благотворительных заведениях – в каждом десятом. В среднем приходилось по три общественные ванны на дом.

Появление водопровода не внесло резких изменений во внешний вид ванн и умывальников.

Со второй половины XIX века врачи обнаружили в ваннах лечебную силу. Так, лейб-медик императрицы Марии Александровны, супруги Александра II, академик С. Боткин назначал ей, страдавшей частыми бронхитами, впоследствии перешедшими в чахотку, водолечение. Сначала больную заворачивали в мокрую простыню и, укрыв периной, ждали, когда она покроется потом, затем ее ставили на несколько секунд под холодный душ или погружали в прохладную ванну. После этого больная чувствовала себя лучше: снижался жар, учащенный пульс выравнивался, дыхание становилось глубоким. При расстройстве нервов, как тогда говорили, врачи рекомендовали хвойные ванны с добавлением в воду сосновых или можжевеловых веток и шишек.

Имели ванны и косметический эффект. Красавицы XIX века принимали ванны из минеральных вод, с миндальным молочком. В начале XX века рекомендовались «ванны красоты» с добавлением в воду ароматических трав (мяты, эвкалипта, шалфея, розмарина, тмина), розовых лепестков и одной бутылки одеколona.

Чаще добавляли в ванну овсяный отвар или сенную труху – общедоступно, но какой бархатистой после этого делалась кожа!

Мыло

В России мыло начали варить во времена Петра I, но вплоть до начала XIX века им пользовались мало. Аристократия по новой европейской моде мыться перестала, а простые горожане, как в деревне, стирали и мылись щелоком – древесную золу заливали кипятком и распаривали в печке.

Только с начала XIX века в российских модных журналах начали появляться публикации, рекламирующие мыло. Так, журнал «Гирлянда» в 1831 году сообщал, что «Г. Сесси, в Париже, составил мыло, называемое Savon des enfans, которое можно смело употреблять на умывание рук, не опасаясь после того иметь жесткую и сухую кожу, как вообще бывает от прочих составов». Но импортное мыло из-за чрезвычайной дороговизны не могло войти в быт россиян. Его использовали только для умывания лица и рук, в ванне мылись с простыми отрубями.

Журнал «Молва» за 1832 год советовал новый европейский рецепт: «Шелуху горького миндаля кладут в ванны таким же образом, как обыкновенные отруби». В это время в обиход высших слоев входят различные косметические средства. Вот реклама того времени: «Тесто миндальное (тестом и помадами называли кремы) менее сушит кожу, нежели другое. Жидкое тесто, приготовленное с медом, необходимо для сохранения мягкости кожи. Оно употребляется, умывшись мылом».

Постепенно в России налаживалось производство собственного мыла. Главным центром мыловарения стал город Шуя, на его гербе даже изображен кусок мыла. Широко известны были и московские фирмы – фабрика Ладыгина, с 1843 года – фабрика Альфонса Ралле «Ралле и К» (позднее переименованная в косметическую фабрику «Свобода») и с 1864 года парфюмерная фабрика Г.А. Брокера, выпускавшая для народа дешевое «Народное мыло» по копейке за кусок, «Глицериновое» мыло для рращения волос, «Розовое» с розовым маслом, «Кокосовое», «Греческое» с оливковым маслом. Производители старались придать своей продукции привлекательный вид. Например, мыло «Огурец» чрезвычайно походило на настоящий овощ.

Реклама начала XX в.

В Петербурге в 1839 году по высочайшему соизволению императора Николая I учреждается «Невское стеариновое товарищество» для производства стеариновых свечей и мыла. Завод располагался на восьмой версте Шлиссельбургского тракта (теперь это АО «Невская косметика» на пр. Обуховской Обороны, 80). Правление находилось на Васильевском острове, 2-я линия, 23. Товарищество имело свой специализированный магазин на Невском пр., 25. В 1843 году на Всероссийской мануфактурной выставке завод получил право изображать на своей продукции герб Российской империи – такого знака в то время удостоивались только товары высочайшего качества. В течение всего XIX века «Невский стеариновый завод» являлся официальным поставщиком Министерства Двора Его Императорского Величества – подобной чести удостоивались немногие.

К началу XX столетия «Невское стеариновое товарищество» представляло собой солидное предприятие: оно производило 40 разновидностей свечей отличного качества, глицерин, стеарин и, конечно, туалетное и хозяйственное мыло. Настоящую славу российским

мыловарам принесло мыло «Нестор» (сокращение от названия компании), получившее международное признание и Золотую медаль на Парижской выставке. Основными достоинствами «Нестора» были высокое содержание жирных кислот и экологическая чистота. О нем писали как специализированные, так и популярные журналы. Вот одна лишь цитата из журнала «Вестник мыловарения» за 1913 год: «Надо отдать должное „Невскому стеариновому товариществу“ которое удачно угадало момент, когда надо выступить на рынок с таким мылом; потребителю сильно надоели всевозможные дешевки, и он начал требовать, не стесняясь ценой, хороший, чистый сорт мыла».

Дорогие сорта мыла, даже те, которые были изготовлены русскими мыловарами, носили французские и английские названия, а дешевые мыла называли по-русски. К концу XIX века появились мыла с клеймом мастера, их называли «печатками». «Печатки» стоили очень дорого, ими пользовались только очень богатые горожане.

Домашние средства для умывания

До конца XIX века в небогатых семьях гигиенические средства чаще всего готовили в домашних условиях кустарным способом. Рецепты публиковались в дамских журналах, специальных сборниках и брошюрах.

Перед сном рекомендовалось вместо умывания очистить кожу при помощи ваты, смоченной свиным жиром, а затем втереть сок свежих огурцов, смешанный с глицерином. Утром умывались настоями из петрушки или крапивы с персиковыми ядрами, что придавало коже особую белизну. Против загара и веснушек применяли свежий творог с сырым яичным белком. Считалось, что пивная пена или вода, настоянная на зеленых еловых шишках и лимоне, разглаживают морщины. Тонизировали вялую кожу при помощи различных туалетных укусов: лавандового, малинового, яблочного.

Вот несколько рецептов из книги «Аптека для мужчин и женщин»: «Умывание доктора Гуффеланда. Взять: белых миндальных выжимок 3 золотника, розовой воды 64 золотника, буры 1 золотник и амбровой тинктуры 2 золотника. Умыванием Гуффеланда, посредством полотенца, слегка намачивается лицо, несколько раз в день». Средство советовали использовать вместо дорогого мыла.

Волосы рекомендовали мыть розмариновой водой. «Ее состав: $\frac{1}{4}$ фунта розмариновой воды, $\frac{1}{8}$ винного спирта, $\frac{1}{16}$ лота поташа». Мыльная вода для волос готовится из $\frac{1}{4}$ фунта розовой воды, $\frac{1}{8}$ винного спирта, в котором распускается $\frac{1}{4}$ лота чистого мыла; к этой смеси прибавляют 4 лота рондолетской эссенции с небольшой прибавкой настоя шафрана». А еще волосы мыли очищенным керосином с добавлением одеколона, эссенции розовой герани и 10 капель лавандового масла. Для увеличения пышности волос рекомендовалось пользоваться рисовой пудрой.

Моющие средства для стирки

Обычно горожане продолжали стирать щелоком (золой, залитой кипятком), реже – отрубями. Вот как происходил этот процесс: «Нагреть в котле воду так, чтобы рука, опущенная в нее, едва выносила, и всыпать пшеничных отрубей восьмую часть веса стираемых вещей. Оставив смесь пять минут на огне, и, помешав ее хорошенько, кладут в нее вещи, предназначенные для мытья, и повертывают их часто палкой. Затем их студят,

стирают и полощат. От такой стирки вещи делаются очень хороши на взгляд, а цвет их нисколько не изменится».

Как уже говорилось ранее, мыло очень медленно входило в обиход, его начинали использовать не только для умывания, но и для стирки. В 80-е годы XIX века в дамском сборнике появляется заметка о том, что если в горячей мыльной воде стирать цветную одежду из ситца, то она не потеряет цвет и будет выглядеть свежей и приятной. Для мытья кисеи и кружев готовили специальное восковое мыло, в прохладном месте оно сохранялось продолжительное время. Чтобы приготовить такое мыло, нужно было «взять 16 частей обыкновенного мыла и 2 части белого воску. Все это наскоблить или наломать и распустить на огне, так, чтобы мыло и воск смешались совершенно; затем студят и режут на куски. При употреблении этого мыла частицы воска плотно прилегают к кисее или кружевам и дают им такой блестящий вид, что можно обойтись и без крахмала».

Канализация

Отхожие места

«Отхожие места», «ретирадники» или «нужники» служили для сбора человеческих испражнений. Слова «уборная» или «туалет» для обозначения этого места стали употребляться лишь в XX веке. Для XIX века слово «уборная» обозначало помещение для одевания, а слово «туалет» имело несколько значений: женский наряд, или приведение в порядок своего внешнего вида («совершать туалет»), или столик с зеркалом, за которым причесываются и накладывают макияж.

Устройство отхожих мест Петербурга XVIII века хорошо известно. Они представлены в музейных экспозициях в Летнем дворце Петра I и в петергофском Монплеzure. К началу XIX века они не видоизменились. Чрезвычайно подробное описание отхожих мест дал капитан японской шхуны Дайкокуя Кодаю, попавший после кораблекрушения в Россию и в 1791 году привезенный в Петербург. После возвращения на родину Кодаю подвергли тщательному допросу, и он дал письменные показания о разнообразных сторонах русской жизни. Книга показаний Кодаю, составленная Кацурагавой Хосю, хранилась как государственная тайна и до 1937 года оставалась секретной. Ее русский перевод (переводчик – В.Т. Константинов) издали лишь в 1978 году (Х. Кацурагава. «Краткие вести о скитаниях в северных водах»).

Цитирую: «Уборные называются [по-русски] нудзуне, или нужник. Даже в 4-5-этажных домах нужники имеются на каждом этаже. Они устраиваются в углу дома, снаружи огораживаются двух-трехслойной [стенкой], чтобы оттуда не проникал дурной запах. Вверху устраивается труба вроде дымовой, в середине она обложена медью, конец [трубы] выступает высоко над крышей, и через нее выходит плохой запах. В отличие от дымовой трубы в ней посередине нет заслонки, и поэтому для защиты от дождя над трубой делается медный навес вроде зонтика.

Над полом в нужнике имеется сиденье вроде ящика высотой 1 сяку 4–5 сунов [сяку = 30,3 см или 37,8 см; 1 сун = 3,03 см]. В этом [сиденье] вверху прорезано отверстие овальной формы, края которого закругляются и выстреливаются до полной гладкости. При нужде усаживаются поудобнее на это отверстие, так, чтобы в него попадали и заднее, и переднее тайное место, и так отправляют нужду. Такое [устройство] объясняется тем,

что [в России] штаны надеваются очень туго, так что сидеть на корточках, как делают у нас, неудобно. Для детей устраиваются специальные сиденья пониже.

Нужники бывают большие, с четырьмя и пятью отверстиями, так что одновременно могут пользоваться три–четыре человека. У благородных людей даже в уборных бывают печи, чтобы не мерзнуть. Под отверстиями сделаны большие воронки из меди, [а дальше] имеется большая вертикальная труба, в которую все стекает из этих воронок, а оттуда идет в большую выгребную яму, которая выкопана глубоко под домом и обложена камнем.

Испражнения выгребают самые подлые люди за плату. Плата с людей среднего сословия и выше – по 25 рублей серебром с человека в год. Очистка производится один раз в месяц после полуночи, когда на улицах мало народа. Все это затем погружается на суда, отвозится в море на 2–3 версты и там выбрасывается».

Отхожие места, расположенные вне дома, во дворе, назывались ретирадниками, они представляли собой небольшой деревянный домик с отверстием в полу над выгребной ямой, очень похожий на современное дачное «удобство». Этими дворовыми ретирадниками пользовались дворники, швейцары, уличные торговцы и жильцы подвальных этажей. В 1881 году в 90 % дворов были выгреба (из 9261 – в 8100). В среднем на двор приходилось 6 ретирадников.

Аристократы по отхожим местам не ходили. Отправление естественных надобностей в XVIII веке могло происходить прилюдно, почти не таясь. Существовали переносные сундучки, сидя на которых, даже можно было принимать гостей. Этому способствовало отсутствие у женщин панталон и мода на кринолины, продержавшаяся в России более полутора веков. Один подобный сундучок экспонируется в Туалетной комнате Банного корпуса в Петергофе. Там рядом с ним – фаянсовая с цветочным орнаментом «ночная ваза». У представителей высших и средних городских слоев для отправления естественных надобностей служили фарфоровые или фаянсовые предметы по форме похожие на вазы или супницы, а у низших – простой горшок, жестянка или ведро. Кстати, отсюда и название «детский горшок», использующийся до сих пор.

Бурдалю

Интересно, что, отправляясь куда-либо, знатная дама могла прихватить с собой, спрятав в муфту, «бурдалю». Это подкладные судна, обычно фаянсовые, продолговатые, с одной ручкой, формой немного напоминающие соусники. Свое название они получили от имени

известного оратора Франции времен Людовика XIV. Во время его длинных выступлений придворные дамы пользовались этими устройствами. Два бурдалю можно увидеть в помещении теплой ванной комнаты петергофского Банного корпуса.

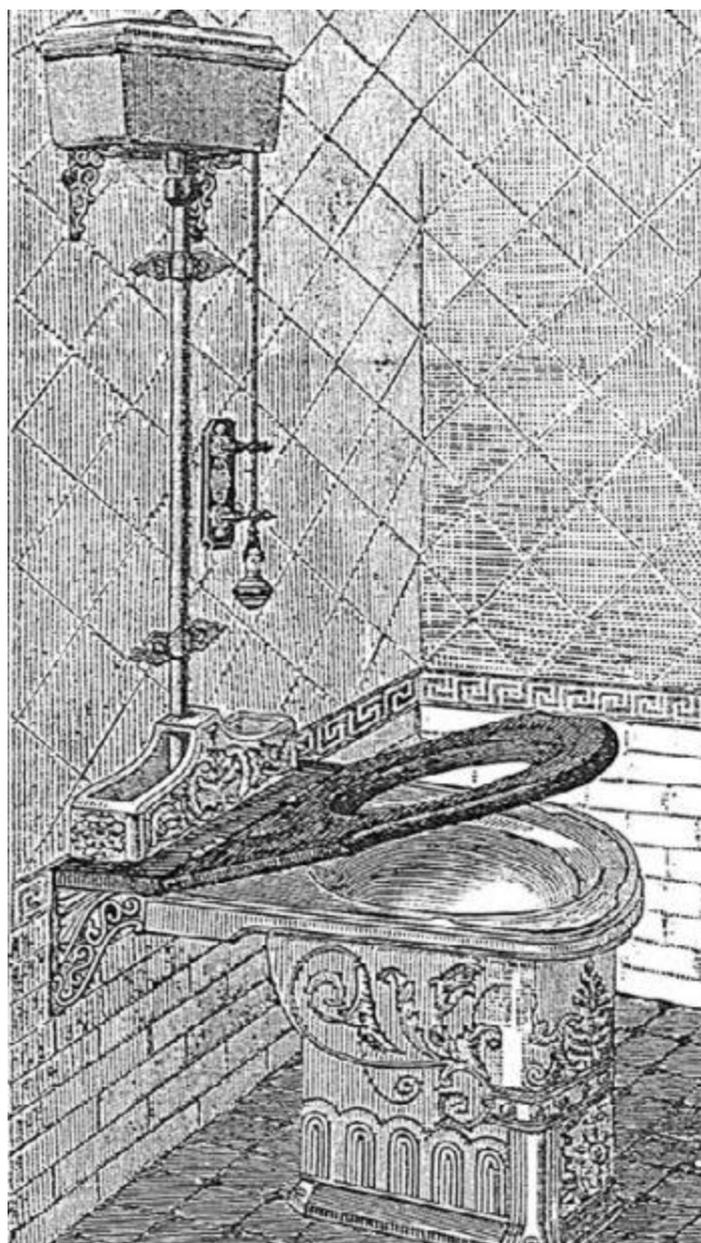
В первой половине XIX века по мере роста этажности домов в них на черных лестницах стали появляться отхожие места пролетной системы. Находились отхожие места на площадке черной лестницы рядом с окном в неглубокой нише без дверки. Кое-где в старинных домах, не подвергшихся капитальному ремонту, эти ниши и каменные стульчаки с заложенными дырками сохранились по сию пору. Нам трудно представить, как можно пользоваться туалетом без дверей. Но приличие – достаточно условное понятие. К тому же надо учесть, что движение по черным лестницам было более оживленным. Сейчас мы пользуемся лестницей только когда выходим на улицу, все наши бытовые нужды мы удовлетворяем внутри квартиры. А в XVIII–XIX веках: и дрова принеси, и воды натаскай, и в погреб да в ледник за провизией сбегай, и в подвал постирать сходи, да на чердаке выстиранное развесь – так целый день вверх-вниз и бегали.

Когда в квартирах стали появляться клозеты, а потом ватерклозеты, отхожими местами на лестницах продолжали пользоваться жильцы квартир верхних этажей и мансард, не имевших этих удобств, и прислуга из квартир, где клозеты имелись, но пользовались ими лишь «господа».

Клозеты и ватерклозеты

С середины XIX века начались попытки перенесения отхожих мест внутрь квартиры в виде клозета. В отличие от незамысловатых упомянутых выше «удобств» клозеты благодаря специальному клапану не пропускали канализационных запахов, и поэтому они устраивались внутри квартир в специальных небольших помещениях, обычно с окном. Клозет представлял собой металлическую воронкообразную чашу, ее выходная труба в месте присоединения к вертикальной трубе домовой канализации перекрывалась специальным клапаном при помощи педали или ручки. Аналогичным устройством мы пользуемся до сих пор в поездах дальнего следования, но там есть водяной смыв, а в клозетах его не было.

Ватерклозеты – это клозеты с водяным смывом. Подобную конструкцию впервые применили в Китае примерно в I веке до н. э., во второй половине XVI века крестник королевы Елизаветы I – поэт и переводчик сэр Джон Харрингтон – изобрел ватерклозет. Изготовили всего два экземпляра этого устройства: для королевы и для самого автора.

Ватерклозет. Конец XIX в.

Он описал его в сатирической книге «Метаморфозы Аякса», кстати, за злые политические пассажи, там содержащиеся, автора удалили от двора – сослали в родовое поместье.

Только в 1775 году английский часовой мастер А. Камминг получил первый патент на туалет с клапанным смывным устройством. Патент на механизм с шаровым поплавком, автоматически отмеряющим очередную порцию воды в бачке после смыва, выдали в начале XIX века англичанину Т. Крапперу, занимавшемуся изготовлением водопроводной арматуры. Понадобились десятилетия на то, чтобы догадаться сделать гидравлический затвор с S-образной трубой. Без него неприятные запахи из канализации очень легко проникали в помещение. Конечно, далеко не сразу унитазы вытеснили привычные выгребные ямы. В Париже, например, последние вместилища нечистот засыпали только в 1959 году.

Первым в Петербурге появился ватерклозет системы «Монитор» по цене 6 рублей. Этот тип ватерклозетов не имел сливного бачка, и при нажатии специальной ручки (реже –

педали) вода из водопроводной трубы поступала прямо в приемную чашу и затем в открывшееся отверстие. Когда ручку отпускали, вода переставала поступать, и клапан-заслонка закрывался, почти не пропуская в квартиру канализационных газов.

Вскоре «Монитор» вытеснило устройство, названное «русской системой», или «русским горшком», по цене 6 рублей 73 копейки, состоявшее из чугунного воронкообразного горшка, соединенного трубой с накопительным бачком для воды. Нововведение восторженные современники сравнивали с Ниагарским водопадом. Вторым нововведением стало колено – гидравлический затвор фановой трубы. Оставшаяся в нем часть воды абсолютно не пропускала в квартиру никаких запахов. «Теперь в туалетных комнатах благоухают только розы», – высокопарно заключали современники.

Этой конструкцией мы пользуемся до сих пор, и вот уже 100 лет ничего принципиально нового не придумано. Дизайнерские же изыски начались еще в конце XIX века.

Постепенно стали входить в обиход английские ватерклозеты «Торнадо» и «Пьедестал» с «фаянсовыми чашками особой ладьеобразной формы» и «оригинальной каплевидной формы ручкой, свисающей с бачка на изящной цепочке», она заменила ручку на самом ватерклозете.

Таблица 18

Доля квартир с ватерклозетами по районам (частям) Петербурга в 1890 году (см. карту на с. 2–3)

Части (районы) города	Участки районов	% квартир с водопроводом	Части (районы) города	Участки районов	% квартир с водопроводом
Казанский	3	79	Коломенский	2	49
Московский	1	77	Спасский	2	47
Московский	2	72	Василеостровский	2	42
Литейный	3	71	Спасский	3	41
Спасский	1	70	Алекс.-Невский	1	41
Адмиралтейский	1	70	Нарвский	2	40
Литейный	2	69	Рождественский	3	40
Московский	3	69	Рождественский	2	38
Литейный	1	68	Алекс.-Невский	2	36
Василеостровский	1	66	Выборгский	1	34
Адмиралтейский	2	63	Петербургский	1	33
Литейный	4	61	Нарвский	3	29
Казанский	2	60	Выборгский	2	29
Казанский	1	60	Петербургский	3	25
Спасский	4	59	Василеостровский	3	22
Коломенский	1	59	Алекс.-Невский	3	21
Московский	4	55	Петербургский	2	18
Нарвский	1	55	Выборгский	3	7
Рождественский	1	52			

Из таблицы 18 видно, сколь мало ватерклозетов в окраинных районах, где преобладали небольшие частные домишки.

По данным переписи 1890 года, ватерклозетами оборудованы были каждая восьмая однокомнатная квартира и каждая третья из двухкомнатных квартир. Две трети средних по размеру (3-5-комнатных) квартир имели ватерклозет. А вот в «барских» квартирах ватерклозеты устанавливались практически в каждой – ватерклозеты имелись в 92 % от общего количества 6-10-комнатных квартир и в 96 % квартирах из более 10 комнат.

Слово «унитаз», вытеснившее слово «ватерклозет», пришло в русский язык много позже из Испании, где началось производство первых фаянсовые унитазов современной конструкции акционерным обществом «Unitas».

Всемирный день туалета отмечается 19 ноября. Во многих странах мира открылись музеи, посвященные туалетному делу и его орудиям. Пожалуй, самая полная коллекция унитазов всех времен и народов представлена в Гладстонском музее в Англии. В России историю отхожих мест можно узнать на выставке «Эволюция общественного туалета» в петербургском Музее воды. Здесь представлены унитазы от старинного английского до современного «биуни» (то есть биде-унитаза), оборудованного не только душем, но и феном.

Общественные ретирадники

В Петербурге первый общественный туалет появился в 1871 году у Михайловского манежа. Кроме отдельных помещений для женщин и мужчин внутри находилась и комнатка для сторожа с очагом. Постепенно общественных ретирадников становилось все больше. По данным медицинской полиции, самые лучшие общественные писсуары в конце XIX века располагались в Александровском саду против Главного штаба и против Конногвардейского бульвара, в Исаакиевском сквере и в Летнем саду.

Они представляли собой сооружения из толстого листового железа площадью 4х2 аршина (примерно 3 на 1,5 метра) и высотой 3 аршина (чуть выше 2 метров). Они окрашивались масляной краской как снаружи, так и внутри, что позволяло мыть их и поддерживать в относительной чистоте. По бокам были входы без дверей. Освещались туалеты газовыми светильниками. Но, естественно, подобные заведения оставались редкостью.

Большинство же общественных ретирадников, располагавшихся на рынках, в парках и тому подобных местах, строились деревянными и ничем не отличались от обыкновенных дворовых.

Во время гуляний ставились временные общественные ретирадники. Некое место огораживалось дощатым забором без крыши. Внутри за забором настилался дощатый с широкими щелями пол. Иногда снаружи стены декорировали ветками, втыкая их в щели стен. Кругом стояло страшное зловоние.

Но растущему населению Петербурга даже таких примитивных устройств катастрофически не хватало. Сергей Есенин в начале XX века писал:

«Я ругаться буду упорно,
Проклинать вас хоть тысячу лет,
Потому что хочу в уборную,
А уборной в России нет».

Но поэт несколько погорячился. Ведь кроме общественных туалетов в каждом петербургском дворе стояли ретирадники, ими могли пользоваться кроме жильцов дома бродячие торговцы, а также, испросив разрешения у дежурного дворника, любой прохожий. До Великой Отечественной войны эти дворовые удобства сохранялись практически в каждом дворе. Окончательно они исчезли к 1960-м годам. И вот тогда-то ситуация стала подлинно катастрофической – каждый двор или парадная превратились в зловонные отхожие места. И причина этого не патологическая нечистоплотность петербуржцев, а отсутствие необходимого количества общественных туалетов. Ныне ситуация усугубляется – на наших глазах в 1990-е годы большинство общественных туалетов превратили в магазины или даже в кафе.

Туалетная бумага

Ни в XVIII, ни в XIX веках в России не пользовались туалетной бумагой, хотя уже в конце XIV века китайские императоры с этой целью стали применять куски бумаги. У россиян же в ходу все еще оставались сено, трава и старое тряпье. Аристократы употребляли даже

шелковые лоскутки. Кстати, слово «туалет» произошло от французского слова «toilette», уменьшительное от «toile» – ткань. Именно поэтому постепенно это слово стало обозначать и помещение, где испражняются.

С конца XIX века стали использовать бумагу газет. Мы знаем об этом по многочисленным публикациям в специальных медицинских журналах, где врачи-гигиенисты (как и сегодня) убедительно доказывали вред от пользования газетами из-за наличия в типографской краске свинца. Естественно, призывы были обращены к тонкому слою интеллигентных петербуржцев, к тем, кто, во-первых, читал журналы, а во-вторых, имел газеты, чтобы использовать их в гигиенических целях.

Изготовление туалетной бумаги – достаточно сложный процесс. Она должна быть плотной и не рваться, иначе ее нельзя использовать, но быть при этом мягкой. Кроме того, она должна быстро разлагаться в канализации, иначе она закупорит сточные трубы. Ну и, конечно, производство ее должно быть дешевым.

Впервые специальную туалетную бумагу придумал в 1880-е годы британец У. Оллок, назвав ее «бумажными бигуди». Почти одновременно с появлением этого изобретения в 1890 году американская бумажная фабрика Артура Скотта наладила выпуск туалетной бумаги.

В Европе догадался свернуть в рулон длинные полосы бумаги немецкий предприниматель Ханс Кленк в 1928 году. В каждом рулоне насчитывалось ровно тысяча листов, отделенных друг от друга перфорацией. Х. Кленк основал в швабском городе Людвигсбурге фирму, дав ей название «Nakle» по первым буквам своего имени и фамилии. Нам, привыкшим к публичной рекламе на телевидении различных средств интимной гигиены, трудно понять замешательство людей в первой половине XX века при покупке туалетной бумаги. Х. Кленк же прекрасно понимал своих современников, и рекламный лозунг: «Требуйте рулоны „Nakle“, и вам не придется произносить слова „туалетная бумага“», помог ему достаточно быстро внедрить туалетную бумагу в быт горожан.

В России в начале XX века любили всякие новшества: авто, синема и тому подобное. Именно так восприняли петербуржцы и туалетную бумагу – как американскую диковинку. В рекламе об этой новинке говорится, что она «нежнее лебяжьего пуха» (как это похоже на современную рекламу!).

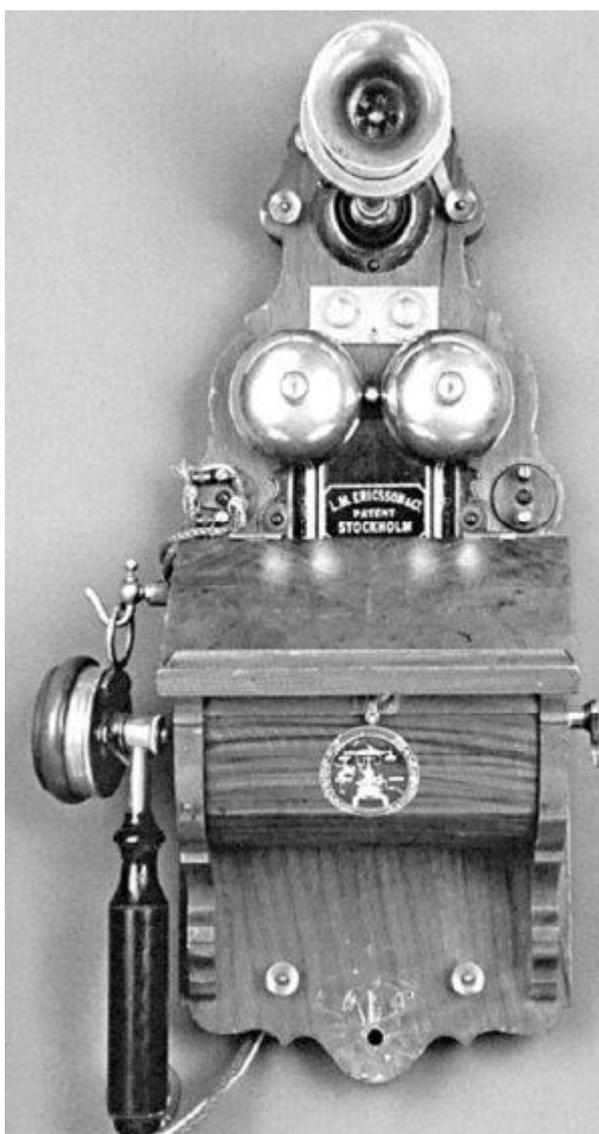
Но массово пользоваться туалетной бумагой ленинградцы начали лишь с 1960-х годов, когда все, изобретенное в конце XIX века, стало доступно горожанам.

(К «благоуханной» канализационной теме автор снова будет вынужден обратиться в главе 9, в рассказе о вне-квартирном благоустройстве жилья старого Петербурга.)

Телефонизация

Устройство петербургской телефонной сети на основе утвержденных 25 сентября 1881 года условий устройства и эксплуатации городских телефонов предоставили американской частной фирме «Белл» на срок в 20 лет, по истечении которого телефонная станция и все оборудование переходило городу.

Телефон был роскошью, особенно для 128 абонентов первой городской телефонной станции (Невский пр., 26). Звуковая мембрана в трубках первых телефонов служила одновременно для передачи и приема, и у аппаратов висело забавное объявление: «Не слушайте ртом, не говорите ухом». Абонентная плата за телефон первоначально оказалась чрезвычайно высокой – 250 рублей в год, за эти деньги тогда можно было снять 2-3-комнатную квартиру на окраине. Поэтому количество абонентов росло крайне медленно, и после двадцатилетнего существования телефона в интересующий нас период в Петербурге насчитывалось всего 4,5 тысячи абонентов, то есть телефон имела одна семья из 100. У жильцов верхних этажей телефоны не устанавливались, поэтому верхних жильцов вызывали для разговора по телефону вниз, в домовую контору (об этом писали в своих воспоминаниях Д.А. Засосов и В.И. Пызин).

Телефонный аппарат фирмы “Эрикссон и К”

Только в 1901 году, когда петербургский телефон от американской фирмы «Белл» перешел в собственность города, абонентную плату снизили в 5 раз, и она ограничилась 50 рублями. Еще через 15 лет количество номеров достигло 56 тысяч, то есть каждая шестая семья, или 17 семей из 100, имели телефон.

Установка и пользование телефоном строго контролировались. Подробные правила содержатся в высочайше утвержденных в 1901 году «Основных условиях на устройство и эксплуатацию городских телефонов частными лицами». В них § 5 гласил: «Контрагент обязан заручиться, без всякого содействия почтово-телеграфного ведомства, дозволением местного полицейского начальства и городского управления на производство работ, а также согласием тех собственников, от коих будет зависеть беспрепятственное устройство телефонных проводников, в пределах их имущественного права». Согласия домовладельца требовали и «Условия пользования телефонной связью», утвержденные для городов Главным управлением почт и телеграфов: «Телефонный аппарат устанавливается в помещении, указанном абонентом, который обязан при этом заручиться предварительно согласием домовладельца на установку телефона и устройство необходимых для сего приспособлений для проведения проводов как внутри, так и с внешней стороны здания, где находится указанное помещение».

Телефон тогда воспринимался исключительно как элемент престижа, но не утилитарной потребности. Наличие телефона – это знак принадлежности к высшему сословию. Эта знаковость и вызвала насмешку у писателя-сатирика В. Авсиенко в рассказе «Новоселье»: «Телефон тоже ему поставили, и он несколько раз в день непременно куда-нибудь звонит и даже все покупки в лавках делает не иначе, как по телефону.

– Знаешь, – говорит он жене, – закажем по телефону, непременно лучшее дадут, потому что, понимаешь, все-таки внушительности больше».

(Как это напоминает ситуацию при появлении первых мобильных телефонов...)

Глава 9 Внеквартирное благоустройство

Понятие «жилищная единица»

Что является для нас, живущих в XXI веке, жилищной единицей? Для современных людей – это квартира или комната. Современная квартира абсолютно автономное жилище, то есть все процессы жизнедеятельности индивидуума могут совершаться исключительно внутри нее. В ощущении автономности квартиры причина такого уникально-абсурдного явления российской современности, как приватизация квартир. В невозможности существования отдельно взятой квартиры совершенно безуспешно пытаются убедить нас сторонники кондоминиумов.

Для россиян XIX века понятие жилищной единицы значительно разнообразнее: койка (или даже полукойка), угол, каморка, комната, квартира, изба, дом, особняк. Самой распространенной жилищной единицей (86 %) была арендованная квартира, совершенно не автономная, а часть домовладения. При подробном рассмотрении внеквартирного благоустройства мы видим, что ни один из процессов жизнедеятельности индивидуума не мог совершаться исключительно в квартире. Подлинно автономной жилищной единицей могло считаться только домовладение. Границы жилища были чрезвычайно размыты. В индивидуальном пользовании квартиранимателя находилось собственно жилище, часть дровяника, погреба, стойла для коров и лошадей. Коллективно жильцы пользовались чердаком (сушили белье), прачечной, ледником, отхожими местами на лестнице и во

дворе, дворовой водяной колонкой или колодцем, помойной и мусорной ямами. Петербуржец был привязан тысячами нитей к дому, двору, домовладельцу и соседям.

Как указано в контракте Пушкина с княгиней Волконской, он занимал в ее доме «от одних ворот до других нижний этаж из одиннадцати комнат, состоящий со службами, как то: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя во двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке, и сухим для вин погребом, сверх того две комнаты и прачечную, взойдя во двор налево в подвальном этаже во 2-м проходе». Итак, мы видим на примере этого контракта, что в аренду сдавалось кроме жилого еще множество помещений, без которых в XIX веке невозможно было прожить.

В этой главе приглашаю вас пройти по лестницам и дворам, заглянуть на чердаки и в подвалы.

Парадные и черные лестницы

Как уже говорилось, лестница служила одним из мерил качественной характеристики квартиры. В каменных домах делались преимущественно каменные лестницы, так, в Петербурге по переписи 1881 года они составляли 93 %, в деревянных домах – деревянные (98 %). Освещение лестниц было обязательно, домовая прислуга следила за этим. Обычно новые способы освещения опробовали сначала именно на лестницах, после чего освещение могло стать квартирным. Так, по переписи 1881 года 8 % лестниц освещалось газом, в среднем на одну лестницу приходилось по 11 рожков. Но газовый свет не распространился в квартирах (табл. 19).

Таблица 19

Благоустройство петербургских лестниц

Вид строений	Количество домов	Количество лестниц		Газовое освещение на лестницах	
		каменных и железных	деревянных	количество домов с газовым освещением	количество рожков
<i>В домах физических лиц:</i>					
Каменные	9228	15 701	1131	1428	13 218
Деревянные	8857	217	9352	6	28
Смешанные	711	307	990	3	18
<i>В домах юридических лиц:</i>					
Каменные	1941	4532	350	258	7214
Деревянные	1375	62	865	6	50
Смешанные	66	58	78	2	15
Всего	22 178	20 877	12 766	1703	20 543

Характерно распространение электрического освещения в Петербурге в 1900 году. По данным переписи 1900 года, электричество подведено в 1375 домовладений, что составляло 14 % от общего их количества в Петербурге. Из них чуть более трети домовладений (512) освещались полностью электричеством, в остальных же электричеством освещались лишь дворы и лестницы, а в квартирах продолжали

пользоваться керосиновыми лампами. Обратная ситуация, чтобы электричество имелось только в квартирах, чрезвычайно редко встречалась – всего в 1 % домовладений (17).

В дворовых квартирах иногда была одна лестница, она исполняла и парадную, и хозяйственную роль. Вот описание М.Ю. Лермонтова одной из таких лестниц в 7-й главе «Княгини Лиговской»: «Печорину дали его адрес, и он отправился к Обухову мосту. Остановясь у ворот одного огромного дома, он вызвал дворника и спросил, здесь ли живет чиновник Красинский.

– Пожалуйста в 49-й номер, – был ответ.

– А где вход?

– Со двора-с.

49-й номер и вход со двора! Этих ужасных слов не может понять человек, который не провел по крайней мере половины жизни в отыскивании разных чиновников, 49-й номер есть число мрачное и таинственное, подобное числу 666 в Апокалипсисе. Вы пробираетесь сначала через узкий и угловатый двор, по глубокому снегу или по жидкой грязи; высокие пирамиды дров грозят ежеминутно подавить вас своим падением, тяжелый запах, едкий, отвратительный, отравляет ваше дыхание, собаки ворчат при вашем появлении, бледные лица, хранящие на себе ужасные следы нищеты или распутства, выглядывают сквозь узкие окна нижнего этажа.

Наконец, после многих расспросов, вы находите желанную дверь, темную и узкую, как дверь в чистилище; поскользнувшись на пороге, вы летите две ступени вниз и попадаете ногами в лужу, образовавшуюся на каменном помосте, потом неверною рукой ощупываете лестницу и начинаете взбираться наверх. Взойдя на первый этаж и остановившись на четверугольной площадке, вы увидите несколько дверей кругом себя, но, увы, ни на одной нет номера; начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходит кухарка с сальной свечой, а из-за нее раздается брань или плач детей.

– Кого вам угодно?

– 49-й номер.

– Здесь эдаких нет-с.

– Кто ж здесь живет?

Ответ бывает обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: „Какое вам дело, ступайте выше!“ Дверь захлопывается. Во всех других дверях та же сцена повторяется в разных видах, чем выше вы взбираетесь, тем хуже.

Софист-наблюдатель мог бы заключить из этого, что человек, приближаясь к небу, уподобляется растению, которое на вершинах гор теряет цвет и силу. Помучившись около часу, вы, наконец, находите желанный 49-й номер или другой столько же таинственный, и то если дворник не был пьян и понял ваш вопрос, если не два чиновника с одинаковым именем в этом доме, если вы не попали на другую лестницу, и т. д.

Печорин претерпел все эти мучения и, наконец, вскарабкавшись на 4-й этаж, постучал в дверь; вышла кухарка, он сделал обычный вопрос, ему отвечали: „Здесь“. Он взошел, снял шинель в кухне и хотел идти далее, как вдруг кухарка остановила его, сказав, что

господин Красинский не воротился еще из департамента. „Я подожду“, – отвечал он и взошел.

Кухарка следовала за ним и разглядывала его с видом удивления. Белый султан и красивый кавалерийский мундир были, по-видимому, явление необыкновенное на четвертом этаже. При входе Печорина в гостиную, если можно так назвать четырехугольную комнату, украшенную единственным столом, покрытым клеенкою, перед которым стоял старый диван и три стула, низенькая и опрятная старушка встала с своего места и повторила вопрос кухарки».

Обычно же квартира из двух и более комнат имела выходы на две лестницы: парадную и черную. По парадным лестницам ходила только «чистая» публика: хозяйева квартиры, их гости, доктора, гувернантки и учителя. Черные лестницы использовали для хозяйственных нужд, на них были отхожие места, стояли помойные ведра.

Парадные лестницы

Вот наш герой подъехал к сеням;
Швейцара мимо он стрелой
Взлетел по мраморным ступеням.

Л. С. Пушкин. «Евгений Онегин», гл. 1

Парадные лестницы с улицы украшались цветами, на пологих, широких ступенях обязательно настилались ковры. Входящих встречал швейцар. В рекламных объявлениях того времени единственное, что указывало на качественную характеристику квартиры, было не количество комнат, а именно состояние парадной лестницы. Лестница являлась своеобразной визитной карточкой квартиры. Сформировался даже несколько нелепый рекламный штамп – «мраморная лестница с ковром и швейцаром». Лестницы отапливались, чаще всего каминами. Только на лестницах использовалось газовое освещение. Но вскоре газовое освещение, не успев распространиться, успешно вытеснило электричество. Так же как показатель «барственности» квартиры всегда указывалось в объявлениях наличие «подъемной машины» (словом «лифт» практически не пользовались), даже если речь шла о квартире в бельэтаже.

Лифт относился скорее не к благоустройству, а к знаковым предметам роскоши. В рассматриваемое нами время только начинают появляться подъемные лифты. Первые пассажирские гидравлические лифты появились в петербургских великокняжеских дворцах в 1870-е годы. Механизм действия этих лифтов был оригинален и прост: в колодец погружался цилиндр диаметром, примерно в аршин (70 см), внутри его помещался поршень, поддерживающий кабину. Когда водопроводная вода наполняла цилиндр, выталкивая поршень, лифт поднимался. Когда воду сливали, – опускался. Особенность гидравлических лифтов – плавность и бесшумность хода. Но подобные лифты обладали единственным недостатком, особенно чувствительным для Петербурга. При увеличении этажности зданий колодец должен был становиться все глубже, но под

верхними слоями грунта мог оказаться плевун, и вместо гидравлического лифта получался артезианский колодец...

Пример оформления шахты лифта. Начало XX в.

С 1880-х годов стали появляться электрические лифты, где на электролебедку наматывался канат с подвешенной кабиной. Эти лифты были значительно экономичнее своих предшественников. В начале XX века стоимость одного полного хода кабины электрического лифта на 3 пассажиров в шестиэтажном доме была полторы копейки, тогда как гидравлического – шесть с половиной, то есть в 4 раза дороже. Швейцар сопровождал жильцов в лифте, за что каждый платил домовладельцу по 2 рубля в месяц.

Пример оформления шахты лифта. Начало XX в.

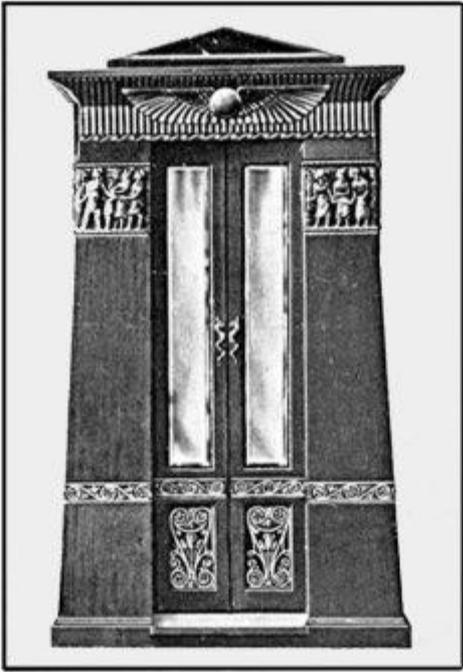
Стоимость установки лифтового оборудования в пятиэтажном доме колебалась от 3,5 до 5,5 тысячи рублей и зависела от степени декоративного убранства. Кабины лифтов богато декорировались ценными породами дерева, украшались резьбой и инкрустациями, внутри помещали даже кожаные или бархатные диванчики. Ограждения шахт лифтов выполнялись из кованого или художественного литья железа.

Наиболее хорошо сохранившийся старинный действующий лифт находится на Невском пр., 21, в бывшем торговом доме Ф.Л. Мертенса. Петербургские лифты интересны и как памятники инженерной мысли, и как памятники бытовой истории, и как произведения декоративного искусства.

Инженеръ Р. Э. ЭРИХСОНЪ.

Москва, Мясницкая, 20.   С.-Петербургъ, Невскій, 92.

СОВРЕМЕННЫЯ, ПОЛНЪ БЕЗОПАСНЫЯ ПОДЪЕМНЫЯ МАШИНЫ
НОВЪЙШЕЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПОЛНОЙ КНОПЧНОЙ СИСТЕМЫ
„ШТИГЛЕРЪ“.
 ЗАВОДА АКЦИОНЕРНАГО ОБЩЕСТВА ШТИГЛЕРЪ ВЪ МИЛАНЪ.
 ☐ патентованной въ главнѣйшихъ государствахъ ☐

Свыше 16.000 машинъ въ ходу.
 Въ Россіи 1000.   Въ С.-Петербургѣ 400.

Брюссель, 1910 г. „Grand-Prix“.

Туринъ, 1911 г. „GRAND-PRIX“.

Кабина подъемной машины въ домѣ
 А. Нѣжинскаго, въ С.-Петербургѣ.

Изготовленная по рисунку Архитект.-Художн. М. А. Сонгайло.

Парижъ 1900
 2
 золотыя медали

Миланъ 1911
 „GRAND
 PRIX“.

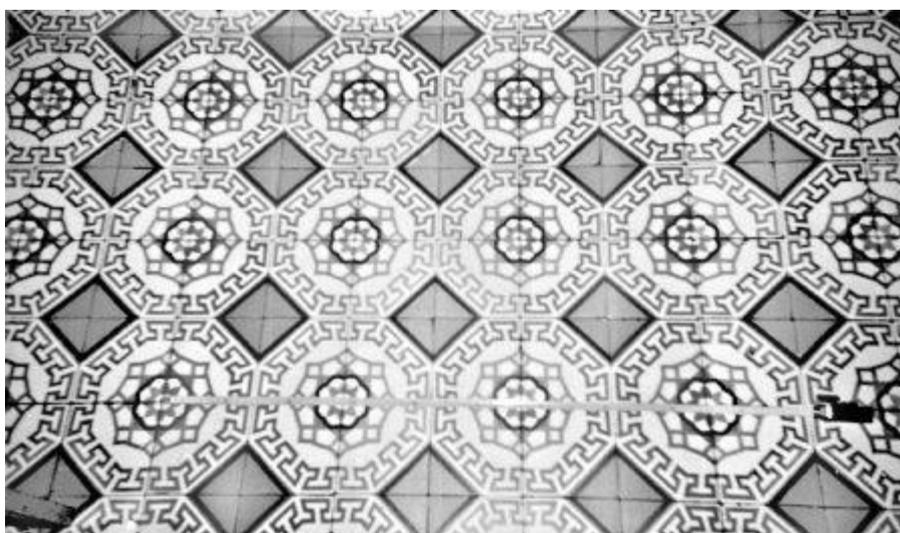
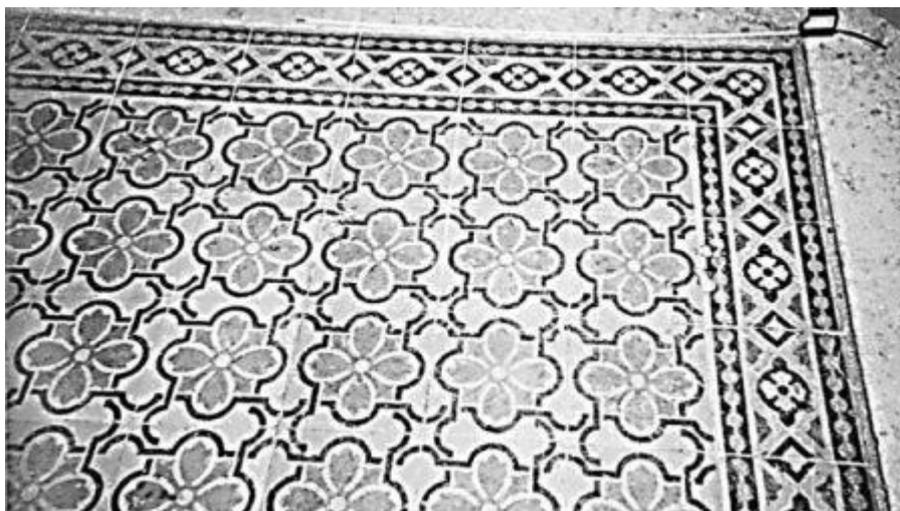
Реклама начала XX в.

Окна парадныхъ лестницъ иногда украшались витражами.

По лестнице над сумрачнымъ дворомъ
 Мелькала тень, и лампа чуть светила.
 Вдругъ открывалась дверь, звеня стекломъ.

А. Блок

Парадные лестницы дворовых квартир были не столь роскошны. При проектировании они делались несколько шире черных лестниц, и перила их отличались более или менее витиеватым кованным рисунком.

Кафельное покрытие парадных лестниц. Современное фото

Полы лестничных площадок из гигиенических и эстетических соображений покрывались кафельными плитками. Кафельное покрытие площадок парадных лестниц по цвету, узору и композиции напоминало ковер.

Черные лестницы

Лестница была, само собой разумеется, черной, усеянной огуречными корками и многократно ногой продавленным капустным листом.

А. Белый. Петербург

По черной лестнице ходила прислуга, разносчики, дворники. По ней приносили в квартиру дрова и воду, если не было водопровода. Черные лестницы – крутые, темные, сырые, грязные. «На всех их поворотах, – писал Ф.М. Достоевский, – нагромождена...

бездна всякого жилецкого хлама, так что чужой, не бывалый человек, попавши на эту лестницу в темное время, принужден был по ней полчаса путешествовать, рискуя сломать себе ноги и проклиная вместе с лестницей и знакомых своих, неудобно так поселившихся».

Кафельное покрытие площадок черных лестниц. Современное фото

Входная дверь с черной лестницы вела в кухню. «Грязная черная лестница, хронически запечатлевшая на себе запах горелого масла, кошек и керосина», – характеризует лестницу в «Волшебной сказке» Л.А. Чарская.

Помойные ведра обычно ставили у квартирных дверей на черных лестницах. Иногда в самом низу, под лестницей, устраивались мусорные, реже – помойные ямы. Д.В. Григорович в главе 3-й «Петербургских шарманщиков» так описывает черную лестницу: «Взбираешься по шаткой лестнице, украшенной по углам (у каждой двери) кадкою, на поверхности которой плавают яичные скорлупы, рыбий пузырь и несколько угольев; вообще лестницы эти, не считая уже спиртуозного запаха (общей принадлежности всех петербургских черных лестниц), показывают совершенное неуважение хозяев к тем, которым суждено спускаться и подниматься по ним».

На многих черных лестницах существовали отхожие места пролетной системы, распространявшие жуткую вонь. Там же располагались приквартирные дровяники. С черных лестниц был вход в подвальное помещение.

Подвалы и чердаки

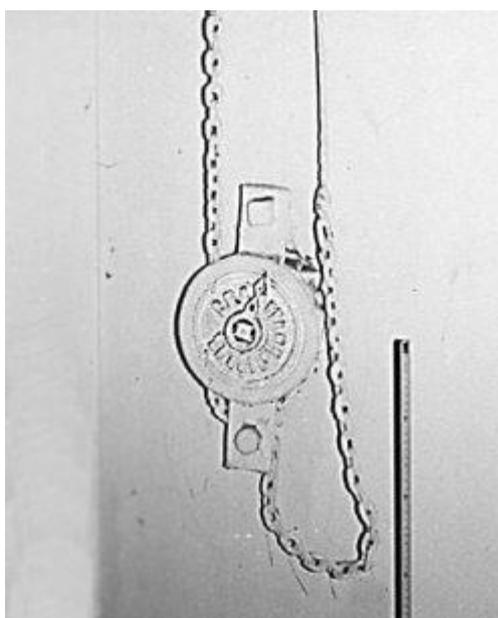
Иногда подвалы использовались для устройства в них жилья, об этом уже упоминалось выше. В подвалах некоторых домов в специальных деревянных срубках находились ледники. Таявший лед слишком увлажнял воздух, что, во-первых, портило фундамент дома, а во-вторых, квартиранты первого этажа страдали от сырости, поэтому обычно ледники располагались в погребах, находившихся во дворах.

Стирали в прачечных, имевшихся при каждом доме. Размещались они в подвалах, высота помещений не превышала 4 аршин (2,85 м), что тогда казалось очень низко.

Комната работниц. 1920-е гг.

Подвальные окна почти не пропускали свет, приходилось пользоваться искусственным освещением, но из-за густого пара в прачечных всегда было полутемно. Пол обычно – плиточный (крайне редко – бетонный, покрытый сверху цементом или асфальтом), задерживающаяся в его неровностях грязная мыльная вода через плохо заделанные швы проникала в грунт. Сточный колодец, устроенный в полу, не всегда имел водяной затвор, и потому газы из сточных труб попадали в помещение. Обыкновенно в прачечной устраивался очаг с двумя или более чугунными водогрейными котлами с крышками. Для стирки использовались деревянные на ножках лоханки размером 20 на 24 вершка (90 x 110 см) и глубиной 5,5 (25 см) вершка. К ним крепились полочки для мыла и грязного белья.

Устройство в виде небольшого штурвала, с его помощью можно было открывать и закрывать чердачное окно, не поднимаясь на чердак.

Современное фото

Иногда в прачечных имелись и более глубокие (до 12 вершков – полметра) лохани или специальные баки для полоскания белья. Но чаще носили белье полоскать в реках и каналах, где были сделаны портомойни – деревянные плоты саженой 8 в длину и 4 в ширину (17 на 8 метров), соединенные с набережной деревянными лестницами. Посередине портомойни – 3 или 4 бассейна. В проточной воде этих бассейнов полоскали белье. Вода в каналах настолько грязна и наполнена такими помоями, что «нужно быть лишенным всякой брезгливости и понятия чистоплотности, чтобы полоскать только что вымытое белье в такой грязи».

Часть чердаков использовалась под жилье (2 %), остальные же использовались для хозяйственных нужд. Там обычно сушили белье. Прачечная и чердаки были общие для всех жильцов. Поэтому устанавливалась известная очередь, за которой наблюдал дворник.

Дворы

Мне снятся жуткие провалы
Зажатых камнями дворов.

П. Соловьева. Петербург

Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора...

А. Блок. Окна во двор

Цитирую А. Белого (роман «Петербург», глава «Жители островов поражают вас»): «И вот незнакомец – на дворике, четырехугольнике, залитом сплошь асфальтом и отовсюду притиснутом пятью этажами многооконной громадины. Посредине двора были сложены отсыревшие сажени осиновых дров». Но обычно дрова хранились в дровяниках.

Дворы обязательно освещались, каждый шестой двор, по данным переписи 1881 года, освещался газом (из 9261–1640 дворов).

Таблица 20

Благоустройства дворов Санкт-Петербурга на 1881 год

Дворовое оборудование	Дома физических лиц				Дома юридических лиц			
	количество дворов	процент	количество благоустройств	в среднем на двор	количество дворов	процент	количество благоустройств	в среднем на двор
Мошечные дворы	5280	67	С	С	722	55	С	С
Выгреба	7339	92	23328	3	903	70	4514	5
Помойные ямы	7035	89	9055	1,3	803	62	1523	2
Отхожие места	7246	91	52180	0,7	854	66	3960	4
Ватер-клозеты	891	11	4464	0,5	289	20	2039	9
Ванны	300	0,5	792	0,2	135	10	408	3
Всего дворов	7908	С	С	С	1353	С	С	С

Как видно из таблицы 20, уже в 1881 году более половины дворов – мощеные, почти все они оборудованы выгребами (выгребными ямами, местами скопления фекальных и мочевых нечистот), отхожими местами и помойными ямами, то есть в них было довольно чисто. Через 20 лет, к концу XIX века, количество их, естественно, возросло. Дома становились все крупнее и количество выгребов возрастало (табл. 21).

Таблица 21

Количество выгребных и помойных ям во дворах Санкт-Петербурга в 1881 и 1900 гг.

Наименование	1881 год		1900 год	
	количество	%	количество	%
Всего дворов	9261	С	9635	С
Выгребные ямы	8242	89	32 112	333
Помойные ямы	7838	85	11 440	119

Таблица 22

Водоснабжение и освещение дворов Санкт-Петербурга в 1881 и 1900 гг.

Наименование	Годы	
	1881	1900
Всего дворов	9261	9635
Водопровод дворовый	783	877
Водопровод во дворе и квартире	2689	37 792
Водопровод в квартире	С	6101
Баки для воды	907	С
Количество газовых рожков:		
во дворах	928	3042
во дворах и квартирах	712	16 027
в квартирах	954	34 881

Из таблицы 22 хорошо видно, что за 20 лет водоснабжение стало исключительно водопроводным, исчезли во дворах баки для воды, наполняемые водовозами. В большинстве дворов появились водопроводные колонки, ими пользовалась домовая прислуга и жильцы подвальных и мансардных этажей, где отсутствовали квартирные водопроводы. В подавляющем большинстве дворов продолжали пользоваться наряду с водопроводом самыми примитивными деревянными колодцами. Правда, встречаются единичные упоминания и о железобетонных колодцах.

Ледники

В южной части двора, куда никогда не заглядывает солнце, располагались погреба с ледниками, там хранили основные запасы провизии. (Провизию повседневную хранили в «холодном шкафу», представлявшем собой деревянный ящик с круглыми отверстиями для проветривания. Укреплялся он с внешней, уличной стороны кухонного окна.) Ледники находились, как правило, в отдельно стоящих погребах, углубленных в землю, или в подвалах домов, в специальных деревянных срубках.

Внутри ледники выглядели чрезвычайно просто – хранящиеся продукты раскладывались на глыбах льда. Медицинская полиция с возмущением отмечала: «Мясо и всякую другую провизию кладут прямо на лед, без посуды». Что, естественно, нередко приводило к заражению инфекционными болезнями.

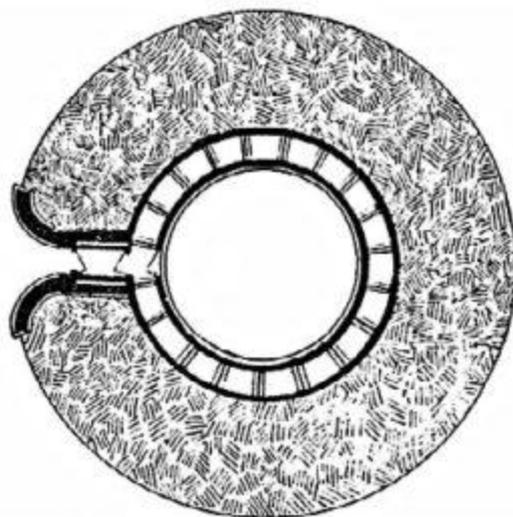
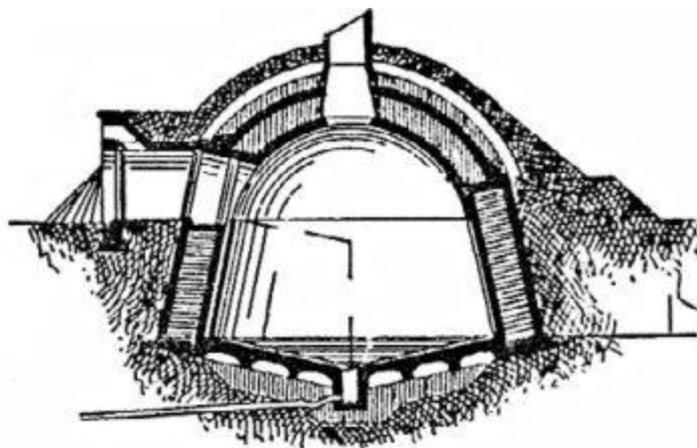
Я каждый день через Неву хожу
И на стареющие льды гляжу:
Где санные рыжели колеи,
Сверкали льда наколотые глыбы.

В. Юнгер. Из цикла «Нежная весна»

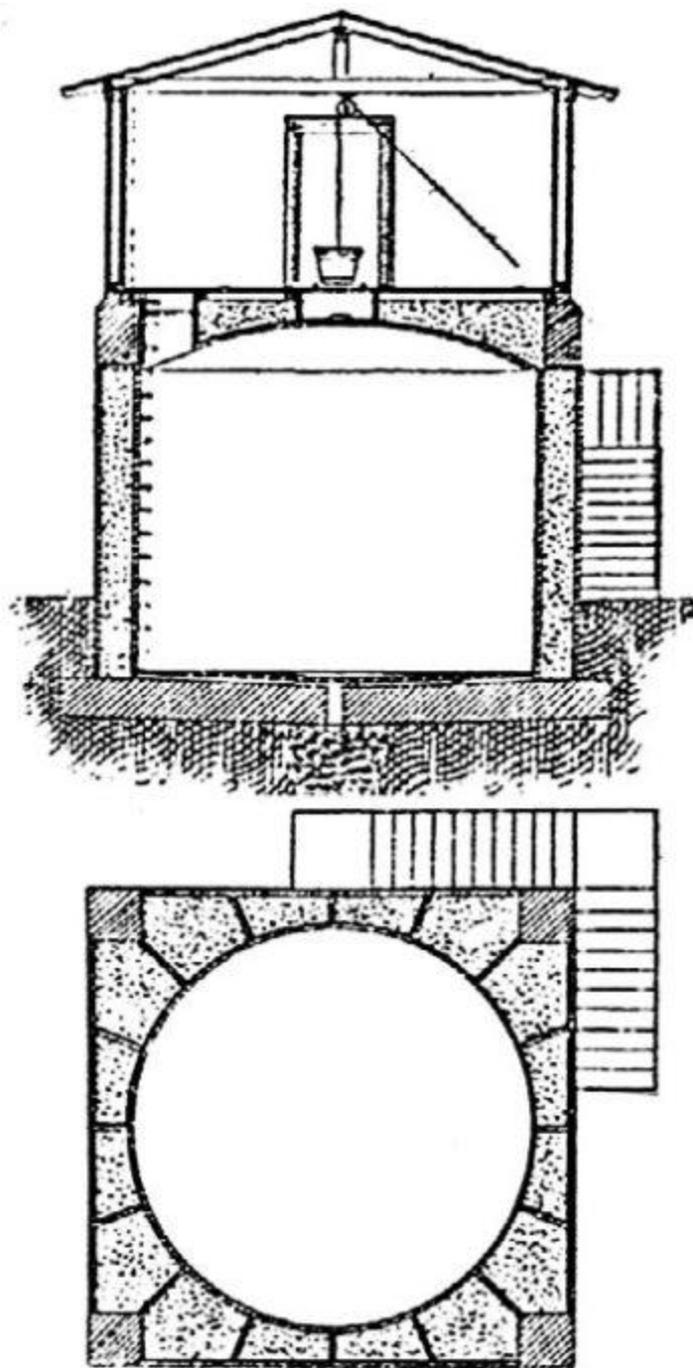
Лед для ледников вырубался на Неве или Невках. Из Фонтанки, Мойки и каналов брать лед запрещалось по гигиеническим соображениям. Лед нарезался большими параллелепипедами (метра полтора длиной, сантиметров 70 толщиной) и потом развозился по домам. Ледяной промысел требовал большой физической силы и сноровки,

поскольку, вырубая куски льда и вытаскивая их, легко было поскользнуться и утонуть в проруби.

Вот как описывают заготовку льда для ледников Д.А. Засосов и В.И. Пызин в своей книге «Из жизни Петербурга 1890–1910 годов (Записки очевидцев)»: «К весне на Неве и Невках добывали лед для набивки ледников. Лед нарезался большими параллелепипедами, называемыми „кабанами“.

Ледник Пецгольца. Все стены и свод двойные и заложены торфом. Снаружи зацементированы и обмазаны горячей смолой. Пол со скатом к середине для удаления талых вод

Ледник по системе «Моньер» надземный. Стены двойные с изоляционной прослойкой. Пол бетонный

Сначала вырезались длинные полосы льда продольными пилами с гирями под водой. Ширина этих полос была по длине „кабана“. Затем от них пешнями откалывались „кабаны“. Чтобы вытащить „кабан“ из воды, лошадь с санями пятили к майне, дровни с удлиненными задними копыльями спускались в воду и подводились под „кабан“. Лошади вытаскивали сани с „кабаном“, зацепленным за задние копылья. „Кабаны“ ставились на лед на попа. Они красиво искрились и переливались на весеннем солнце всеми цветами радуги. Работа была опасная, можно было загубить лошадь, если она недостаточно сильна и глыба льда ее перетянет; мог потонуть в майне и человек, но надо было заработать деньги, и от желающих выполнять такую работу отбоя не было: платили хорошо.

Перевозка глыб льда для ледников

Майна ограждалась легкой изгородью, вечером вокруг майны зажигались фонари, чтобы предупреждать неосторожных пешеходов и возчиков.

Набивали ледники льдом особые артели. Эта работа была также опасна и требовала особой сноровки. „Кабаны“ опускали вниз, в ледник, по доскам на веревках, а там рабочие принимали их и укладывали рядами. Бывали случаи, когда „кабан“ срывался со скользкой веревки и калечил рабочих, стоящих внизу».

Домовая канализация

Междуэтажные трубы для спуска нечистот изготавливались в основном из дерева (80 %), реже – так называемых «каменные», то есть кирпичные (20 %), они выкладывались при строительстве дома.

Н. А. Чесноковъ

принимаетъ подряды на канализационныя работы, устройство фильтровъ и всевозможныхъ приемниковъ, приспособленіе существующихъ деревянныхъ выгребовъ и колодцевъ для задержанія въ нихъ грязи. Устройство бетонныхъ: склеповъ помойныхъ и навозныхъ ямъ, ретирадниковъ и пр.

СПБ., Саперный пер., д №: 12. кв: № 9:

Реклама. Конец XIX в.

Остатки канализационных кирпичных труб сегодня иногда можно увидеть на стенах старых домов: два параллельно торчащих ряда кирпичей, идущих сверху вниз вдоль лестничных окон, внешняя стенка трубы обычно отбита. Крайне редко встречались гончарные трубы, и как нечто удивительное упоминаются железные трубы, эмалированные внутри. Трубы эти вели в выгребные ямы.

Только 20 % выгребных ям сооружалось из влагонепроницаемых материалов: из цемента, реже из керамики или железа, остальные выгребы делались из барочного леса и, за редким исключением, даже не обмазывались глиной, как требовалось по Обязательному постановлению 1884 года. Нечистоты свободно впитывались в окружающую почву. По

этой причине при быстром росте количества населения и все более уплотняющейся застройке в последней трети XIX века санитарно-эпидемиологическое положение становилось крайне опасным.

Выгреб. Золотари

Канализационные трубы вели к выгребным ямам, устраиваемым во дворах, рядом с помойными ямами, в подвалах здания или в виде боковых пристроек к нему. Из-за отсутствия городской сливной канализации воздух дворов наполняли запахи нечистот из негерметично закрытых выгребных ям. Выгреб обшивались деревом, количество непроницаемых (цементных, кирпичных или железных) выгребов, требуемых санитарной службой, существенно выросло только к концу XIX века.

По городской переписи 1900 года можно представить, какое огромное количество выгребов (32 тысячи) находилось в Петербурге к началу XX века. С ростом этажности домов в одном дворе устраивалось уже не по одной-двум выгребным ямам, их число доходило до нескольких десятков.

Таблица 23

Количество выгребов во дворах в зависимости от размеров домов на 1900 г.

Размеры дома по количеству квартир	Количество		Общее количество выгребов	Количество	
	домов	квартир в них		выгребов в одном дворе	квартир на один выгреб
1	692	692	878	1	С
2Р3	1085	2715	1637	1Р2	1Р2
4Р5	1057	4728	1892	1Р2	2
6Р10	1867	14 645	4413	2Р3	3
11Р20	2352	34 922	8143	3Р4	4
21Р50	2154	66 241	10 921	4Р5	6
51Р100	348	22 507	2904	8	10
Более 100	80	12 442	1323	17	10
Всего	9635	158 892	32 111	—	—

По переписи 1881 года в 90 % дворов были выгребы (из 9261 – в 8242, в среднем – 3 на двор), а опорожнялись они значительно реже, чем требовалось по предписаниям медицинской полиции, о чем свидетельствовали многочисленные штрафы. Обязательная принадлежность дворов – ретирадники, располагавшиеся над выгребной ямой.

Город задыхался от миазмов, поднимающихся из выгребных ям. Удалением экскрементов из города занимались специальные люди – золотари. Они вычерпывали нечистоты по несколько раз в год из выгребных ям специальными черпаками (в редчайших случаях – насосами) в открытые бочки или ящики. Для дезинфекции выгребные и помойные ямы поливались карболовой кислотой, хлорной и едкой известью и т. п.

Кроме городского ассенизационного обоза, размещавшегося на Васильевском острове, работало множество частных золотарей. Для открытия подобного промысла не требовалось никаких особых разрешений. Имеется у человека лошадь, телега и

возможность купить ящик ценой в 40 рублей, вот он и становится золотарем. Зимой отходы вывозились на свалки, имеющиеся во всех районах. Крупными были свалка на Гутуевском острове, на Смоленском поле к западу от Смоленского кладбища, на Куликовом поле на Выборгской стороне.

В летнее время нечистоты удалялись из города при помощи городских и частных особых ассенизационных (вывозных) лодок, стоявших по рекам Смоленке и Ждановке. Лодки эти имели особое устройство: фекальной массой наполнялась только средняя их часть, носовая и кормовая части оставались свободными. В носовой части чаще всего устраивалось временное жилье для рабочих. Каждая лодка вмещала до 300 возов нечистот, с воза бралась плата – 30 копеек. Увозились нечистоты ранним утром далеко за Лахту, где их сливали в море.

Наряду с выгребными ямами в Петербурге в нескольких общественных зданиях использовалась и пневматическая канализация по методу Бурова, когда нечистоты удалялись по трубам давлением воздуха, без смыва водой. Санитарные службы пропагандировали бессливные системы (земляные клозеты инженера Тимоховича и торф-клозеты Надеина), поскольку из ватерклозетов нечистоты попадали в реки и каналы.

Городская дождевая канализация

Часть домовладельцев для спуска нечистот начала использовать общегородскую дождевую канализацию, существовавшую в Петербурге с XVIII века. В 1834 году ее длина достигала 45 тыс. погонных сажен, а в 1849 году – около 50 тыс. сажен, охватывая все основные улицы города. Строительство сливных коммуникаций производилось из досок на городские средства под руководством Комитета городских строений. Использовать дождевую канализацию как бытовую строжайше запрещалось «Уставом о наказаниях» даже в конце 1860-х годов (наказание налагалось мировыми судьями).

Но массовость и неискоренимость этого явления одерживали верх над властями. Законодательно в «Обязательных постановлениях», принятых 2 августа 1884 года, разрешили спускать в дождевую канализацию нечистоты из клозетов и простых отхожих мест. Но оговаривалось, что в местах сливов нечистот в дождевую канализацию должны устраиваться особые заградительные решетки для задержания твердых нечистот.

Но даже это простое требование игнорировалось – осадочные колодцы дождевой канализации на перекрестках улиц вскоре превратились, по сути, в выгребные ямы. Явно вынужденное решение городских властей (констатация факта) вело, как бы мы сейчас сказали, к экологической катастрофе. Подземные деревянные короба дождевой канализации имели щели и неплотные стыки (до одного пальца шириной), поскольку делались из самых дешевых материалов: горбыля и барочного леса (барки, привозившие дрова в Петербург, делались одноразового использования – после разгрузки их разбирали на доски, а не гнали вверх против течения, что было бы убыточно). Проникновение в окружающую почву дождевой воды вполне допустимо, но когда по щелястым трубам-коробам пошли нечистоты, санитарные врачи забили тревогу: эпидемии инфекционных заболеваний стали распространяться на целые районы, причем почти всегда фиксировалось территориальное совпадение очага заболевания с размещением коммуникаций дождевой канализации.

Отсутствие городской сливной канализации

Канализация – система удаления сточных вод: хозяйственно-фекальных (бытовых), производственных (от промышленных предприятий), атмосферных (от таяния снега и дождей). По способу удаления различают сливную и вывозную (ассенизационную) канализацию. Как показывала практика, ассенизационными средствами вывозилось в лучшем случае около $\frac{1}{3}$ жидких нечистот, остальные просачивались в грунт, загрязняли и заражали почву и грунтовые воды городов. Стоимость вывоза нечистот обходилось почти в 100 раз дороже, чем слив их по системе канализационных труб. Но, несмотря на то что сливная бытовая канализация более гигиенична и экономична, ее не существовало в Петербурге до начала XX века. Имелись только общегородская дождевая канализация и множество производственных.

Необходимость городской канализации для спуска нечистот в Петербурге ощущалась очень остро. С 1868 по 1917 год предлагалось 48 проектов ее устройства, но ни один из них не реализовали.

Первая система городской сливной канализации появилась в Гатчине и Царском Селе. В 1902 году учреждается Вневедомственная комиссия по улучшению санитарных условий в Царском Селе. Под ее руководством в течение 1902–1904 годов после разработки проекта проложили канализационную сеть из керамических труб протяженностью 45 верст.

Пять лет (1903–1908) ушло на сооружение из бетона очистной биологической станции, занимавшей площадь около 5 тыс. кв. саженей и рассчитанной на обслуживание 40 тыс. человек. Располагалась станция на реке Славянке ниже деревень Липицы и Ново-Веси. Ближайшая деревня ниже по течению – Московская Славянка – находилась на расстоянии шести верст. Очистную станцию построили в крытом помещении, чтобы избежать замерзания нечистот в зимние месяцы. Очистка осуществлялась биологическим методом: загнивание жидкости с применением септиков и окислителей разного рода. Частичная эксплуатация канализации с очистными сооружениями началась 1 декабря 1905 года. Планировалось создание еще и озонной станции для обеззараживания сточных вод в периоды эпидемий, но этот проект не осуществили. Первая городская канализация успешно функционировала в Царском Селе, назрело создание канализационной системы для всего Петербурга, но наступил 1917 год...

Удаление бытового мусора

Помойные ведра обычно ставили у квартирных дверей на черных лестницах, чтобы исключить зловоние в кухне. Мусорные (для сухого мусора) и помойные (для пищевых отходов) сборные ямы устраивались во дворах или в виде избушек с открывающейся дверкой, или в виде ларей с крышкой. Реже они находились в специальном помещении в самом доме (обычно под черной лестницей).

По переписи 1881 года не все дворы имели помойные ямы. Из 9361 двора только в 7865 дворах имелось 10 578 ям. В более крупных домовладениях, обычно принадлежавших юридическим лицам, на двор приходилось по 2 ямы (табл. 24).

Таблица 24

Количество помойных ям во дворах

Размер дома по количеству квартир	Количество		Количество во ям	Дома без ям	Количество квартир на одну яму
	домов	квартир в них			
1	692	692	501	91	1
2Р3	1085	2715	996	89	3
4Р5	1057	4728	1029	28	5
6Р10	1867	14 645	2168	С	7
11Р20	2352	34 922	3066	С	11
21Р50	2154	66 241	2846	С	22
51Р100	348	22 507	590	С	40
Более 100	80	12 422	236	С	60
Всего	9635	158 892	11 432	208	—

Мусорщики занимались вывозом мусора и уборкой мертвых животных, тряпок. В 1871 году Городская дума заключила на 20 лет контракт с купцом Мосягиным, по которому он получал исключительное право на вывоз палого скота. Для переработки животных продуктов Мосягин построил завод.

Мусор вывозился на свалки, они располагались на реке Карповке, у Галерной гавани, наиболее известная, самая крупная из них находилась у Забалканского проспекта (на месте современных домов № 73–83 по Московскому пр.) и называлась она «горячим полем», потому что отбросы прели, разлагались, и над полем почти всегда стоял зловонный и густой туман. В санитарных целях летом, в сухую погоду, свалки сжигались.

Внутридворовые строения

Садится Таня у окна.
 Редет сумрак; но она
 Своих полей не различает:
 Пред нею незнакомый двор,
 Конюшни, кухня и забор.

А.С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. VII

Открыл окно. Какая хмурая
 Столица в октябре!
 Забитая лошадка бурая
 Гуляет на дворе.

А. Блок. В октябре

Конюшни, коровники и курятники в петербургских дворах – явление достаточно распространенное. К середине 1810-х годов в Петербурге насчитывалось 8102 казенных (кавалерийских, обозных, пожарных, почтовых), 7519 обывательских (верховых, выездных, тяжеловозов) и 2476 извозчичьих лошадей. В столицу доставляли ежегодно до полутора миллионов пудов сена.

В конце XIX века в Петербурге содержалось более 60 тысяч лошадей в личном владении. Коров имела каждая шестая семья. Причем коров держали не только для семейных нужд, но и для продажи молока. Большинство молочных лавок Петербурга торговали плохим по качеству молоком, полученным от коров, постоянно стоявших в полутемных, непрветриваемых стойлах на задних дворах.

«Всякая домашняя птица и животные свободно разгуливают по двору, гадят и пачкают почву, и мы к этому совершенно равнодушны! Из-под конюшен и коровников сочится темно-коричневая мутная и вонючая жижа и пропитывает всю почву, которая таким образом превращается в культурный бульон для жизнерадостного процветания всяких тифозных, холерных, дифтерийных и чахоточных микробов. И вот пошел дождик, размыл все это, рассиропил жижицу, оживил микробов обильным потоком, и густой струей все это сносится в прелестную реку и расхлебывается с удовольствием береговым населением», – писал Б. Португалов.

Поэтому особенно ценились молочные и сливочные лавки, торговавшие молоком, сливками, сметаной и сыром, привозимыми с загородных ферм.

В большинстве дворов имелся колодец с поилкой для скота. Подобная поилка сохранилась во дворе доходного дома № 10 на Фурштатской улице. Даже при распространении водопроводного водоснабжения и установки дворовых водоклоноков колодцами продолжали пользоваться довольно долго.

Часть двора занимали каменные или деревянные каретные сараи. Иногда при постройке дома каретный сарай проектировался внутри дома. В начале XX века во дворах появляются гаражи, специально построенные или переоборудованные из каретных сараев.

Петербургские дворы, катастрофически уменьшившиеся в размерах за XIX век, были плотно застроены различными хозяйственными сооружениями.

Каменные каретные сараи на Фуриштатской улице.

Сейчас они используются как гаражи. Современное фото

Воздух дворов наполняли запахи нечистот из выгребных и помойных ям, стоил. Но окна всех (я подчеркиваю – всех!) жилых комнат петербуржцев выходили во двор. Это естественно и для квартир, располагавшихся в дворовых флигелях. Но что интересно, в «барских» квартирах, занимавших уличные корпуса, жилые комнаты (спальни, детские, кабинеты) были всегда обращены во двор. Парадные же помещения, в которых люди находились чрезвычайно редко, выходили окнами на относительно чистые улицы. Воздух дворов был настолько плох, что жильцы не считали возможным проветривать помещения через форточки, несмотря на постоянные настоятельные призывы гигиенистов.

Глава 10 Домовая прислуга

Наличие домашней прислуги, ее количество и качество обслуживания являлись важным показателем благоустроенности жилища.

Иногда вышколенность домашней прислуги являлась даже поводом для тщеславия домохозяина.

Домовая прислуга (дворники, швейцары, водопроводчики) обслуживала дома и получала жалованье от домовладельца. Полотеры, трубочисты, золотари, маляры домашней прислугой не являлись – они не получали постоянного жалованья от домовладельца, оплата им выдавалась за выполненную разовую работу.

Домовая прислуга была исключительно мужская. Первые точные сведения о количестве домашней прислуги появились в переписи 1869 года – 22 тыс., что составляло около 3 % от количества жителей столицы.

Показателем степени благоустройства домов служило отношение количества домашней прислуги (дворников и швейцаров) к количеству жильцов. По этому критерию городские районы выглядели так (табл. 25).

Кстати, сегодня, по современным нормативам, Петербургу необходимо иметь 23 тысячи дворников, то есть менее 0,5 % от количества населения города, а фактически их всего 11 тысяч.

Стоит ли удивляться нынешнему состоянию наших дворов и лестниц?

Таблица 25

Доля домашней прислуги в населении Санкт-Петербурга (см. карту на с. 2–3)

Часть (район) города	Участок района	Относительное количество домовой прислуги (%)	Часть (район) города	Участок района	Относительное количество домовой прислуги (%)
Петербургская	4 (дачи)	11,3	Петербургская	2	1,9
Адмиралтейская	1	5,8	Выборгская	1	1,9
Спасская	2	5,0	Петербургская	1	1,8
Адмиралтейская	2	4,5	Спасская	4	1,4
Спасская	1	3,4	Нарвская	1	1,7
Казанская	3	3,2	Московская	3	1,7
Литейная	4	3,2	Рождественская	1	1,7
Васильевский остров	1	3,0	Коломенская	2	1,6
Литейная	1	2,9	Нарвская	2	1,6
Казанская	1	2,8	Нарвская	3	1,6
Литейная	2	2,6	Петербургская	2	1,6
Московская	1	2,6	Московская	4	1,5
Литейная	3	2,4	Алекса́ндро-Невская	3	1,5
Московская	2	2,2	Васильевский остров	3	1,5
Коломенская	1	2,2	Алекса́ндро-Невская	1	1,3
Выборгская	2 (дачи)	2,1	Спасская	3	1,2
Казанская	2	2,0	Алекса́ндро-Невская	2	1,0
Рождественская	2	2,0	Рождественская	3	1,0
Васильевский остров	2	1,9	Выборгская	3	0,9

Дворники

Аничков мост, где кони Клодта,
 Реки веселый поворот,
 Вон дева, ждущая кого-то,
 И дворник, спящий у ворот.

В. Княжнин. Фонтанка

Дворники были не во всех домовладениях. По переписи 1900 года 5 % домовладений (из 9635 – 518) обходились без дворников (табл. 26). Обычно это небольшие дома с количеством квартир в них менее 5. Обслуживать такой дом мог сам домовладелец.

Таблица 26

Количество дворников в зависимости от размера дома в 1900 году

Размер дома по числу квартир в нем	Количество домов	Количество дворников		Сокращение на лето в %	В среднем количество дворников на 1 дом
		зимой	летом		
1	692	537	526	2	Нет дворников в 1 из 4 домов
2P3	1085	923	898	3	Нет дворников в 1 из 6 домов
4P5	1057	971	869	11	То же
6P10	1867	2355	2165	8	1
11P20	2352	4345	3780	13	1P2
21P50	2154	6433	5755	11	2P3
51P100	348	1799	1560	13	4
Более 100	80	776	651	16	10
Всего	9635	18 139	16 204	11	—

Дворники имели жесткую иерархию. В младшие дворники шли обычно молодые здоровые крестьяне, пришедшие в город на заработки. С утра до вечера убирали они улицу перед домом, дворы, черные лестницы, разносили жильцам дрова по квартирам.

Уборка улиц отнимала немало времени и сил. Прежде всего потому, что транспорт был почти исключительно конный и на мостовых оставалось много навоза от лошадей. Но чистота поддерживалась, особенно в центре. За чистотой следила не только полиция, но и санитарная инспекция. Какая-либо механизация отсутствовала. Летом у каждого ворот стоял дворник с метлой и железным совком. Он тотчас же подбирал навоз, пока его не размесили колеса телег. При сухой погоде улицы поливались. В центре – из шлангов, подальше – из леек и ведер, так как шланги стоили дорого. Из шлангов же производилась поливка и промывка деревянных торцовых мостовых, их следовало содержать в особой чистоте, так как иначе они издавали неприятный запах.

Зимой тротуары очищались «под скребок» с обязательной посыпкой песком. Лишний снег с улиц сгребался широкими деревянными лопатами-движками в кучи и валы вдоль тротуаров. Сбрасывать снег в каналы и реки не разрешалось. Снег отвозился на специально отведенные свалки, что обходилось дорого. Поэтому около домов устанавливали снеготаялки: большие деревянные ящики, внутри них – железный «шатер», где горели дрова. Снег накидывали на этот «шатер», он таял, вода стекала в канализацию. (Деревянный ящик не горел, так как всегда был сырой.) Уборка улиц от снега производилась рано утром, а при больших снегопадах – несколько раз в день. Все это

делалось, разумеется, только в центре города. На окраинах снег до самой весны лежал сугробами.

Дворник. Фото начала XX в.

Жили дворники артельно в дворничьих, семьи их обычно оставались в деревне. Летом, когда работы становилось меньше, дворники по очереди ездили в деревню. Кроме жалованья от домовладельца они могли получать вознаграждение от жильцов за услуги, не входящие в их обязанности (выколотить ковер, передвинуть мебель, перенести багаж, поднять корзины с выстиранным бельем на чердак и т. п.). За каждым дворником закреплялись определенные лестницы или квартиры, с которых он получал чаевые при поздравлении с Рождеством, Пасхой, именинами.

Одевались дворники по-городскому: сапоги, пиджак, жилетка, фуражка. Работали в белых фартуках. Поработав младшим дворником и скопив в городе денег, большинство крестьян возвращались к себе в деревню.

Те, кто оставался в городе насовсем, обычно становились дежурными дворниками. С бляхой и свистком они дежурили у ворот, следили за порядком, не пускали во двор шарманщиков и разносчиков, не разрешали выносить вещи без сопровождения жильца. Они же на ночь запирали ворота и сидели в подворотне, дожидаясь запоздалых жильцов. За отмыкание ворот для опоздавших они получали от них дополнительный доход к жалованью.

Вот как эту сцену описывает В.А. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» (глава «Драматурги из «Собачьего зала»): «Кто еще? – прохрипели со двора. Калитка отворилась, со двора пахло зловонием, и мы прошли мимо дворника в тулупе, с громадной дубиной в руках». А это отрывок из романа А. Белого «Петербург» (глава «Опять печальный и грустный»): «Александр Иванович звонился множество раз у ворот

своего сурового дома; дворник не открывал ему; за воротами на звонок лишь отвечал лаем пес; издали одиноко подал голос полуночный петух; и – замер».

Старшим дворником становился через много лет службы самый расторопный, усердный и сообразительный из дворников, к которому домовладелец испытывал особое доверие. Ведь в ведение тому отдавался дом. Старший сам уже не выполнял физической работы, а руководил работой прочих дворников, общался с жильцами, иногда некоторые домохозяева поручали ему даже сбор квартплаты. Став старшим дворником, человек обычно привозил свою семью из деревни. Ему полагалась отдельная дворницкая. Хозяйское жалованье он получал примерно в два раза выше, чем младшие дворники.

В своих воспоминаниях Д.А. Засосов, чей отец служил управляющим большого домовладения братьев Тарасовых, подробно описал жизнь дворников: «У Тарасовых было два старших дворника и около 30 младших, обслуживавших все домохозяйство. Старшие дворники подбирали из родни или земляков себе подручных – младших дворников, здоровых, нестарых крестьян, которых деревня выбрасывала в город на заработки. В большинстве это были неграмотные или малограмотные люди, от них требовались большая сила, трудолюбие, чистоплотность и честность. Жили они по дворницким, обыкновенно без семей, своего рода артелью. Харчи им готовила „матка“, жена старшего дворника. Старшие дворники получали по 40 рублей, младшие – по 18–20 рублей. Старшие дворники были начальством, они не работали, а распоряжались и наблюдали за работой дворников. Был такой старший дворник Григорий, толстый рыжий детина, большая умница, получивший среди жильцов прозвище Министр. Каждое его слово было дельно, он умел правильно обходиться с подчиненными, дворники его уважали и боялись. Порядок на его участке был образцовый. Дворники с утра до вечера убирали улицы, дворы, лестницы, разносили дрова по квартирам (в домах Тарасовых центрального отопления, ванн и лифтов не было). Особенно доставалось этим труженикам зимой при снегопадах: надо было скребками вычистить все панели, посыпать их песком, сгрести в кучи снег с улиц и дворов, на лошади отвезти снег в снеготаялку. Во дворе были две бетонные ямы, куда поступала из бань отработанная теплая вода, в них ссыпали снег, он таял, вода уходила в канализацию. Летом дворникам было легче, они по очереди могли уезжать в деревню: кто на пахоту, кто на сенокос, кто на уборку. Жалованье им шло, артель выполняла работу и за них. Кроме своего жалованья они получали чаевые за услуги жильцам: выколачивали ковры, завязывали и выносили вещи при отъезде жильцов на дачи, носили корзины с бельем на чердаки. Жили они очень экономно, копили деньги для деревни, где у них оставались семьи. Доход у них был также от „поздравлений с Новым годом, с Пасхой; они знали, кто когда именинник, и обходили жильцов, проживающих по отведенной каждому лестнице. За такие поздравления им не только давали на чай, но и угощали водочкой и закуской. Многие из них старались одеться по-городскому, завести хромовые сапоги, пиджак, жилетку, гарусный шарф».

Швейцары

Швейцар в поклоне не уменьшил рост...

В. Маяковский. «Последняя петербургская сказка»

Из дворников с возрастом можно было перейти в швейцары. Особое внимание обращалось на благообразие внешности и солидность кандидата (швейцары традиционно носили окладистые бороды). Отставные военные, ценимые за выправку и бравый вид, также часто становились швейцарами.

Основная функция швейцара – следить за чистотой и порядком на лестнице. Швейцары топили камины или печи, обогревающие вестибюль и лестницу, убирали парадную лестницу (черную убирали дворники), натирали мозаичные площадки для блеска постным маслом, чистили медные ручки дверей. Ночью по звонку запоздавшего жильца отпирали дверь. Если приходил незнакомый человек, они спрашивали, к кому он идет, и указывали нужную квартиру, если кто-нибудь незнакомый выносил вещи, они сначала спрашивали согласия у хозяев и только тогда выпускали. В их ведении находился лифт, швейцары выполняли функцию лифтеров, не допуская жильцов к управлению сложной подъемной машиной. Обычно швейцар получал почту, а от него письма разбирались жильцами. С появлением первых телефонов аппараты устанавливались сначала для общего пользования жильцов, обязанностью швейцаров стало приглашать к телефону.

Хозяин выдавал швейцарам обмундирование – ливрею, фуражку с золотым позументом.

Швейцары пользовались доверием хозяев квартир, часто при отъездах на дачи им оставляли ключи от квартиры, поручали поливать цветы. Как правило, кроме жалованья от хозяина они получали деньги еще и от квартирохозяев. Они старались как можно лучше обслужить своих жильцов, оказывать им разные услуги.

Те парадные, где не было швейцаров, на ночь запирались, и обслуживали их ночные дежурные дворники, вызываемые по звонку. «Интересно отметить, – вспоминал Д.А. Засосов, – что до самой революции в доме Тарасовых для вызова дворников звонки были не электрические, а воздушные – за розеткой кнопки находилась большая резиновая груша, от нее шла тонкая свинцовая трубка к звонку, при нажатии кнопки воздух нажимал язычок звонка и колебал его. К квартирам с лестниц звонки обычно были ручные».

Количество швейцаров в доме соответствовало количеству парадных лестниц, выходящих на улицу. В объявлениях о сдаче «барских» квартир особо подчеркивалась «лестница с ковром и швейцаром» как качественная характеристика квартиры и, соответственно, ее цены.

Водопроводчики

С распространением водопровода в последней четверти XIX века в крупных домовладениях (от 50 квартир и более) стали появляться водопроводчики. Это был совершенно другой тип домовой прислуги. Обычно водопроводчик – городской грамотный рабочий, разбирающийся в сложном санитарно-техническом оборудовании. Он получал высокую плату от домовладельца, в полтора-два раза превышающую доходы старшего дворника. Снова цитирую Д.А. Засосова: «При доме жил водопроводчик Степан, великолепный слесарь, на нем лежало все водопроводное хозяйство огромного дома, он один отлично со всем справлялся. От хозяина он имел небольшую квартирку и

мастерскую. На двери мастерской висела черная доска, на ней он писал, в какой квартире он работает, его всегда можно было найти. Этот умный мастер никогда не допускал аварий, а предупреждал их, хорошо понимая, что так ему будет легче. Получал он 35 рублей в месяц. Кроме обязанностей водопроводчика он выполнял частные работы: чинил кастрюли, лудил их, исправлял разные предметы домашнего обихода жильцов и даже чинил „аристоны“ – музыкальные ящики. Он отличался передовыми взглядами, читал газеты, высказывал смело свое мнение, его уважали и понимали, что с ним надо считаться. Проработав около 10 лет у Тарасовых, он ушел на Путиловский завод».

Жилища домовой прислуги

Швейцар с семьей жил в швейцарской, располагавшейся под парадной лестницей. Старший дворник также жил семейно, младшие дворники – артельно. Под дворницкие отводили неудобные (например, вход в помещение из-под арки), темные или подвальные квартиры. Водопроводчик с семьей жил в подвальной квартире на заднем дворе (табл. 27).

Таблица 27

Количество квартир домовой прислуги и их доля в жилищном фонде (см. карту на с. 2–3)

Часть (район) города	Количество квартир	
	штук	процентное соотношение
Адмиралтейская	841	13,1
Алекса́ндро-Невская	401	4,1
Васильевский остров	1025	6,8
Выборгская	410	4,6
Казанская	636	7,4
Коломенская	216	2,4
Литейная	1528	9,5
Московская	1301	6,9
Нарвская	604	5,1
Петербургская	929	6,7
Рождественская	614	5,9
Спасская	662	4,7

Чаще всего жилые помещения домовой прислуги представляли собой одну комнату – $\frac{4}{5}$ квартир были однокомнатные; $\frac{2}{3}$ квартир не имели ни прихожей, ни кухни, готовили прямо в жилых комнатах. Ничтожное количество из них были оборудованы кухней и прихожей – всего 4 %. С распространением водопроводного снабжения почти половина (43 %) жилья домовой прислуги имели водопроводы.

Половина количества городской домовой прислуги пользовалась общим отхожим местом и еще четверть имела простое отхожее место в своей квартире. Четверть дворников и швейцаров пользовались ватерклозетом, причем 18 % имели ватерклозет в квартире, остальные пользовались общественным.

Пятая часть жилых помещений домашней прислуги освещалась электричеством и только 1 % – газовым освещением (табл. 28).

Таблица 28 Степень благоустройства дворницких, швейцарских и кучерских помещений

Признак благоустройства	Количество комнат в квартире			Всего квартир
	1 комната	2 комнаты	3–5 комнат	
Окно на улицу	1213	159	36	1408
Окно во двор	8093	1285	347	9725
Кухня и прихожая	169	156	139	464
Кухня	1994	1153	304	3451
Прихожая	80	24	6	110
Без кухни и прихожей	7589	343	58	7990
Водопровод	3832	1020	338	5190
Ватерклозет свой	1304	603	247	2154
Ватерклозет общий	994	123	32	1149
Простое отхожее место	2410	424	142	2976
Общее отхожее место	5124	526	86	5736
Газовое освещение	119	9	2	130
Электричество	2030	408	119	2557
Всего квартир:	9832	1676	507	12 015

Так жила домашняя прислуга в Петербурге в конце XIX века.

Раздел III Петербургские квартиры

Глава 11 «Барские» квартиры

Дом стоит близ Мойки – вензеля в коронах
Скрасили балкон.
В доме роскошь – мрамор – хоры на колоннах —

Расписной плафон.

Я. Полонский. Миазм

Многокомнатная «барская» квартира редко находилась в собственности только у домовладельцев, обычно ее сдавали. Арендаторами «барских» квартир были аристократическое и крупное чиновное дворянство, промышленники и банкиры, небольшая группа творческой интеллигенции. В Петербурге к концу XIX века «барская» квартира практически вытеснила особняк как жилище высших городских слоев.

Простите мне повтор, но он здесь уместен. По переписи Петербурга 1890 года каждая десятая квартира состояла из 6 и более комнат (6-10-комнатных квартир было 9,2 %, а квартиры с числом комнат более 11 составляли всего 1,5 %).

Но только чуть больше половины из них (7,2 %) представляли собой по использованию подлинно «барские» квартиры, то есть в них проживала одна семья с домохозяйками и прислугой. (Остальные крупные квартиры использовались под учреждения или торговоремесленные заведения, а также под угловых и коечных жильцов. Эти квартиры мы рассмотрим далее.)

Плата за арендованную «барскую» квартиру составляла от 2 до 5 тысяч рублей в год, что являлось примерно 20 % жалованья чиновников, получавших 10–30 тысяч рублей в год.

Рассмотрим подробнее все помещения жилищ привилегированных слоев, их назначение и внутреннее убранство. В этом нам помогут образы идеального жилища, созданные для середины XIX века Е.А. Авдеевой в ее «Полной хозяйственной книге», а для конца XIX века – петербургским архитектором В.С. Карповичем в аналитической книге «Особняки в городе и деревне» и архитектором Г.М. Судейкиным в «Альбоме проектов дач, особняков, доходных домов, служб и т. п. с чертежами и рисунками», где представлены планы 6 «барских» квартир доходных домов с указанием размеров, возможного использования помещения и вариантами расстановки мебели.

Представить фактическое положение дел поможет нам художественная литература, воспоминания, живописные и фотографические изображения интерьеров, а также данные петербургских переписей 1881, 1890, 1900 годов. Также кто-то может просто побывать в «барских» квартирах XIX века, поскольку именно эти добротные построенные жилища хорошо сохранились, и часто именно по ним поспешно судят наши современники о дореволюционном жилье вообще, завистливо говоря: «Вот жили же люди!», забывая, что в Петербурге только 7 семей из 100 жили в большой квартире (от 6 комнат) благоустроенного каменного доходного дома.

Итак, приглашаем пройти по «барской» квартире.

Парадные помещения

«Мраморная лестница с ковром и швейцаром»

Как уже упоминалось выше, квартира всегда имела два входа – парадный для хозяев и их гостей и «черный», которым пользовалась повседневно прислуга. Парадный вход, подчеркнутый архитектурно (иногда – под «зонтиком» на чугунных опорах), вел в вестибюль, часто расписанный под мрамор или каменную кладку. От него колоннами или аркой отделялась парадная лестница в один или в два марша, покрытая ковром, с перилами-балюстрадами и с плафоном на потолке.

«Барские» квартиры располагались в бельэтаже или во втором этаже. Вход – всегда с улицы по парадной лестнице, украшенной цветами, на пологих, широких ступенях обязательно настилали ковры. Сейчас на многих парадных лестницах еще сохраняются металлические ковровые кольца, в них вставлялся металлический прут, придерживавший ковер. Лестницы отапливались чаще всего каминами. Входящих встречал швейцар. В рекламных объявлениях того времени единственное, что указывало на качественную характеристику квартиры, было не количество комнат, а именно состояние лестницы. Сформировался даже несколько нелепый рекламный штамп – «мраморная лестница с ковром и швейцаром». В рассматриваемое нами время начинают появляться лифты. Также как показатель «барственности» квартиры в конце века всегда указывалось в объявлениях наличие подъемной машины (словом «лифт» еще практически не пользовались), даже если речь шла о квартире на 1-м этаже.

Вход в квартиру

Внутри квартиры при входе висел колокольчик, он звенел, если потянуть присоединенный к нему тросик за кольцо или круглую рукоятку, находившиеся снаружи у входной двери в квартиру. Позже от подвесных колокольчиков и тросиков-тяг избавились. Их заменили компактные механические звонки (конструктивно схожие с нынешними велосипедными), устанавливаемые изнутри на филенке входной двери. Ось звонка через отверстие в дверь выводилась наружу и на нее насаживалась аккуратная рукояточка. На декоративной планке под рукояткой красовалась надпись «Прошу повернуть». С 1870-х годов появляется дорогая, престижная игрушка – электрический звонок.

На дверях квартиры нередко крепилась из полированной меди или латуни табличка с выгравированной на ней фамилией жильца, с указанием его должности или профессии.

За входной дверью всегда находился тамбур – небольшое пространство между двумя дверями, на расстоянии примерно один аршин (70 см) друг от друга, который служил для ограничения поступления холодного воздуха. Иногда вторая (внутренняя) дверь была со стеклом.

Из тамбура попадали в переднюю, в небольшое вытянутое помещение (2,5 аршина в ширину и 4 аршина в длину) – 12 кв. м, оно также препятствовало проникновению холодного воздуха в жилые комнаты и было первым отапливаемым помещением (иногда – камином, иногда – стенкой печки из соседнего помещения). Для удобства мытья в передней пол обычно делался мозаичным или плиточным.

Следующая комната, где снимали верхнюю одежду, – вестибюль. Из мебели там – шкаф или ниша для одежды, если рядом не было специального помещения – гардеробной. Иногда при отсутствии вестибюля верхнюю одежду снимали в передней.

Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят...

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин», гл. 1

Горничные в прихожей квартиры артистки Л. Ветлужской.

Фото 1910-х гг.

Рядом могла быть и лакейская, где на сундуках, расставленных вдоль стен, ждали своих хозяев приехавшие с гостями лакеи.

Из передних комнат попадали в анфиладу помещений. Они делились на три зоны: парадные комнаты (выходящие окнами на улицу, большие по площади, с лепными потолками и паркетными полами, отапливаемые изразцовыми печами или каминами), внутренние личные жилые и хозяйственные комнаты (выходящие окнами во двор, где помещались хранилища нечистот, или даже на черную лестницу, освещались скудно, полы – дощатые).

Парадные интерьеры

Все парадные помещения – это высокие, просторные комнаты, располагавшиеся анфиладой вдоль уличного фасада. Потолки украшались лепкой или расписным плафоном. Освещались парадные помещения люстрами и канделябрами, хрустальными, бронзовыми или умело выполненными из позолоченного левкаса и папье-маше, имитирующих бронзу. Именно в парадных комнатах появлялись в первую очередь все новые типы освещения. Полы всегда делались паркетные, их натирали специально приглашаемые два – три раза в год полотеры. Иногда настился наборный паркет сложного рисунка из редких привозных пород дерева.

Для отопления применяли камины или печи, украшенные фигурными изразцами, они более походили на архитектурные украшения, чем на отопительные приборы. Кафельные печи в стиле классицизма в домах первой половины XIX века являлись предметом своеобразного щегольства и неотъемлемой частью интерьера. В одних случаях своей нарядной «архитектурой» они подчеркивали парадность помещения, в других – более скромным обликом вносили в комнаты элемент жилого уюта.

Камин. Середина XIX в.

Во многих домах анфилада по концам заканчивалась зеркалами, создававшими иллюзию ее бесконечности, тем самым подчеркивая богатство дома. Особую парадность комнатам придавали двери, богато украшенные резьбой, иногда из красного дерева с резными золочеными украшениями.

Использование парадных помещений

Рассмотрим более подробно особенности использования каждого парадного помещения. Гостиная, зал или зала, традиционно – самая большая, светлая и лучшая комната, служившая для приема гостей. Зал освещался через огромные окна, а иногда он был даже двухсветным, с колоннами вдоль стен, с хорами для музыкантов и с большими печами из белых изразцов, с колонками, пилястрами, карнизами, аттиками, вазами или рельефами на античные темы. Топки этих печей чаще устраивались со стороны коридора. Колонны, а иногда и стены зала облицовывались искусственным мрамором, но, как правило, стены украшались росписью или просто однотипно окрашивались. За залом шли одна или две, а иногда и три гостиные, убранные еще более изысканно, чем зал. Здесь также были и колонны, и закругленные углы с великолепными кафельными печами, и росписи, и тонко выполненные барельефы мифологического содержания над дверьми. Часто вместо дверей комнаты разделялись арками с колоннами, составляя части одного большого парадного помещения. Цвет окраски стен и обивки мебели давал название комнатам – синяя, голубая, розовая или малиновая гостиная.

Столовая иногда соединялась аркой с гостиной, но обычно отделялась широкими двустворчатыми дверями. Практика званых обедов предполагала размер столовой не менее 7 на 9 аршин, то есть более 30 кв. м. Посредине ставили огромный стол в окружении стульев. Вот описание столовой Печориных из романа «Княгиня Лиговская» М.Ю. Лермонтова. Это «была роскошно убранная комната, увешанная картинами в огромных золотых рамах, их темная и старинная живопись находилась в резкой противоположности с украшениями комнаты, легкими, как все, что в новейшем вкусе».

Кабинет купца I гильдии Г.Г. Елисеева. Фото начала 1900-х гг.

К столовой могла примыкать буфетная. Если же отдельной буфетной не было, то буфеты и горки с посудой и столовым бельем расставлялись вдоль стен столовой.

Одной из самых богатых по убранству комнат анфилады обычно бывала парадная спальня, с альковом, выделенным колоннами цветного искусственного мрамора, с расписным плафоном, зеркалами и т. п. Альков занимала нарядная кровать, на которой никто никогда не спал. Часть комнаты у окон, перед альковом, обставлялась как гостиная. Здесь хозяйка дома принимала наиболее близких гостей, пришедших лично к ней.

За парадной спальней анфилада комнат заканчивалась небольшой диванной, с мягкими, уютными диванами по стенам. Она служила будуаром хозяйке дома. Часто стены этой комнаты украшались росписью под боскет или трельяжную беседку, увитую зеленью. Будуар – парадное помещение, несмотря на достаточно кажущийся интимный характер его предназначения.

...Одинокий

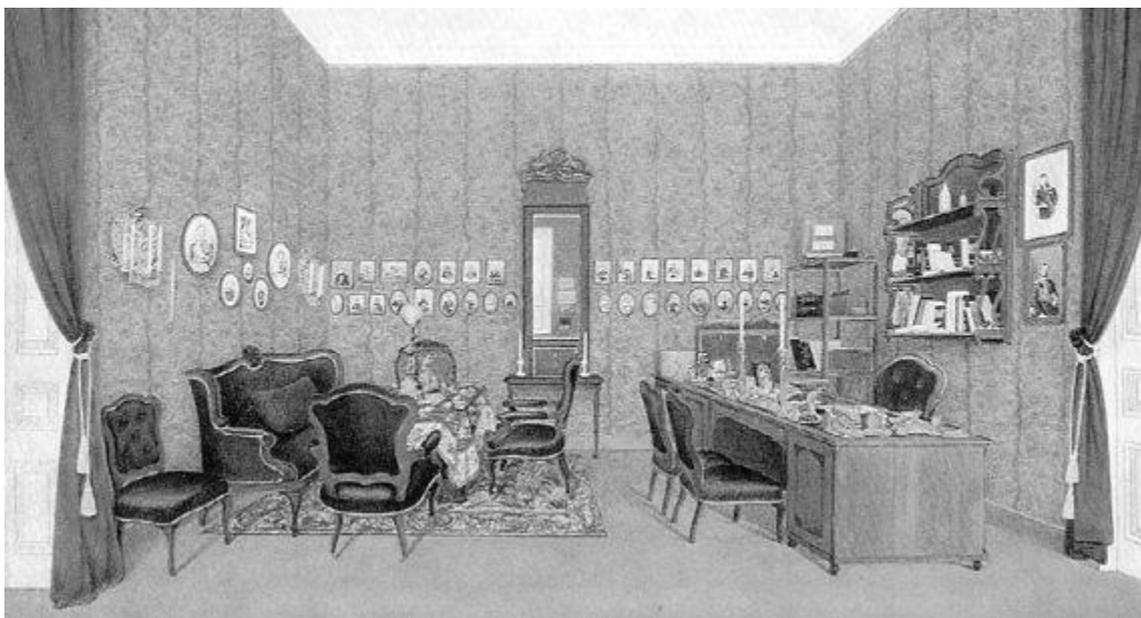
И молчаливый кабинет

От спальни столь далекий.

А. Ф. Воейков. Послание к жене и друзьям

Местоположение кабинета в квартире и его размер сильно зависели от рода деятельности хозяина. Вход в кабинет был из вестибюля, если к хозяину постоянно ходили посетители, в некоторых случаях перед кабинетом могла быть приемная. Если же к хозяину не ходили посетители, то кабинет располагался в глубине квартиры – ради тишины, необходимой для работы. При возможности библиотеку помещали отдельно, обычно в темной комнате.

Собственно кабинет и будуар – это все, что осталось в квартирах от мужской и женской половин особняков XVIII века.

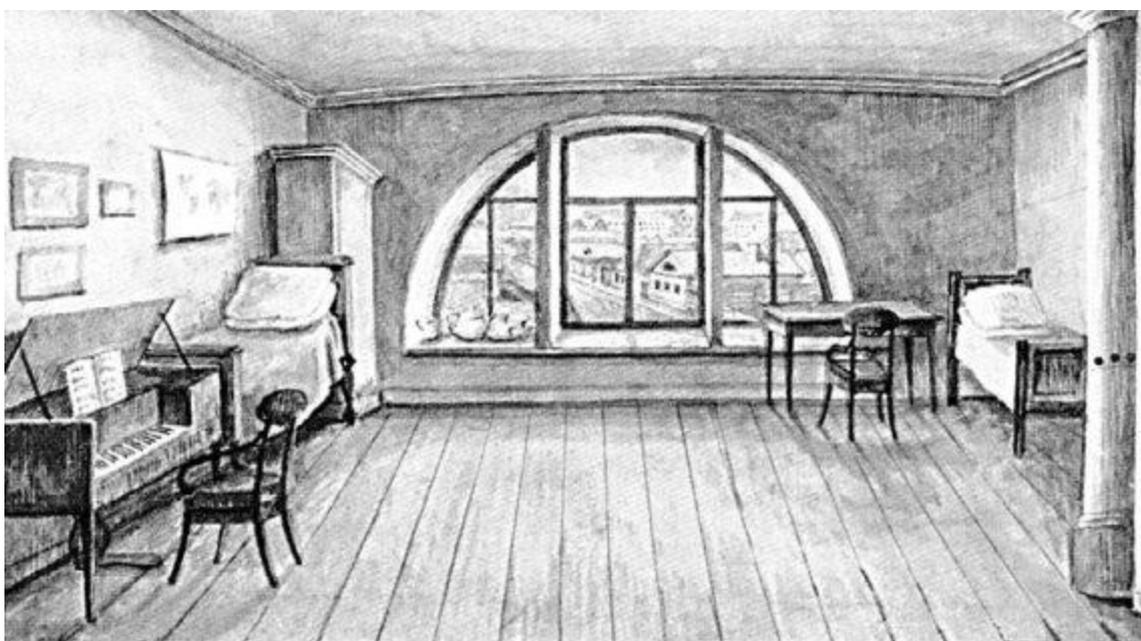

Рабочий кабинет. Акварель П. Шестакова. 1859 г.

Внутренние (личные) комнаты

Вдоль дворового фасада располагались внутренние комнаты, так же как парадные помещения, они соединялись анфиладно, но все окна их выходили во двор. С середины XIX века именно эти комнаты в первую очередь постепенно становились изолированными, вход в них стали делать из коридора.

Личные комнаты было принято делать небольших размеров и при высоте помещений около 5 метров (что обычно для «барских» квартир), над личной половиной делали лишний этаж – жилые антресоли, поэтому количество этажей уличного и дворового фасадов одного и того же дома могло быть различным. На антресоли вела узкая и крутая деревянная лестница. Комнаты антресольного этажа были невысокими, часто с полами на разных уровнях из-за разной высоты расположенных под ними помещений. Комнаты соединялись между собой ступеньками. Небольшие окна располагались невысоко от пола. Полы в личных комнатах – дощатые, массово их красить начали лишь в последней трети XIX века.

Личные жилые комнаты располагались в низких антресолях.

С картины 1847 г.

Спальня в барской квартире. Фото 1915 г.

Отапливались комнаты при помощи круглых печей, расположенных или в углу комнаты, или в межкомнатных стенах – такие печи обогревали сразу две комнаты. Антресоли очень ценились за теплоту и уют, там любили размещать детские комнаты и комнаты для пожилых уважаемых домочадцев.

Спальня – небольшая по размеру комната, размером 12 кв. м (5 на 5 аршинов), обычно обставлялась крайне просто, в ней размещалась одна большая кровать или две.

Гигиенисты второй половины XIX века выступали с резкой критикой устройства спален в тесных, низких и душных комнатах.

В туалетной комнате (или уборной) устраивалось некое подобие шкафа, в нем прятался умывальник, и стояло кресло-«удобство» для отправления естественных надобностей, туалетный столик с зеркалом хозяйки квартиры.

Если не было специальной туалетной комнаты, то умывальник и подобное кресло находились в спальне за ширмой. Если отсутствовала отдельная гардеробная, то шкафы для одежды ставили в спальне. Чрезвычайно редко выделялась темная комната под молельню. Обычно семейные иконы размещали в спальне.

Иногда во внутренней половине квартиры делали второй кабинет хозяина дома – рабочий, в отличие от парадного. Особенная необходимость в двух кабинетах возникала, если по роду своей деятельности хозяин дома принимал посетителей на дому. Мужчина мог спать у себя в кабинете, женщина же всегда – в спальне. Постепенно с середины XIX века исчезало дублирование помещений – «парадной» и «вседневной» спален, «приемного» и «рабочего» кабинетов.

Изредка среди личных комнат выделяли рабочую комнату, где женщина проводила время за рукоделием или ведением «документации» домашнего хозяйства. Обставлялась эта комната мебелью не роскошной, как в парадных помещениях, но очень приличной. Не обязательно гарнитур, чаще отдельные предметы, но красного дерева: диван, столик для рукоделья, трельяж, дамский письменный столик, иногда секретер. Располагалась рабочая комната обычно между спальней и детской.

Под детскую отводили довольно просторную и самую теплую комнату, по возможности солнечную, хотя это редко удавалось в Петербурге, поскольку окна детской, как и других жилых комнат, выходили во дворы-колодцы. Из соображений безопасности топка обогревательной печи в детской делалась из коридора или из другой комнаты. Иногда оборудовалась отдельная комната для занятий, если дети получали домашнее образование, что в начале XIX века было обычным явлением, но к концу века это становится чрезвычайно редким.

Интересно отметить, что индивидуализация сознания совершенно не коснулась детей. По просмотренным многочисленным планам квартир оказалось, что все петербургские квартиры независимо от количества комнат имели только одну детскую. Мне попался только один проект с двумя детскими комнатами. Иногда встречались планы с двумя спальнями, одна из которых, можно предположить, предназначалась для взрослеющих детей. Отсутствие отдельных комнат у детей косвенно подтверждается и другими источниками – воспоминаниями. Независимо от величины квартиры или особняка имелась одна детская, в ней вместе жили братья и сестры. Если разновозрастных детей было много, то младенец мог находиться в комнате кормилицы или няни.

Отдельные комнаты предоставлялись лет с 16–17, когда человек переставал считаться ребенком. Так, в воспоминаниях великого князя Александра Михайловича, племянника императора Николая I, отмечено, что пятеро братьев спали в одной комнате. Причем старшему, Николаю, в будущем – известному историку, было 17 лет, а Алексею – всего 7 лет, и только годовалый Сергей вместе с кормилицей размещался отдельно. В великокняжеском дворце трудно предположить недостаток комнат.

Аналогичную ситуацию встречаем и в воспоминаниях выдающегося математика Софьи Ковалевской. Десятилетняя, она жила в общей детской с 17-летней старшей сестрой и с 4-летним младшим братом. Сам этот факт столь зауряден, что вряд ли нашел бы отражение в воспоминаниях. Софья упоминает об этом, чтобы проиллюстрировать необыкновенно капризный характер своей старшей сестры, не желавшей больше жить с малышкой и потребовавшей отдельную комнату. Несмотря на то что для отделения девочки имелась реальная возможность (семья жила в огромном особняке, и Софья вспоминает о множестве темных пустующих комнат, которые надо пробегать, чтобы попасть к отцу в кабинет), родители встали в тупик от дикого, по их мнению, требования дочери. Может быть, поэтому они предложили девушке довольно странный вариант: жить вместе с гувернанткой. Но воспротивилась сама гувернантка, и от этого варианта отказались. Матери, к большому ее неудовольствию, пришлось поселить дочь в комнате рядом со своим будуаром. Весь XIX век у ребенка не предполагалась потребность в уединении. Обстановка детских комнат долго оставалась крайне простой, специальная детская мебель начала появляться лишь на рубеже XIX и XX веков под влиянием идей гигиенистов.

Все это свидетельствует о довольно своеобразном отношении к детям. Нам, выросшим в детоцентристских семьях, где и размещение по комнатам, и режим семьи, и семейный бюджет – все подчинено интересам ребенка, трудно представить, что всего сто лет назад жилищные потребности детей учитывались наряду с интересами прислуги.

Служебные помещения

Во внутренней половине квартир, кроме личных комнат, располагались и служебные помещения, они группировались около черной лестницы и от «барских» комнат отделялись маленьким коридорчиком, чтобы у господ не чувствовался запах кухни. В последней трети XIX века деревянные полы хозяйственных помещений начали заменять плиточными или асфальтовыми.

Кухня обычно занимала от 12 до 30 квадратных метров. В кухнях было тесно: большую площадь занимала плита (2–3 кв. м), за нею располагалось спальное место для кухарки (2 кв. м).

В кухонные очаги были вделаны открытые чугунные котлы, в них мыли посуду. От постоянно подогреваемого жира, скопившегося на стенках этих котлов, в кухнях стоял удушающий чад. Иногда на кухнях стирали, встречаются упоминания о специальных баках для «варки» (кипячения) белья, вмурованных в плиты. Обычно же стирали в прачечных, находившихся в подвалах всех домов.

Примус и чайник.

Конец XIX – начало XX в.

Прислуга, как правило, не имела отдельного жилого помещения; спали кто где: кухарка – за печкой на кухне, лакеи – на сундуках в передней или в вестибюле, горничные – в гостиных или в будуаре, нянька – в детской. Лишь в последней четверти XIX века начали выделять специальные комнаты. В новых квартирах они специально планировались, старые квартиры переоборудовались.

Рядом с неотапливаемой черной лестницей нередко делалась кладовая комната, чулан, где хранились съестные припасы и домашний скарб. Это помещение не отапливалось и не имело окон.

А вот помещение для клозета, а впоследствии и ватерклозета, всегда делалось с окном. Несмотря на то что клозет из-за запаха располагался на служебной половине квартиры, пользовались им лишь хозяева, но не прислуга, те отправляли естественные надобности в отхожих местах на черной лестнице.

Ванная комната иногда располагалась около спальни, если это позволяло расположение водопроводного и канализационного стояков. Чаще же она находилась между кухней и клозетом. Когда появились ватерклозеты, то их обычно объединяли с ванной. Ванная комната делалась не менее 8 кв. м и имела окно для проветривания.

Вот мы с вами и обошли всю «барскую» квартиру: полюбовались блестящей холодной парадной анфиладой, ощутили теплый уют личных комнат, очутились в кухонном чаду и заглянули в самые дальние уголки чуланов.

Размер «барской» квартиры диктовался не количеством членов семьи и необходимых комнат, а исключительно соображениями престижа. «Вы изумитесь – писал А. Башуцкий, – убедясь, что семейство, вовсе не из первоклассно богатых, состоящее из трех, четырех лиц, имеет надобность в 12 и 15 комнатах». В чем же заключалась причина подобной «надобности»? Оказывается, в том, что «помещения соображены здесь вовсе не с необходимостью семейств, но с требованием приличия... Кто из людей, живущих в вихре света и моды, не согласится лучше расстроить свои дела, нежели прослыть человеком безвкусным, совершенно бедным или смешным скупцом? Насмешка и мнение сильны здесь, как и везде».

Глава 12 Обычная средняя квартира

Наша улица улиц столичных краса,
В ней дома все в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.

Н.А. Некрасов. Из цикла «О погоде»

В среднем 3-5-комнатные квартиры составляли по городу 40 % от общего числа. Естественно, что доля таких квартир была устойчиво высокая в центральных районах (см. карту на с. 2–3), а в трех участках они составляли более половины квартир, предназначенных только для жилья (Московском 2-м – 53 %, Казанском 3-м – 51 %, Петербургском 1-м – 50 %). Доля 3-5-комнатных квартир падала к окраинам, причем особенно резко заметно среди квартир, занятых под жилье и заведения: в 10 участках их было менее 30 %.

Стоимость их аренды – от 500 до 1 тысячи рублей в год. Но реальная цена часто оказывалась выше, поскольку спрос на подобные квартиры был велик.

Квартира петербургской интеллигенции

Практически вся петербургская интеллигенция проживала в таких средних по величине квартирах. Слово «интеллигенция» в XIX веке еще не вошло в широкий обиход. По-тогдашнему – это чиновники (то есть работающие в государственных учреждениях) или разночинцы (работающие на частных предприятиях): инженеры частных заводов, служащие частных банков, преподаватели частных гимназий, врачи частных клиник; а также специалисты, имеющие частную практику: врачи, нотариусы, адвокаты; или люди свободных профессий: актеры, художники, писатели, живущие на свои гонорары.

Отличительная черта в использовании средних (3-5-комнатных квартир) – ежегодная смена их жильцами. Только очень состоятельные люди снимали дачи, сохраняя за собой городские квартиры. Обычный же средний петербуржец, снимая дачу, съезжал с квартиры, а на зиму снимал, чаще всего, уже другую.

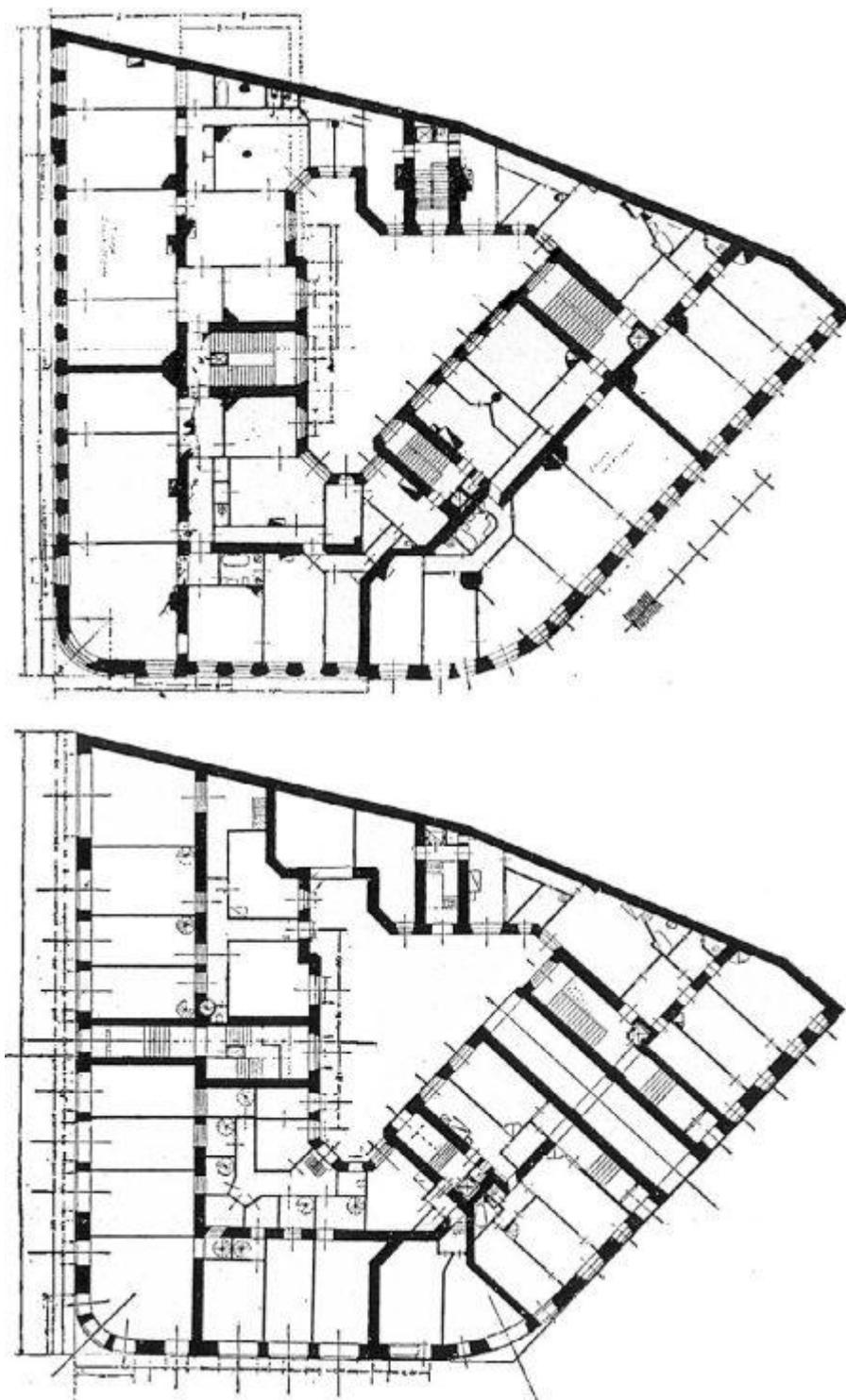
Эта группа населения была чрезвычайно мобильна. Снимали квартиру они на 7–9 месяцев, а лето проводили на даче. Причем на даче старались прожить как можно дольше (с апреля до начала октября), поскольку дача оплачивалась не ежемесячно, как квартиры, а за весь сезон. Требования к дачному быту были совершенно иными, чем в городе. Так, если чиновник в городе снимал четырехкомнатную квартиру, то для дачи ему вполне доставало двух комнат, да и комнаты там были значительно меньше по площади. Лишнюю мебель приходилось на лето сдавать в городе на хранение на специальные склады. Также нетребовательно относились и к бытовым дачным удобствам, а точнее – к их отсутствию.

А осенью опять начинались поиски новой квартиры. Проследив за несколько лет по адресным книгам «Весь Петербург» перемещения более 200 чиновников, выяснилось, что практически все они (92 %) ежегодно меняли адрес.

План доходного дома. Каменноостровский пр., 37. Начало XX в.

Подавляющее большинство их (78 %) снимали квартиру в непосредственной близости (не далее 5 кварталов) от места службы. На работу ходили пешком. Этот слой населения собственным выездом не обладал, а пользоваться извозчиком регулярно не было возможности. На общественном транспорте ездили на работу и с работы только летом при дачной жизни, что воспринималось как подвиг. Вся семья, нарядно одетая, встречала отца или на железнодорожной платформе, или на станции дилижансов – это был своеобразный ритуал дачной жизни, многократно описанный писателями, особенно – сатириками.

План доходного дома. Каменноостровский пр., 37. Начало XX в.

Но вот любопытная деталь: меня квартиру, почти половина семей снимала ее у того же домовладельца, и еще 23 % – в том же квартале. Петербуржца тысячи нитей связывали с привычным местом, но не с квартирой. Важно, что знакомый лавочник опять откроет кредит, та же молочница будет приносить молоко, той же прачке можно отдавать белье, тот же водовоз привезет воду. Возможно, именно эта связь с определенным местом создавала иллюзию стабильности существования.

Попробуем представить, как выглядела квартира петербургского интеллигента. А.И. Тилинский в «Практической строительной книжке. Пособие для строителей,

домовладельцев и лиц, причастных к строительному делу», изданной в Петербурге в 1911 году, указывал, что строительными нормативами в квартире средней величины рекомендовалось иметь: переднюю – 3 кв. саженей (13 кв. м); зал и столовую по 10 кв. саженей (40 кв. м); кабинет, спальню, детскую, кухню по 6 кв. саженей (25 кв. м), такую же площадь должна была иметь и комната для гувернантки; а для прислуги (не на одного, разумеется, человека) даже 8 кв. саженей (33 кв. м).

Но в реальности площадь комнат в средних квартирах составляла от 16 до 24 кв. м. Причем, в отличие от «барских», в квартирах интеллигенции контраст между величиной и убранством парадных и личных жилых комнат оказывался не столь разителен.

Из темной (без окна) прихожей (передней) с вешалкой и зеркалом попадали в «залу», или гостиную, она же одновременно служила и столовой. Кабинет имелся, если только в нем возникала рабочая необходимость. У врача приемная и кабинет примерно одного размера, а у инженера – маленькая приемная и большой кабинет. У коммерсантов контора всегда располагалась вне жилого помещения, также и у художника студия-мастерская – вне дома. Под спальню и детскую в большинстве случаев отводили небольшие, иногда полутемные комнаты, оставляя лучшие для гостиной и кабинета. Особенно тесно бывало в детской, где жили все дети с няней. Кухни также невелики, от 8 кв. м, обыкновенно в одно окно. Прислуга не имела отдельного помещения: кухарка спала в кухне, а нянька – в детской. Полы в парадных комнатах – паркет, а в других окрашены масляной краской (темной охрой).

Типичную среднюю петербургскую квартиру описал в рассказе «Старый либерал и его питомица» Д.В. Аверкиев (сборник «Повести из современного быта»). Главный герой, служащий в банке, только что кончивший курс в университете, и его сестра, окончившая гимназию, снимали четырехкомнатную квартиру: «Маленькая свежая прихожая, уютная голубая гостиная. Кабинет. Через столовую – крошечная комната с резной дубовой мебелью – в спальню сестры Мэри».

К концу XIX века квартиры в 3–5 комнат были уже хорошо благоустроены. Практически во всех имелся водопровод и ватерклозет. Ватерклозеты устраивали около кухни, почти всегда в темных помещениях. Но прислуга продолжала пользоваться отхожими местами на черных лестницах. Ванны же еще не вошли в быт среднего петербуржца, ими были оборудованы всего 13 % 3-5-комнатных квартир.

Квартирный кризис

Периодические жилищные кризисы в первую очередь ударяли по арендаторам средних квартир. Резко возросшие цены на самые распространенные 3-5-комнатные квартиры среднего класса вынуждали или перебираться в квартиры поменьше, или в поднайм пускать к себе жильцов, или выбирать квартиры хуже по качеству: расположенные во дворе или в отдаленных непрестижных районах. Любой из этих способов воспринимался петербуржцами крайне болезненно.

Сокращение количества комнат

Особенно эмоционально оценивалась жильцами величина своих квартир, что хорошо отражено в художественной литературе. У петербуржцев во второй половине XIX века

сформировались достаточно устойчивые для различных социальных групп стереотипы оценок комфортности жилья: количество необходимых комнат и функциональное использование. Любое вынужденное уменьшение воспринималось негативно.

Характерный пример – семейство генерала Иволгина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Вот как описывает автор использование комнат семьей Иволгиных: их квартира состояла «из залы, обращавшейся, когда надо, в столовую, из гостиной, которая была, впрочем, гостинойю только поутру, а вечером обращалась в кабинет Гани и в его спальню, и, наконец, из третьей комнаты, тесной и всегда затворенной: это была спальня Нины Александровны и Варвары Ардалионовны. У кухни находилась четвертая комнатка, потеснее всех прочих, в которой помещался сам отставной генерал Иволгин, отец семейства. В этой же комнатке помещался и тринадцатилетний брат Гаврилы Ардалионовича, гимназист Коля». И далее передано отношение: «Одним словом, все в этой квартире теснилось и жалось».

В рассказе В. Авсеенко «Дебютантка», опубликованном в 1900 году в сборнике «Петербургские очерки», описан переезд семьи чиновника, получавшего около 3 тыс. в год жалованья, в более маленькую квартиру: «Дамские кабинетки – совершенно новое явление в петербургской жизни. Они порождены квартирным кризисом. Это не комната, а какая-то проходная отгородка, щель, не приспособленная ни к какому употреблению. С одной стороны – за ней гостиная, с другой – столовая. На прежней квартире была гостиная в 3 окна и рядом будуар в 2 окна. Теперь гостиная на половину меньше и подле нее щель с одним окном. Когда стали переставлять мебель в гостиную, третья часть ее не поместилась. Пришлось этот остаток поставить в щель – кабинетик, а будуар продать».

Комната барышни. Фото начала XX в.

Аналогичная ситуация описывается тем же автором в рассказе «Последний вечер на даче». Чрезвычайно характерный диалог:

«Отец: Сколько пришлось намучиться, вспоминать страшно. Да с ремонтом, опять... Месяц сломя голову по Петербургу бегал. Вот начальник отделения до сих пор без квартиры сидит.

Мать: Из шести комнат да в четыре переезжать.

Отец: И за четыре приходится вот на 100 рублей больше платить. А разместиться очень просто как: гостиная раз, спальня два, комната барышень три, а столовая и мой кабинет вместе будут... Я собой первый жертвую.

Мать: Ну а Павлик где же будет?

Отец: Больше нечего делать, как стелить Павлику на ночь в гостиной. А то и так можно. Я буду спать в кабинете, вы барышень поместите с собой вместе.

Вера: Нет, как это можно. Нам невозможно без особой комнаты. Мы мамаше мешать будем.

Все опять замолчали. Общее уныние перешло в чувство безвыходности.

Мать: Воля твоя, а в гостиной Павлика невозможно поместить. Ведь ему заниматься надо. А как устроимся, так и Верочкины именины.

Отец: Начальник отделения до сих пор без квартиры сидит.

Мать: Не может он без квартиры остаться. Ему казенную отведут.

Отец: Казенную! Ведь можете же вы глупость такую сказать. Даже стыдно делается».

Сдача комнат жильцам

Из-за квартирного кризиса, выразившегося в дефиците жилья и вследствие этого резким удорожанием средних квартир (в 3–5 комнат), чиновничество и разночинная интеллигенция, основные арендаторы таких квартир, вынуждены были снимать большие квартиры (в 6-И комнат) и для покрытия издержек сдавать лишние комнаты. Эти комнаты снимали те же социальные слои (студенты по рекомендации или чиновники – коллеги отца семейства), что жили раньше в меблированных комнатах, и на тех же условиях: еда за общим (семейным) столом, хозяйская прислуга обслуживала и жильца.

Это новое явление, сдача средним классом комнат в поднаем, получившее широкое распространение, воспринималось крайне болезненно, потому что считалось делом совершенно несовместимым с дворянским достоинством.

Так, Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» подчеркивал сложное, негативное отношение семейства Иволгиных к необходимости сдачи части комнат в поднаем: «Ганечкина квартира предназначалась для содержания жильцов со столом и прислугой <...> к величайшей неприятности самого Гани, по настоянию и просьбам Нины Александровны и Варвары Ардалионовны (матери и сестры. – *Е. Ю.*), пожелавших в свою очередь быть полезными и хоть несколько увеличить доходы семейства. Ганя хмурился и называл содержание жильцов безобразием... По одной стороне коридора находились те три комнаты, которые назначались внаем, для „особенно рекомендованный жильцов».

Спустя полвека от событий, упомянутых в романе, вполне благополучная семья полковника (не вымышленная!), где было трое детей (10, 13, 17 лет), нанимавшая 5-комнатную квартиру на ул. Б. Зеленина, 41, у Малой Невки, две комнаты сдавала жильцам. Вот как вспоминал об этом один из сыновей, ставший впоследствии известным писателем, Т. Коллиандер в своих воспоминаниях «Петербургское детство»: «Во двор выходили еще две комнаты. Но они были сразу сданы в аренду: меньшая – киргизу с узкими глазами, большая, которая потом стала моей, – высокому малороссу. Оба были студентами. В нашем пользовании оставались три комнаты, они были по другую сторону передней и полутемного коридора, который заканчивался мрачной прихожей перед кухней. Наши три комнаты были большими, в них были двухстворчатые двери, блестящие паркетные и по два окна. Комнаты со стороны двора были намного скромнее тех, что выходили на улицу. Печи не изразцовые, а жестяные. Вместо блестящего паркета – изношенный линолеум.

На черной лестнице пахло чадом и щами, она была крутой и узкой и вела во двор. На этой лестнице были лишь простые железные перила и немытые окна, там обитали кошки, подстерегавшие крыс и мышей. Эта лестница была для слуг и жильцов, а мы ходили через парадный подъезд, по широкой стильной лестнице, которую охранял швейцар. У него была украшенная золотой выпушкой фуражка, доброжелательные глаза и большие коричневые усы».

Выросло новое поколение, и сдача комнат жильцам уже воспринимается вполне органично.

В воспоминаниях Д.А. Засосова и В.И. Пызина примерно об этом же времени мы снова встречаем схожих жильцов, но снимавших комнаты у хозяев, стоявших на более низкой ступени социальной лестницы: «Невольно съемщики квартир одного и того же этажа оказывались близки по жизненному укладу. Так, жители мансардного этажа, где было 3 квартиры, были люди средней руки: там жила семья приказчика, семьи военного фельдшера и портного. Всем им было накладно платить 35 рублей в месяц за квартиру, поэтому они сдавали одну из трех комнат студентам Института инженеров путей сообщения, который находился поблизости. Если жил один студент, он платил 16 рублей, если жили двое – 20. На обязанности квартирохозяев лежала уборка комнаты с натиранием пола и кипяток утром и вечером».

Ухудшение качества квартиры

Мы уже говорили, что петербуржцы были привязаны не к квартире, а к определенному месту вблизи их работы. Они не могли найти более дешевую квартиру где-нибудь на окраине, поскольку ежедневные поездки на службу были невозможны. Экономил же, нанимая квартиры выше этажом или во дворе.

Так, герой рассказа Д.В. Аверкиева «Новая барышня» арендовал «скромную квартиру в 3 комнаты, окнами во двор и об одной лестнице», а репортер из рассказа «Лавры и тернии» тоже снимал трехкомнатную квартиру (зальца, кабинет, спальня) во дворе, но на 4(!) этаже.

В рассказе В. Авсеенко «Первая истерика» новобрачная, далеко не бедная («Муж – получает полторы тысячи жалованья, с приданного в 42 тысячи по 1700 годового дохода, из них квартира – полторы тысячи»), испытывает ужас от квартиры во дворе:

«Мать: – Но душа моя, ты знаешь, нынче и маленькие квартиры очень дороги. Потом, когда положение твоего мужа упрочится, он может выхлопотать казенную.

Дочь: – Это все во дворе, без швейцара, и на лестнице сторожами пахнет».

Дешевизна квартиры определялась ее дворовым положением при сохранении необходимого набора комнат – гостиной, столовой, спальни и кабинета.

Купеческая квартира

Большинство 3-5-комнатных квартир, около 70 %, арендовали семьи чиновников и разночинцев, не более 3 % занимали купцы и оставшиеся 27 % – ремесленники.

Именно относительно доходного дома второй половины XIX века совершенно справедливо утверждение Н.А. Лейкина, что «мелкое чиновничество жило почти той же жизнью, что и купцы». Селились, как правило, также вблизи места своей работы. Как нечто необычное вспоминал Н.А. Лейкин, что его отцу-купцу каждый день приходилось ходить или ездить через Исаакиевский мост в контору, находившуюся в одной из дальних линий Васильевского острова, а они жили на Владимирской улице.

Некоторые отличия устройства жилищ купеческих семей, несмотря на примерно равный с интеллигенцией материальный достаток, объясняются их особой патриархальностью и приверженностью традициям. Все процессы, характерные для интеллигентных семей, запаздывали лет на тридцать в купеческих.

Так, интеллигенция начала массово выезжать на дачи в 1850-1860-е годы, а купцы – лишь в конце века, да и городскую квартиру на лето они обычно сохраняли за собой. В ней жил сам купец, приезжая к своим домочадцам на дачу по воскресеньям. С однажды снятой квартиры старались без особой причины не переезжать.

В купеческих квартирах бросался в глаза контраст в оформлении парадных и личных комнат. Парадные помещения старались обставить с излишней пышностью, хотя и по вчерашней моде; в личных же комнатах стояла кустарная мебель, на полу – домотканые половики, в спальне висело множество икон, иногда даже выделялась специальная молельня – обычно что-то вроде небольшого чулана (без окна).

По благоустройству купеческие квартиры также сильно отставали. Купец снимал квартиру только с русской печкой на кухне. Какие ж пироги, основа питания купеческой семьи, получатся в обычной плите! Да и если заболеешь, что делать без печной лежанки? Долго сохранялось свечное освещение. Хотя водопровод в квартире и был, но умывались, только поливая из кувшина – такой уважительный ритуал. Ватерклозет не одобрялся, ванна вообще ни к чему – только грязь размазывать, а вот баня – для чистоты да здоровья.

В купеческих квартирах не требовались помещения для прислуги, поскольку все работы по дому выполнялись женской половиной семьи – в этом не видели ничего зазорного. Иногда бывала только кухарка, держали ее за мастерство печь пироги.

В отличие от интеллигенции купеческие семьи чрезвычайно редко пускали жильцов за плату, хотя традиционно в купеческих семьях всегда бесплатно жили приживалы и приживалки; неженатые, незамужние и вдовы родственники.

Хотя примеры проживания жильцов в купеческих семьях все же имели место. Так, Н.А. Лейкин вспоминал, что в середине XIX века дела его отца-купца пошатнулись, и «пришлось сжаться во всем. Мать моя взяла даже трех жильцов к нам в квартиру, которые сделались также нашими нахлебниками. Это были два мелких чиновника – один малоросс Ш., другой уроженец Олонецкой губернии К. При малороссе был еще брат студент-медик. Платили они очень мало, люди были нетребовательные, занимали все трое две комнаты, и один из них, К., согласился даже, чтобы я спал вместе с ним в небольшой комнате, едва достаточной и для одного. У нас был даже один письменный стол, а чиновнику К. приходилось по вечерам заниматься перепиской бумаг. Писали мы двое за одним столом, присаживаясь с разных концов».

Квартира ремесленника или торговца

Часть ремесленного населения жила в собственных домах-избах на окраинах Петербурга, другая часть, по роду своей деятельности вынужденная жить в центре, арендовала квартиры смешанного использования – жилье и торговое или ремесленное заведение (то есть мастерская, лавка или магазин находились в жилой квартире).

По переписи 1890 года всего таких квартир, где работали или торговали, было 21 379, то есть они составляли 17,5 % всех квартир. Часть из них (6113) не имела жилья, в остальных 15 266 квартирах размещалось не только производство или торговля, но и жилье. В них проживало 124 712 человек, в среднем по 8 человек в квартире.

Для Спасской, Казанской и Адмиралтейской частей характерна высокая доля (до 30 %) квартир с мастерскими и лавками. Квартиры, используемые не только для жилья, в основном располагались в подвальных и первых этажах, составляя до 30 % от общего количества.

Жилье в подвалах

Устраивать жилье в подвалах никогда официально не разрешалось, но фактически оно существовало достаточно массово. По переписи 1869 года в подвалах находилось более 7 тысяч квартир с числом жителей 46 тысяч, а в 1890 году 50 тысяч петербуржцев жили в 8 тысячах подвальных квартир. Доли подвального жилья отличались в разных частях Петербурга (табл. 29).

Таблица 29

Доля населения, проживавшего в подвалах в 1890 году (см. карту на с. 2–3)

Часть (район) города	Участки района	% населения, живущего в подвалах	Часть (район) города	Участки района	% населения, живущего в подвалах
Рождественский	3	13,8	Алекс.-Невский	1	6,1
Литейный	4	11,7	Спасский	2	6,0
Рождественский	1	9,8	Московский	2	5,9
Литейный	3	9,4	Адмиралтейский	1	5,6

Рождественский	2	9,4	Казанский	3	5,6
Казанский	1	9,1	Петербургский	1	5,4
Василеостровский	1	8,8	Василеостровский	3	5,2
Московский	3	7,9	Нарвский	1	5,2
Выборгский	2	7,6	Коломенский	2	5,0
Выборгский	3	7,6	Московский	4	4,7
Петербургский	2	7,6	Алекс.-Невский	3	4,6
Петербургский	3	7,6	Московский	1	4,5
Алекс.-Невский	2	7,5	Выборгский	1	4,3
Литейный	2	7,3	Нарвский	2	4,2
Адмиралтейский	2	7,0	Казанский	2	2,4
Литейный	1	6,9	Спасский	4	2,3
Василеостровский	2	6,8	Нарвский	3	2,1
Спасский	1	6,6	Спасский	3	1,0
Коломенский	1	6,2			

Как видим, колебания значительные – в 13 раз. Интересно отметить, что в подвалах мало жили на окраинах, где большинство населения обитало в собственных домиках, без подвалов. Зато в фешенебельных каменных домах, составляющих сплошную застройку центра, жилые подвалы были почти в каждом доме. Количество подвального жилья оставалось довольно устойчивым во второй половине XIX века, но доля его плавно снизилась с 8 до 5 %.

Низкое качество подвального жилья оставалось неизменным. В «Медико-топографическом описании Петербурга 1820 года» Г.-Л. Аттенгофера так говорилось о жилищных условиях в подвалах: «Почти невероятно, каким образом в комнате, имеющей в окружности едва 12 футов, живут, теснясь, от 8 до 10 человек, из числа коих половина взрослых да половина детей. Я часто сам не мог пробыть десяти минут в таковых грязных

подземных и как нельзя более сырых покаях, не почувствовав некоторой дурноты, между тем как живущие в оных остаются тут безвыходно по целым суткам».

Главный недостаток подвальных квартир – высокая влажность. Обычно по стенам подвалов сочилась вода, и для придания помещениям жилого вида вдоль стен устанавливали деревянные щиты-панели, внешне выглядевшие относительно сухими. Иногда для отвода скапливающейся воды в одной из комнат или в сенях устраивали небольшой сток-колодец. При крайне плохих условиях цена была достаточно высокая – за 1 комнату 15 руб. в месяц.

Из 3-5-комнатных квартир под жилье и торгово-ремесленную деятельность отходило 10 % от общего количества. В них одна комната – это производственное помещение, там же ночуют работники, вторая – хозяйская комната, остальные комнаты – кладовые сырья и готовой продукции.

Работники ремесленных мастерских или лавок чаще всего жили при них. По данным медицинской полиции, $\frac{2}{3}$ таких заведений совмещались с жильем, причем в некоторых отраслях, таких как хлебопекарни, до $\frac{1}{3}$ «Помещения для сна обычно очень тесные, полутемные, а иногда и вообще без окна и вентиляции. Содержатся грязно, особенно комнаты работников мужчин, в которых повсеместно отсутствуют постели, и спали на кучах носильных вещей. Но не всегда имелись даже такие помещения, спали прямо на рабочих местах: на и под верстаками, на ларях с мукой и даже на досках для разделки мясных туш. По количеству штрафов отсутствие специальных спальных помещений – явление повсеместное».

Глава 13 Маленькие квартиры

Жилище одинокого чиновника

Неся огарок свечки сальной,
В конурку пятого жилья
Вошел один чиновник бедный,
Задумчивый, худой и бледный.
Вздыхнув, свой осмотрел чулан,
Постелю, пыльный чемодан,
И стол, бумагами покрытый,
И шкаф со всем его добром;
Нашел в порядке все; потом
Дымком своей сигарки сытый,
Разделся сам и лег в постель
Под заслуженную шинель.

А.С. Пушкин. Неоконченная поэма «Езерский»

Большинство петербургских квартир, половина всего жилого фонда, по переписи 1890 года – маленькие 1-2-комнатные квартирки. Это были жилища или одиноких представителей среднего класса, или семей петербургских бедняков.

Особенность состава населения Петербурга в первой половине XIX века – двукратное численное превосходство мужского населения над женским. Причина демографического перекося понятна: весьма многочисленный воинский гарнизон дополняли рабочие, жившие вне семей, оставленных в деревне. Всю вторую половину того же века женщины устойчиво составляли треть населения.

По различным реконструкциям на основании располагаемых статистических данных для первой половины XIX века от 40 до 50 % населения Петербурга составляли внесемейно жившие петербуржцы, а во второй половине века их было около 20 %. Одиноко живущие петербуржцы представляли значительную по удельному весу и очень разнообразную группу населения со своим специфическим бытом и жилищными условиями.

Это были не обязательно холостые люди. Множество жителей Петербурга, состоящих в браке, жило в отрыве от семьи, оставшейся в деревне. По переписи 1869 года из общего числа состоявших в браке около половины женатых мужчин и одна четверть замужних женщин жили вне семьи.

Четвертую по величине после рабочих, военных и учащихся группу одиноких петербуржцев составляли мелкие чиновники (ниже X класса) и разночинцы. Мизерные оклады не позволяли им обзаводиться семьей.

Чрезвычайно редко одинокие интеллигентные горожане снимали маленькие квартиры. Здесь проблема заключалась, пожалуй, не столько в финансовых возможностях, сколько в «организационных». Общение с прислугой в XIX веке было прерогативой женщин, мужчины справлялись с этим с большим трудом.

Обычно холостые мелкие чиновники, работающие женщины (стенографистки, акушерки), студенты, то есть те, кто не в состоянии содержать прислугу, но и по своему социальному статусу не считали возможным выполнять домашнюю работу (ходить за провизией, готовить пищу, убирать комнату, стирать белье и т. п.), жили в меблированных комнатах или снимали комнаты в семейных квартирах – о чем уже упоминали. Обязанность прибирать комнаты постояльцев лежала на хозяйке или на прислуге.

Белье отдавали стирать приходящим прачкам. Питались в кухмистерских. Некоторые предпочитали пансионы с питанием или становились «нахлебниками» у квартирохозяев.

Но все-таки одинокие петербуржцы иногда снимали небольшие квартиры. Так, у И.А. Гончарова в «Обыкновенной истории» Петр Иванович снял для своего племянника квартиру. «А я нашел для тебя здесь же в доме квартиру... Комната превеселенькая, – начал Петр Иваныч, – окнами немного в стену приходится, да ведь ты не станешь у окна сидеть; если дома, так займешься чем-нибудь, а в окна зевать некогда. И недорого – сорок рублей в месяц. Для человека есть передняя. Надо приучаться тебе с самого начала жить одному, без няньки; завести себе маленькое хозяйство, то есть иметь дома свой стол, чай, словом, свой угол, – un chezsoi, как говорят французы. Там ты можешь свободно принимать кого хочешь... Впрочем, когда я дома обедаю, то милости прошу и тебя, а в другие дни – здесь молодые люди обыкновенно обедают в трактире, но я советую тебе посылать за своим обедом: дома и покойнее, и не рискуешь столкнуться бог знает с кем»

<...> «Так вот как здесь, в Петербурге... – думал Александр, сидя в новом своем жилище, – если родной дядя так, что же прочие?..»

А вот пример уже не литературный, а из реальной жизни: Н.В. Гоголь, устроившись писцом в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий, стал снимать вместе со знакомым квартиру, получая 400 рублей в год. Этого не хватало даже на оплату жилья. Вот что он сообщал из Петербурга матери: «Жить здесь не совсем по-свински, то есть иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. Съестные припасы тоже недешевы».

Жилища городской бедноты

Основную массу, около 37 % маленьких квартир, занимали семьи бедняков. Такие, как в рассказе А. Вербицкой «Поздно»: «Ели на сале, на дачу никогда не ездили, довольствуясь бульваром, жили в крохотной квартирке», или как семейство мелкого петербургского чиновника Таирова из «Волшебной сказки» Л. Чарской: «В задней темной комнате живет сам отец семейства с четырнадцатилетним сыном, его свояченица с двумя его младшими дочерьми спит на кухне. И только старшая шестнадцатилетняя дочь на ночь устраивается на диване в зале».

Множество беднейших семейств петербургских обывателей жило в мелких квартирках дворовых флигелей, в мансардах, мезонинах и чердаках. На чердаках жилье разрешалось, но заселялись чердаки менее плотно, чем подвалы. Здесь, в мансардах, жило в два раза меньше петербуржцев, чем в подвалах, – всего 22 тысячи (табл. 30).

Таблица 30

Доля мансардного населения Петербурга в 1890 году (см. карту на с. 2–3)

Часть (район) города	Участки района	% населения, живущего в мансардах	Часть (район) города	Участки района	% населения, живущего в мансардах
Рождественский	1	3,6	Алекс.-Невский	3	1,5
Адмиралтейский	2	3,3	Коломенский	2	1,5
Алекс.-Невский	2	3,0	Спасский	4	1,5
Московский	4	2,7	Казанский	1	1,3
Петербургский	2	2,6	Алекс.-Невский	1	1,2
Московский	3	2,5	Василеостровский	2	1,2
Литейный	2	2,4	Выборгский	1	1,2
Рождественский	3	2,0	Литейный	3	1,2

Московский	2	1,9	Литейный	4	1,2
Нарвский	3	1,9	Казанский	3	1,0
Спасский	1	1,9	Василеостровский	1	0,9
Казанский	2	1,8	Нарвский	2	0,9
Коломенский	1	1,8	Спасский	3	0,9
Московский	1	1,8	Василеостровский	3	0,8
Адмиралтейский	1	1,7	Выборгский	3	0,6
Нарвский	1	1,7	Петербургский	3	0,6
Рождественский	2	1,7	Петербургский	1	0,5
Спасский	2	1,7	Выборгский	2	0,2
Литейный	1	1,6			

Таблица 31

Плотность заселения квартир по переписи 1881 года

Количество человек	Однокомнатные квартиры				Двухкомнатные квартиры			
	1 окно	2 окна	3 и более окон	Итого	2 окна	3р4 окна	5 и более окон	Итого
11P15	68	174	393	635	151	777	392	1320
16P20	7	41	166	214	31	219	182	432
21P30	3	21	160	184	13	136	131	280
31P50	2	10	51	63	3	25	69	97
Свыше 50	С	1	11	12	С	2	18	20

Как отмечалось в отчетах медицинской полиции: «Все чердачные помещения холодные, со следами сырости на потолке». Но не это было самым страшным. Гораздо больше страдали беднейшие семейства от перенаселения своих маленьких квартир. Так, в окраинных районах почти в каждой десятой квартире проживало более 10 человек в комнате. Показательна таблица 31, где указывается количество живущих в квартире (с указанием количеств окон, что дает представление о размере помещения) и сколько таких густонаселенных квартир всего в городе.

Цифры впечатляют – трудно представить, как могли размещаться десятки человек в одной комнате. И таких квартир по Петербургу насчитывалось более трех тысяч!

Качество маленьких квартир

Изучавшая положение рабочих в Петербурге врач М.И. Покровская писала: «Очень часто у квартиранта нет кухни, где бы он мог приготовить себе горячую пищу. Очень часто в его квартире нет прихожей, где бы он мог оставить грязь, приносимую им с улицы; нет водопровода, который необходим для поддержания чистоты; нет ватерклозета, составляющего необходимую принадлежность здорового жилища.

Квартира семьи фабричного мастера. Фото 1906 г.

Неудивительно поэтому, что в этих антигигиенических жилищах постоянно свирепствуют различные заразные болезни».

Это подтверждается и данными переписи 1890 года. Самые неблагоустроенные квартиры находились, естественно, в подвалах, на первых этажах, в мансардах. Чем меньше квартира, тем менее она благоустроена.

Отсутствие прихожей – довольно обычное явление. В однокомнатных квартирах не было прихожей в 92 % квартир, в 64 % 2-комнатных и даже в 33 % 3-5-комнатных квартир. Входили в квартиру с черной лестницы через кухню.

В конце XIX века 53 % однокомнатных квартир не имели кухни. Причем жильцам 7 % квартир было совершенно не на чем приготовить горячую пищу, остальные 46 % имели плиту в комнате или пользовались общей кухней на этаже. В двухкомнатных квартирах кухня отсутствовала в 8 % случаев, в более крупных квартирах – 2–3 %. Большинство квартир без кухни располагалось в подвальных помещениях, их число составляло 40 %, и в мансардах – 30 % от общего количества.

Во многих маленьких квартирках отсутствовали печи. Отапливались жилища временными чугунными печками, хотя они были запрещены для постоянного пользования, ими официально дозволялось только временно просушивать сырые помещения. А иногда квартира отапливалась лишь единственной кухонной плитой, на которой и готовили пищу.

К концу XIX века водопровод имелся только в 44 % однокомнатных и в 68 % двухкомнатных квартир.

Вот такими перенаселенными, холодными, неудобными, с отсутствием элементарных удобств были маленькие 1-2-комнатные квартирki Петербурга.

Глава 14 Комнаты, углы, койки, части коек

Одинокие жильцы

Комнатка скромная, тесная, милая;
Тень непроглядная, тень безответная...

А. Голенищев-Кутузов. Романс «В четырех стенах»

В последней трети XIX века все чаще одинокие чиновники, о которых мы начали рассказывать в предыдущем разделе, становились жильцами у своих семейных коллег. Условия проживания – самые разные, обычно: дрова, вода и уборка с натиркой пола хозяйской прислугой комнаты жильца.

Часто жильцу разрешалось утром и вечером пользоваться кипятком из хозяйского самовара, обедал же чиновник тогда в кухмистерской, или приносил еду в судках к себе в комнату, или по заказу ему доставляли ее из кухмистерской. Бывало, что жилец становился еще и «нахлебником» – за плату он получал возможность питаться вместе с хозяевами. Все это создавало иллюзию семейной жизни. А именно в семье петербуржец ощущал себя особенно комфортно.

Значительно хуже, если комнату снимали не в семейной квартире. Как, например, герои романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». «Этот дом стоял весь в мелких квартирах и заселен был всякими промышленниками – портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и прочими».

<...> «Раскольников занимал „каморку от жильцов“... Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок. Мебель соответствовала помещению: было три старых стула, не совсем исправных, крашеный стол в углу, на котором лежало несколько тетрадей и книг; уже по тому одному, как они были запылены, видно было, что до них давно уже не касалась ничья рука; и, наконец, неуклюжая большая софа, занимавшая чуть не всю стену и половину ширины всей комнаты, когда-то обитая ситцем, но теперь в лохмотьях, и служившая постелью Раскольникову.

Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу».

А вот описание жилья Сонечки и Свидригайлова из того же романа: «Это была большая комната, но чрезвычайно низкая, единственная, отдававшаяся от Капернаумовых, запертая дверь к которым находилась в стене слева. На противоположной стороне, в стене справа,

была еще другая дверь, всегда запертая наглухо. Там уже была другая, соседняя квартира, под другим номером. Сониная комната походила как будто на сарай, имела вид весьма неправильного четырехугольника, и это придавало ей что-то уродливое. Стена с тремя окнами, выходящая на канаву, перерезывала комнату как-то вкось, отчего один угол, ужасно острый, убежал куда-то вглубь, так что его, при слабом освещении, даже и разглядеть нельзя было хорошенько; другой же угол был уже слишком безобразно тупой. Во всей этой большой комнате почти совсем не было мебели. В углу, направо, находилась кровать; подле нее, ближе к двери, стул. По той же стене, где была кровать, у самых дверей в чужую квартиру, стоял простой тесовый стол, покрытый синенькою скатертью; около стола два плетеных стула. Затем, у противоположной стены, поблизости от острого угла, стоял небольшой простого дерева комод, как бы затерявшийся в пустоте. Вот все, что было в комнате. Желтоватые, обшмыганные и истасканные обои почернели по всем углам; должно быть, здесь бывало сыро и угарно зимой. Бедность была видимая; даже у кровати не было занавесок».

<...> «Свидригайлов занимал две меблированные, довольно просторные комнаты. Дунечка недоверчиво осматривалась, но ничего особенного не заметила ни в убранстве, ни в расположении комнат, хотя бы и можно было кой-что заметить, например, что квартира Свидригайлова приходилась как-то между двумя почти необитаемыми квартирами. Вход к нему был не прямо из коридора, а через две хозяйкины комнаты, почти пустые».

Еще примеры литературных описаний жилья петербуржцев у иных авторов. Комната Марии Петровны, осиротевшей еще гимназисткой. По завершении обучения работала конторщицей в редакции газеты, переписчицей в окружном суде. «Лампа слабо освещала небольшую, неприветливую комнату... Комната была длинная и узкая, с одним окном, упирившимся в темную кирпичную стену. Обои своим грязно-свинцовым цветом наводили тоску и уныние, пахло сыростью и гнилью». (Рассказ С. Васюкова «Причины неизвестны» в сборнике «Среди жизни. Этюды и очерки», опубликован в 1890 году.)

Студент Рогов в рассказе «Почему?!» того же автора нанимал у «хозяйки, аккуратной и честной чухонки», «полутемную, угрюмую и сырую комнату – убогую конуру. Эти свинцовые с плесенью обои, тощая железная в углу печка – от всего этого веет чем-то недружелюбным, даже враждебным».

«На Петербургской стороне, в отдаленном закоулке, в ветхом деревянном домике, нанимал комнату старый, сгорбленный чиновник в отставке... и терпел он большую нужду», – говорится в рассказе А.В. Плещеева «Цветы» (из сборника «В дороге и дома», вышедшего в свет в 1899 году).

«Длинная, узкая комната походила на просторный гроб», – пишет С. Васюков в рассказе «Одинокий» (сборник «Карьеристы и идеалисты», 1899 года издания).

А.П. Плетнев в повести «Бездомовье» приводит описание наемного жилья бедного студента на «углу Среднего проспекта и одной из отдаленных линий Васильевского острова. Поднявшись по указанной дворником темной и узкой лестнице на дворе, он позвонил у низкой двери в четвертом этаже. Повела его через кухню в темный коридор, слабо освещенный сквозь матовое стекло закрытой двери, которая вела в комнату студента. Комната имела шагов 6 в длину и 4 в ширину».

Примеры можно приводить бесконечно, но следует остановиться – общий вид редко ремонтируемых, мрачных нанимаемых комнат уже перед глазами...

Семьи бедняков

Если жизнь одинокого обывателя, арендовавшего комнату, была печальна, то что уж говорить о целых семьях.

Например, вот как жила семья Мармеладовых в описании Ф.М. Достоевского: «Маленькая закоптелая дверь в конце лестницы, на самом верху, была отворена. Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной; всю ее было видно из сеней. Все было разбросано и в беспорядке, в особенности разное детское тряпье. Через задний угол была протянута дырявая простыня. За нею, вероятно, помещалась кровать. В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый, очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашенный и ничем не покрытый. На краю стола стоял догоравший сальный огарок в железном подсвечнике. Выходило, что Мармеладов помещался в особой комнате, а не в углу, но комната его была проходная».

Проживание в проходной комнате мало чем отличалось от углового житья, о чем наш следующий рассказ.

Многоступенчатая субаренда

В Петербурге было 12 тысяч квартир для угловых жильцов, что составляло почти десятую часть (9,2 %) всех квартир. Единицей аренды могла выступать не только квартира или комната, но и каморка, угол, койка, пол-койки и даже треть койки. Обычно цепочка событий выглядела так: домовладелец сдавал в аренду квартиру целиком. Арендатор в этой квартире сдавал отдельные углы, в свою очередь угловые жильцы могли втиснуть к себе в угол еще одну кровать и сдавать ее холостому рабочему. А коечный жилец мог поочередно делиться своим ложем с одним или даже двумя товарищами, с которыми он работал в разные смены. Такая сложная многозвенная субаренда, как ни странно, дозволялась по существовавшим правилам, согласия домовладельца на подобное даже не требовалось. Называлось это «нанимать от жильцов».

Редко встречались «каморки» – небольшие помещения без окон. От основного помещения каморку отгораживала тонкая тесовая перегородка, иногда не доходившая до потолка на 1–1,5 аршина. Но даже при перегородке до потолка каморка не могла считаться комнатой из-за отсутствия в ней окна. Она представляла собой деревянный ящик (площадью 2 на 3 аршина – 1,5 x 2 метра), лишенный света и недоступный никакому обмену воздуха. Обычно каморки выделялись за печкой. Стоил угол-каморка от 6 до 12 рублей в месяц. Какой-нибудь фабричный слесарь, имеющий возможность снять каморку, считался «богачом».

«Угол» выделялся ситцевыми занавесками. В комнате жили обыкновенно по 4 семьи, на широких семейных кроватях спали вместе с родителями и дети. Более ценились передние углы у окон, стоившие по 5 рублей. Задние углы у печки стоили по 3 рубля.

Все авторы подчеркивали чрезвычайно высокую плотность заселения квартир для угловых жильцов: «Нередко даже, когда вся комната уже заставлена кроватями,

избыточные жильцы... спят на полу в кухне, коридорах, узких проходах, в темных углах. Площадь пола служит единственным мерилем вместимости» («Петербург и его жизнь», издана в 1914 году).

Доктор А.Н. Рубель в 1900 году сделал доклад второму отделению Общества охранения народного здоровья об угловых жильцах. Он обследовал более 200 квартир. Приведу выдержку из его доклада. «Минимальное по гигиене количество воздуха $\sqrt[3]{\text{куб. сажени}}$, в реальности 0,59-0,68. Кровати стоят почти вплотную друг к другу. В той же самой комнате, которая служит общей спальней, помещается нередко и мастер-кустарь: портной, сапожник, туфельщик, шапочник, скорняк и др.; его верстак, убогий скарб, который служит материалом для его изделий, – все помещается в общей спальне, и несчастный обитатель угловой квартиры своими легкими поглощает всю ту пыль и грязь, которая уже при легком прикосновении густым столбом поднимается над всей этой ветошью».

Плата за аршин пола в хороших квартирах – 19,3 рубля в год. Хозяин «угловой квартиры» платил по 22,3 рубля, а жилец угла – 46,8 рубля. Как ни парадоксально, но благоустроенные «барские» квартиры приносили почти в два раза меньший доход, чем перенаселенные квартиры для угловых жильцов...

* * *

Предваряя следующий раздел, должна заметить, что приводимые в нем познавательные сведения из прежнего исчезнувшего бытового обихода, при очевидной их незатейливости, возможно, в каких-либо деталях обретут интерес для практического использования читателями.

Раздел IV Как жилось в доходных домах

Глава 15 Что мешало жить

Влажность и холод

Петербуржцы чрезвычайно страдали от повышенной влажности своих жилищ, особенно в каменных домах. Ведь при их постройке употреблялось весьма значительное количество

воды, так как, во-первых, сама известка содержит 25–30 % воды и, во-вторых, при кладке стен и кирпичи обыкновенно смачиваются водой. Во вновь возведенных каменных стенах содержалось не менее 10–12 % воды. Если эти стены до оштукатуривания не высушивались, то вода оставалась в стенах, так как свежая штукатурка сама по себе образует довольно толстый слой пропитанного водой материала и чрезвычайно затрудняет испарение влаги из внутренних частей стены. Именно поэтому так насущно было для петербуржцев неукоснительное выполнение статьи 195 Строительного устава, требовавшей штукатурить стены спустя год после окончания строительства.

Именно преждевременное оштукатуривание новых стен являлось одной из главных причин их сырости.

Иногда под воздействием воды изнутри штукатурка сырых стен местами отваливалась. Но даже если внешне сырость стен явно не проявлялась, то жить в таком доме было тяжело.

Недостаточно просушенные стены вновь отстроенных домов по виду могли казаться сухими, пока дома стояли пустыми, в особенности в теплое время года, когда окна часто остаются открытыми. Но следы внутренней сырости стен сейчас же обнаруживались после вселения жильцов в дома, когда, с одной стороны, закрывались окна, а с другой – в квартирах появлялось много водяных паров от дыхания и кожного испарения людей, от приготовления пищи, стирки белья и т. д.

Довольно распространенным источником вечной сырости стен служило употребление для их постройки воды, содержащей много азотнокислых и хлористых соединений, потому что при этих условиях в известке образуется азотнокислый и хлористый кальций – весьма гигроскопические соли, энергично притягивающие влагу из воздуха.

Особенно от излишней сырости страдали жители подвалов, где стены непосредственно соприкасались с чрезвычайно влажной, даже, можно сказать, болотистой почвой Петербурга.

Чем же так опасна излишняя влажность? Сырые стены весьма опасны, во-первых, для здоровья жильцов, у которых развиваются различные простудные заболевания в острой или хронической форме (катары дыхательных органов, невралгии, ревматизм и т. п.).

СЫРЫЕ ПОДВАЛЫ!
осушку сырыхъ и залитыхъ водою погребовъ и подвальныхъ помѣщений, по новѣйшему способу, съ полной гаранціей принимаетъ на себя:
„БЮРО ВЕГА“
Литейный пр., д. № 57. Телефонъ № 1289.
Примѣч. Работы можно производить во всякое время года.

Реклама. Конец XIX в.

Кроме того, излишняя влажность комнатного воздуха задерживает кожную перспирацию и приводит к усиленной деятельности почек, что может привести к их хроническому

заболеванию. Поверхность влажных стен и мебель часто покрываются плесенью, она своими выделениями отравляет комнатный воздух, что вызывает местные расстройства в дыхательных путях, в глазах, в ушах, в кишечнике и пр.

Во-вторых, сырые стены способствуют появлению и развитию грибков, они не только быстро разрушают деревянные части домов, но даже могут перейти на каменные стены и угрожать прочности всего здания.

Как же определяется сырость стен? Появление темных пятен на внутренней (или наружной) поверхности стены несомненное доказательство сырости. При ощупывании стены ладонью руки о степени сырости стен можно судить по ощущению холода, а при постукивании по стене каким-нибудь металлическим предметом та издает глухой звук.

Необходимо, чтобы стены не штукатурились и чтобы в дом не впускались жильцы до тех пор, пока стены не утратят значительной части содержавшейся в них воды, то есть пока здание не «выстоится». Срок этот в различных местах, в зависимости от климатических условий, колеблется между 3 месяцами и годом. Очевидно, что для влажного петербургского климата срок просушки вновь построенных зданий должен быть не менее года.

Но мало просто оставить дом выстаиваться, его надо постоянно протапливать. Простое протапливание сырых помещений без надлежащей вентиляции недостаточно, потому что испарившаяся из стен вода не удаляется из помещения, а снова оседает на наиболее холодных поверхностях (на окнах, на наружных стенах).

Холод

Для обыкновенных жилых помещений наиболее приемлемой считалась температура 14,4–16 °С; в спальнях она могла быть несколько ниже. В Петербурге такую комфортную температуру может поддерживать одна обычная голландская печь в помещении площадью 15–20 кв. саж. Существовала даже расчетная формула: размер печи должен быть таков, чтобы на каждую кубическую сажень помещения приходилось 4–5 футов ее нагревательной поверхности.

Неравномерность распределения тепла внутри одного помещения – один из недостатков печного отопления. Около внутренних стен и близ печки воздух был всегда теплее, чем у наружных стен, у окон и вдали от печки. Совершенное устранение этого неудобства не представлялось возможным, но оно должно и могло быть ограничено известными пределами: так, например, разность температур в одном помещении по горизонтальной оси, по мнению гигиенистов второй половины XIX века, не должна превышать 1–2 °С, по вертикальной – 2–3 °С. Более равномерное распределение тепла достигалось целесообразным местоположением печей.

Угар и духота

Воздух в жилищах содержал продукты горения свечей, всевозможных ламп, дымящих печей. Необходимо, чтобы в дымоходе была хорошая тяга (отрицательное давление), то есть в дымоходе не должно быть каких-либо препятствий для свободного движения горячих газов. Но иногда, когда давление в дымоходе становилось положительным, то

дым уже не мог свободно подниматься по нему и шел обратно – через печь поступая в помещение. Такое обратное течение дыма наблюдалось часто в начале топки, если дымоход остыл или отсырел из-за дождя или от продолжительного перерыва в топке, или если ветер задерживал выход дыма из верхнего отверстия трубы, или при одновременной топке нескольких печей, имеющих один дымоход.

В жилых помещениях часто бывало угарно из-за российской традиции рано закрывать заслонки или вьюшки печи из боязни потерять тепло. Это делалось в ущерб здоровью и даже жизни обывателей, так как преждевременное закрытие трубы приводит к образованию и накоплению внутри печи продуктов неполного сгорания оставшегося топлива, которые затем под влиянием увеличенного давления поступают в комнату через топочное отверстие или через пазы и случайные щели в дымоходах и в печных стенках. Чем и объясняются сравнительно частые случаи отравления людей угарным газом, наиболее ядовитая составная часть его – окись углерода. Чаще всего гибель от угара подстерегала людей во сне, поскольку угарный газ не пахнет.

Чтобы избежать подобных несчастных случаев, гигиенисты второй половины XIX века призывали уничтожить заслонки или вьюшки в дымоходах и заменить их так называемыми «герметическими топочными дверцами», позволяющими, по усмотрению, регулировать доступ воздуха к топливу, а вместе с тем и движение печных газов по дымогарной трубе. Во многих европейских странах вьюшки и печные заслонки запрещалось использовать (по крайней мере в жилых помещениях) обязательными постановлениями.

Искусственная вентиляция

Надеяться на достаточность только естественной вентиляции было невозможно. Стены кирпичных домов из-за роста их этажности утолщались и плохо пропускали воздух, а применение новых красок для стен (масляной, мастичной или клеевой) совсем прекратили естественный воздухообмен через стены.

Второй источник естественной вентиляции – часто открывающиеся входные двери на черные лестницы с запахами от незамысловатых отхожих мест – поставлял в квартиры далеко не чистый воздух. Поэтому ощущалась необходимость применения искусственной вентиляции.

По Строительному уставу с середины XIX века устройство форточек в одном из окон помещения было обязательным. Но из-за боязни простуд от сквозняка ими пользовались крайне редко. Тепло берегли. И не только простые горожане, но и вполне просвещенные. Поэтому даже в конце XIX века в специальных журналах приходилось подробно объяснять элементарные вещи: насколько полезен для здоровья человека свежий воздух, как важна вентиляция, как необходимо проветривать комнаты.

В самом конце XIX века стали распространяться фрамуги, правда, они назывались не так, а громоздко описательно: «откидные под углом 45 градусов форточки, с боками, закрытыми ширмами из жести». Хотя воздух из них поднимался к потолку, а не дул прямо в комнату, как из обычных форточек, ими также мало пользовались.

Для вентиляции широко пользовались печным отоплением. Для усиления эффекта в дымоходах делали вентиляционные отверстия, так называемые «отдушины», или

«душники». Их декорировали красивыми кружевными коваными решетками, те иногда больше напоминали произведения искусства, чем простую бытовую деталь. Во время топки более холодный комнатный воздух устремлялся в эти отверстия, а вместо него в комнату засасывался воздух из более прохладных смежных помещений.

Для засасывания воздуха непосредственно с улицы стали применять усовершенствованный камин Дугласа-Дальтона (или «Галтоновскую систему»). «Систему» придумали в Англии, она там повсеместно распространилась. В специальных журналах английское изобретение широко рекламировалось. Например, в журнале «Домовладелец» в № 5 за 1896 год и в № 3 за 1897 год.

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ
М. Л. ЗАКУТА
ПЕТРОГРАДЪ, Знаменская, 47. Телеф. 51-48. | ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА: Птгр., В. О., Симанская, 4, соб. д. Телеф. 176-71 и 253-02.

ВЕНТИЛЯЦІЯ,
ВЕНТИЛЯЦІОННЫЯ УСТРОЙСТВА.
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОТОПЛЕНІЕ съ ВЕНТИЛЯШЕЙ.
——— Вентиляціонные каналы. ———
Центробѣжные вентиляторы съ установкой.

Реклама. Начало XX в.

Суть конструкции: воздух с улицы по железной трубе, проложенной под полом и вокруг дымовой трубы камина, согреваясь, идет к отверстию под потолком. Но эта сложная конструкция не получила в России широкого распространения.

Проблема чистого воздуха в жилых помещениях стояла в России XIX века чрезвычайно остро. Очень загрязняли воздух, во-первых, отопительные приборы, о них мы уже говорили; во-вторых, осветительные приборы, о которых мы упомянем далее. Но проветривание также не доставляло в комнаты свежий воздух. Особенно страдали большие города. При росте этажности и увеличении плотности застройки городские дворы из-за выгребных и помойных ям, из-за обилия скотины и птицы превращались в дурно пахнущую клоаку. Мы знаем, по данным переписей, что в 1890 году в Петербурге каждая третья квартира (55 тысяч) выходила окнами только во двор. Из 1-комнатных квартир таких было 70,8 %, из 2-комнатных – 68,7 %, из 3-5-комнатных – 50,0 %, из 6-10-комнатных – 14,8 %, из более чем 10-комнатных – 6,3 %. Остальные же две трети квартир были двухсторонние, но окна всех (я подчеркиваю – всех!) личных жилых комнат выходили во двор. На улицу смотрели лишь окна парадных комнат.

Современники остро ощущали эту проблему. Так, в рассказе А. Вербицкой «Репетитор» описано типичное петербургское жилище: «С лестницы, темной и скользкой, проникала вонь. Те же миазмы неслись снизу со двора, черневшего там, далеко, как огромный колодез. Отворить фортку значило испортить воздух».

Петербургжцы привыкли к спертому воздуху в своих жилищах. Например, Котопов – герой «Истории бледного молодого человека» Д.В. Аверкиева – «не выходил из низкой, с двойными рамами комнаты и дышал тем же нездоровым, не освежаемым воздухом».

Насекомые

Доходные дома в изобилии наполняли различные насекомые: тараканы, моль, мухи, постельные клопы, вши и блохи. «Всякий знает, как неприятно хозяину слово червь, меховщику – моль, кухарке – таракан, девице – комар и мошка, сибариту – муха», – писал в 1856 году энтомолог-любитель В.И. Мочульский.

Вы уже знаете, что в XIX веке большая часть петербуржцев жила на снятых квартирах доходных домов. Характерными чертами большинства жилищ, где проживали одинокие мелкие чиновники, студенты, сезонные рабочие, рабочие артели, по свидетельствам петербургских врачей-гигиенистов (М.И. Покровской, А.Н. Рубеля и др.), были щелястые полы, грязные, засаленные, закопченные стены и «мириады клопов, тараканов и других насекомых».

Тараканы

Был бы дом,
Будут и тараканы.

В.И. Даль

В Петербурге встречались как черные, так и рыжие тараканы, последних называли «прусаками», полагая, что их завезла из Пруссии в середине XVIII века армия, возвращавшаяся из Германии после завершения Семилетней войны. Обоим видам приписывалась невероятная прожорливость и неприхотливость.

Самый популярный и самый дешевый способ избавления от тараканов в жилых и хозяйственных помещениях – вымораживание зимой. Использовали и противоположное средство – крутой кипяток или горячий пар, пускаемый струей «из металлического сосуда вроде чайника, с длинным тонким носиком». Рекомендовалось через каждые три недели заливать темные углы, щели, трещины кипятком.

Устраивали для тараканов своеобразные ловушки. В горшок или кувшин с гладкими внутренними стенками наливали воду (или насыпали муку) и обматывали снаружи тряпкой, для того чтобы тараканы легко забирались внутрь, а выбраться не могли.

Против тараканов и клопов применялся и продававшийся в аптеках «персидский порошок» (реже называемый «далматским порошком», или «слуногоном»), относящийся к наименее опасным для здоровья человека инсектицидам, действующий на насекомых как нервно-паралитическое средство. Его получали при измельчении высушенных цветов, стеблей и листьев кавказской, персидской или далматской ромашки.

«Сборник полезных советов», вышедший в 1829 году, предлагал множество рецептов от тараканов: «к бузинному цвету, топленному с медом, добавить дурман и растереть»; предполагалось, что тараканы, наевшись этой смеси, «все передохнут»; «терпентинное масло (очищенный скипидар) смешать с конопляным семенем, истолочь, прибавив немного меду, и разложить в местах, где встречаются тараканы; молодую полынь растолочь с черным купоросом и медом, дать упреть в хорошенько закрытом горшке и раскидать по разным местам».

Черные тараканы

Из химических средств борьбы с тараканами обычно применяли соединения мышьяка в виде смеси с мукой, например белый мышьяк (мышьяковистая кислота), парижская или швей-нфуртская зелень (крон), доставляемые из Германии и Англии. Мышьяк – сильно действующий яд, поражающий слизистые глаз, горла и носа, что приводило к слепоте, кашлю, воспалению горла и другим последствиям. Поэтому петербуржцы предпочитали, чтобы с мышьяком имели дело профессионалы. В Петербурге существовали специальные артели «тараканщиков», они травили тараканов раствором мышьяка, промазывая им щели и углы в помещениях.

Но ни одно из этих средств не давало стопроцентного результата. Современники с безнадежностью констатировали: «Нередко ни персидский порошок, щедро насыпаемый хозяевами, ни мышьяк, ничто не в состоянии его вывести». После вымораживания тараканы снова появлялись через несколько недель.

Среди простонародья устойчиво преобладало мнение, что таракан – мирное и безобидное существо, и там, где он водится, «и деньги не переводятся». Во всех народных пословицах тараканы ассоциируются с домашним уютом: «Была бы изба, будут и тараканы»; «Избу сруби, а тараканы свою артель приведут»; «Таракан не муха, не взмутит и брюха»; «Тараканы из дома ползут перед пожаром». Существовала даже традиция кормления тараканов. Травить же тараканов считалось грехом.

Более того, отвар из сушеных черных тараканов считался в народной медицине мочегонным средством. Причем врач Т.И. Богомолов, ученик С.П. Боткина, специально занимался изучением влияния порошков и настоек из сухих тараканов на организм больных и в 1876 году подтвердил их сильное мочегонное действие.

Вши

Достаточно широко распространены были вши – платяные и головные. Платяная вошь обитает и размножается в складках прилегающей к телу шерстяной одежды. Ношение нижнего белья, регулярно стираемого, могло бы избавить петербуржцев от вшей.

Головная вошь живет на коже головы, под волосами. Городские условия жизни простонародья – скученность и невозможность заниматься личной гигиеной – приводили к массовой вшивости.

Чтобы избавиться от вшей, мазались керосином; перуанским, индийским, черным бальзамом, ртутной мазью и дегтем; мыли голову настоями растений – золототысячника, мышиного перца.

В народном сознании в появлении вшей не видели ничего зазорного, и даже существовала примета: это к деньгам; видеть вшей во сне – к богатству.

Блохи

В XVIII веке не стеснялись блох даже аристократы – придворные дамы носили драгоценные, изготовленные из слоновой кости, серебра, фарфора, блошинные ловушки и изящные чесалки в форме дамской ручки для почесывания мест укусов.

В XIX веке с блохами стали активно бороться, используя полынь: «если оной накласть побольше в комнатах, то блох никогда в комнате не увидите».

Клопы

«Самые неприятные и вонючие насекомые», «несносные кровопийцы» – клопы водились в жилищах петербуржцев всех сословий, гнездясь в мебели, в постелях, под обоями. Один из героев А.П. Чехова говорил: «У нас даже в рояле клопы...»

Чтобы обезопасить свой сон, советовали ножки кровати поставить в плошки с водой, хотя это не всегда спасало от клопов, поскольку те могли падать с потолка.

Для удаления клопов из помещения рекомендовали использовать табачный дым, терпентин и горящую серу, ртутную мазь и пасту из сулемы; использовали также растения – клоповник, чернотыльник, полынь в свежем виде для раскладывания в комнатах и в отварах для опрыскивания стен, пола и мебели. Использовали также керосин или керосиновую эмульсию (смесь керосина и мыльного раствора) и зеленое мыло (продукт омыления растительного масла раствором едкого калия).

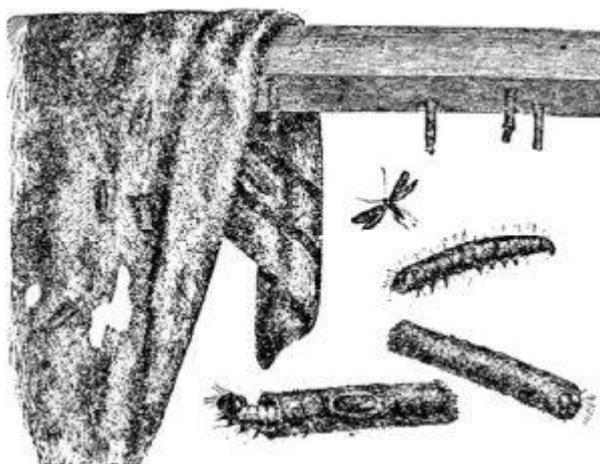
Постельный клоп

В романе И.А. Гончарова «Обломов» хозяин пытался убедить слугу тщательнее убирать в комнатах, чтобы избавиться от клопов, но сталкивался с нежеланием и удивлением: «На лице Захара выразилась недоверчивость или, лучше сказать, покойная уверенность, что дома без насекомых не бывает. – У меня всего много, – сказал он упрямо, – за всяким клопом не усмотришь, в щелку к нему не влезешь. А сам, кажется, думал: „Да и что за спанье без клопа?“»

Моль

Чтобы предохранить от моли шерстяную и меховую одежду, ее при хранении зашивали в холстяные или коленкоровые мешки. От моли рекомендовали бычью желчь, терпентинное масло, перекладывание одежды табачными листьями, камфорой, а с 1887 года – нафталином. С начала XX века для уничтожения моли начали применять сернистый углерод (CS₂) – бесцветную, очень летучую, легко воспламеняющуюся жидкость с сильным неприятным запахом тухлых яиц.

Сероуглерод наливали в плоские сосуды и ставили их на сутки испаряться в плотно запирающийся ящик или сундук с одеждой. Но все эти вещества были достаточно ядовиты и для людей. «Многие средства от моли часто бывают гораздо более вредны для человека, чем для истребляемой моли», – писала гигиенист И.А. Добровольская в начале XX века.

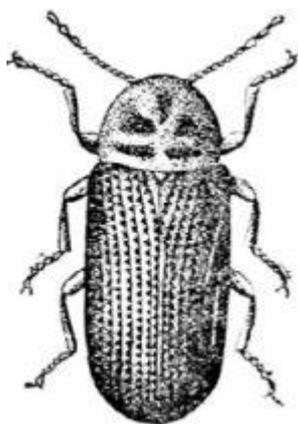
Ковровая моль

Для предохранения от пыли и моли диванов, кресел и мягких стульев считалось, что на них следует надевать чехлы, протирать обивку смесью скипидара и нафталина (на 1 стакан скипидара – 1 столовая ложка нафталина). Растворяется нафталин не сразу. Поэтому рекомендовали взять сосуд с горячей водой, опустить в него бутылочку с составом и взбалтывать до тех пор, пока нафталин не растворится.

Жук-точильщик

Признак появления жуков-точильщиков – отверстия (от 1,5 до 4 миллиметров) в мебели, чаще всего с затемненной стороны или в полу и в деревянных стенах, а также древесная мука, высыпаящаяся из этих отверстий. Темно-бурый усатый жучок размером меньше спичечной головки кажется совсем безобидным существом. Издали, в полете, он похож на небольшую мушку с тоненькими крылышками. При посадке жучок складывает крылышки и прикрывает их темными жесткими надкрыльями. Этот древоточец уничтожает не только мебель и другие деревянные предметы, но и целые дома. Он превращает древесину в труху. Бóльшую часть своей жизни жуки-древоточцы проводят в проточенных ходах в дереве и только в брачный период вылетают на свет. Тогда их можно увидеть ночью летающими около источника света, а днем – ползающими по столу и подоконнику.

Все жучки-древоточцы развиваются из яиц, отложенных самками в древесине, в трещинах или прогрызенных жуками отверстиях.

Домовой точильщик

Древесину разрушают не только взрослые жуки, но и их личинки. Как только из отложенного яйца выйдет небольшой белый червячок-личинка, он тотчас же начинает грызть древесину, продвигаясь все дальше и дальше. Жуки-древоточцы, поселившись в доме, быстро размножаются.

Вести борьбу с древоточцами довольно трудно. Практика показала, что хорошим средством против жуков-древоточцев являются жидкие ядохимикаты, они легко испаряются и превращаются в газ. Эти ядохимикаты состоят из нескольких компонентов: в состав их могут входить в качестве основы (растворителя) очищенный или неочищенный скипидар, керосин, минеральные масла или их смеси, растворяющие нафталин, любая смола сухой перегонки, деготь или черная карболка. Скипидар в таком составе является в основном растворителем других названных веществ. В то же время все скипидары, а особенно сырец, ядовиты, в них содержатся химические вещества, убивающие жучков. При растворении в скипидаре или в масляных смесях нафталина, смолы или черной карболки ядовитость состава усиливается.

Такой состав получается довольно текучим и проникает глубоко в поры древесины. Пахучие вещества (ароматические углеводороды), содержащиеся в смолах и нафталине, способствуют более интенсивному выделению летучих газообразных продуктов.

Составленный по такому рецепту раствор хорош тем, что при соприкосновении с ним жучок или личинка погибают моментально. Если же древоточцы находятся далеко в своих ходах, они гибнут от заполняющего весь ход смертельного для жуков и личинок газа, образующегося при испарении ядохимиката. Смертоносное действие этот ядохимикат оказывает на клещей, амбарных долгоносиков и других насекомых.

Обычно ядовитый состав для уничтожения древоточцев готовят из 3 весовых частей растворителя, 1 части смолы или дегтя, или черной карболки. Если жучки и их личинки поселились в толстых бревнах дома, то в состав вводится больше пахучих веществ, чтобы выделение газа было более интенсивным.

Муравьи

«Мураши в дом – к счастью».

В.И. Даль

«Если муравьи повадились посещать соседний к их жилищу дом, то нет другой возможности от них избавиться, как, следя за возвращающимся муравьем, открыть его гнездо и уничтожить, залив его кипятком», – рекомендовал Н. Ушаков. Против муравьев применяли настой сажи, клали в шкаф с провизией ватку, смоченную в гвоздичном масле. Посыпали их излюбленные места табаком или кофейной гущей.

Муравьи и тли

Продававшиеся в аптеках спирт или масло, настоянные на муравьях, охотно употребляли против ревматизма.

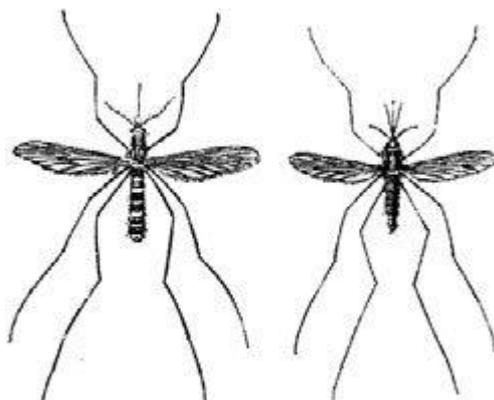
Комары

Ах, лето знойное,
Любил бы я тебя,
Когда б назойливые
Комары да мухи...

А.С. Пушкин

Не только летом петербуржцам досаждали назойливые «комары да мухи», в отапливаемых квартирах комары имели возможность прекрасно зимовать.

Для отпугивания комаров смазывали кожу гвоздичным, анисовым или лимонным маслом, последнее, правда, получали не из лимона, а из злакового растения нарда.

Комаров советовали выгонять из помещений дымом сжигаемого можжевельника или камфоры.

Для облегчения зуда от укусов комаров кожу протирали нашатырным спиртом и глицерином, промывали места укусов водой с содой для оттягивания «яда».

Мухи

... черные мухи

Всю ночь не дают мне покоя,
Жалят, жужжат и кружатся
Над бедной моей головою.

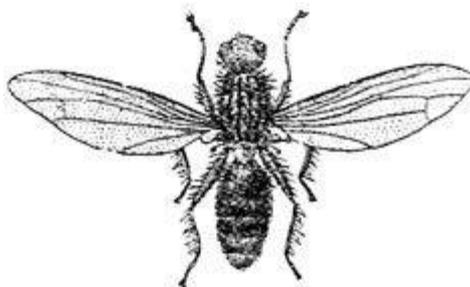
Надсон

Чтобы мухи не залетали в комнату, к окну прикрепляли узкие бумажные полоски, они, колеблясь от ветра, отпугивали насекомых.

Рекомендовалось в каждую из комнат поставить вазон с растущей в нем клещевинной – ее запах мухи не выносят. Отпугивает мух и запах керосина, поэтому многие хозяйки при мытье окон и полов прибавляли немного керосина в воду.

Боролись с мухами, расставляя по квартире блюдечки с настойкой мухомора, с раствором формалина, с отравленным сахарным сиропом, сметаной, смешанной с сахаром, с чемерицей семенем и донником, и т. п. Советовали намазать мухомор сметаной, посыпать сахаром и запечь, а затем выставить на окно в качестве угощения мухам.

А вот как рекомендовалось «сохранять картины от мух»: «Свежий огурец исколоть гвоздем или вилкою, вложить в отверстия ячменные зерна острием наружу и повесить поодаль картины, после чего ни одна муха не сядет на картину» (предполагалось, что насекомые, привлеченные запахом, должны будут собраться на огурце).

Рыжая муха

Кроме того, применялись мухоловки – стеклянные сосуды особой конструкции, напоминающие пузатые бутылки без дна с загнутыми вовнутрь нижними краями, на ножках; внутрь мухоловки наливался сироп; мухи, привлеченные запахом, залетали в сосуд и погибали, не находя выхода.

Сверчки

Домовые сверчки, издавна обитавшие на Руси в жилых домах, не вынесли условий большого города. В каменных домах они не селились вообще, а в деревянных – чрезвычайно редко.

Глава 16 Уборка помещений

Ежедневная уборка

Ежедневную уборку рекомендовалось проводить так: утром открыть форточку или, если позволит погода, распахнуть окно. На подоконник или на стулья перед открытой форточкой положить постельные принадлежности.

Влажной тряпкой обтереть мебель, двери, оконные стекла, подоконники и оконные рамы, печи. Двери и оконные рамы, окрашенные белой масляной краской, и стекла мыли теплой водой без мыла. Чтобы краска и стекло блестели, добавляли в воду нашатырный спирт (1 ч. ложку на 1 л воды). После мытья окна или двери вытирали насухо, иначе появлялись желтые пятна и затеки.

Полированную мебель вытирали мягкой тряпкой из ворсистого материала (не шерстяного), пропитанной для лучшего вбирания в себя пыли теплой смесью глицерина (10 %) и воды, а затем в течение нескольких минут подсушенной.

С фарфора, хрустала и других хрупких предметов смахивали пыль мягкой небольшой кистью или метелкой. Затем отряхивали салфетки, скатерти, постилали постели.

Крашенные полы мыли теплой водой с добавлением нашатырного спирта или уксуса (1–2 ст. ложки на ведро воды), они придавали краске блеск. Не мыли пол содой и мылом, поскольку от них масляная краска тускнела.

Убирать пол рекомендовалось только влажным способом. Подметать пол сухим веником считалось нерациональным, так как пыль поднималась в воздух и оседала на различных предметах.

Ежедневная уборка – дело горничных, они производили ее чрезвычайно тщательно. Если же в семье была одна служанка, в обязанности которой входила и растопка печей, и уборка квартиры, и закупка провизии, и стирка, то уборка делалась наспех. В семьях без прислуги убирали квартиру исключительно женщины. Уборка считалась абсолютно не мужским занятием, даже беднейший горожанин, снимавший комнату, не делал ее сам, а убирала его помещица квартирная хозяйка или ее прислуга.

Генеральная уборка

Считалось, что примерно раз в месяц надо делать общую генеральную уборку. Иногда такая уборка растягивалась на несколько дней.

В генеральной уборке кроме горничной участвовала специально нанятая приходящая прислуга: простые бабы-поденщицы мыли полы, двери и окна; мужик-поденщик, иногда младший дворник, двигал мебель и таскал воду; специалисты-полотеры завершали генеральную уборку натиркой паркета.

Во время генеральной уборки обметали потолки. Стены мыли, если они были крашеные, если с обоями, то сначала пыль смахивали веником, а затем протирали обои с помощью крупы овсянки, посыпанной на сухую жесткую шерстяную тряпку, или чистили их «мякишем пшеничного свежего ситника».

Окна не просто протирали как при ежедневной уборке. Чтобы оконное стекло блестело, его намазывали раствором мелкого толченого мела, когда раствор подсыхал, его стирали мягким листом бумаги. Или тщательно протирали стекла сначала тряпкой, смоченной в льняном масле, а затем чистой шерстяной тряпкой или промокательной бумагой. Зимой, когда окна запотевали, их протирали ветошью, смоченной раствором из 1 части очищенного глицерина и 20 частей спирта, после этого недели три окна совершенно не запотевали.

Кожаную мебель протирали фланелевой тряпкой, смоченной взбитыми яичными белками, после чего кожа приобретала прежний блеск. Плюшевую, репсовую или другую обивку на мебели чистили губкой, смоченной в теплой воде и хорошо отжатой, а жирные пятна оттирали бензином (после его появления в обиходе).

С полированной мебели воск, капнувший со свечи, осторожно снимали и немедленно чистили пятно пробкой, смоченной в растительном масле с солью. Затем растирали это место шерстяной тряпкой. Обычно же полированную мебель, рояли и пианино чистили спитым чаем.

Уборка парадных помещений была хлопотным делом

Картины снимали и протирали с обратной стороны слегка влажной тряпкой; рамы прочищали щеткой или сухой малярной кистью. Застекленные картины протирали влажной тряпкой, а затем – мятой бумагой.

Фарфор и хрусталь мыли в теплой воде, прибавив 1–2 ложки уксуса и ложку соли для придания «кристаллического блеска».

Пожелтевшие вещи из слоновой кости обмывали раствором соды (50 г кальцинированной соды на 1 л воды), затем покрывали растертой хлорной известью и оставляли под этим составом на 10 часов, после чего стирали раствор мягкой тряпкой.

Очищали от пыли загрязнившиеся обрезы книг чистой тряпкой, смоченной в спирте (сжав предварительно листы, чтобы спирт не проник внутрь книги). Жирные пятна переплетов книг удаляли, смазав их смесью магнезии с бензином.

Медные дверные ручки, промыв капустным или огуречным рассолом, либо кислым молоком, для придания блеска натирали нашатырно-меловой пастой.

Во время генеральной уборки особо тщательно мыли полы. Сильно загрязненные дощатые полы рекомендовалось мыть с помощью щетки смесью из 1 части свежегашеной извести и 3 частей обыкновенного песка. Если на полу оказывались жирные или другие пятна, не отмываемые этим способом, то их покрывали белой глиной, размягнутой горячей водой, и оставляли на сутки, а затем вытирали и смывали пол чистой водой.

Паркетные полы натирали чаще всего воском, расплавленным в скипидаре, для чего скипидар хорошенько прогревали в жестяной банке, поставленной в кастрюлю с водой (паровая баня). Это делалось осторожно, так как скипидар легко воспламенялся на огне. Обычно полотеры имели собственную мастику, причем каждая артель славилась каким-то своим особым рецептом ее изготовления.

Особого внимания требовали кухня, ванная, ватерклозет. Чтобы избавиться от неприятного запаха из водопроводной раковины, наливали в сливное отверстие насыщенный раствор буры. Серый налет на эмалированной раковине оттирался обыкновенной кухонной солью, эмаль становилась совершенно чистой. Чтобы предупредить образование этого налета, рекомендовалось ежедневно ополаскивать раковину теплой водой с содой.

При сильном загрязнении фаянсовые раковины и унитаза протирали раствором соляной кислоты (100 мл на 1 л воды) с помощью тряпки, намотанной на палку. Для чистки эмалированной ванны брали порошок из пемзы и разводили его мыльным раствором до густоты жидкой сметаны. После этого ванну промывали чистой водой.

Полы в этих хозяйственных помещениях обычно делались асфальтовыми, чрезвычайно редко – из кафельной плитки, что позволяло хорошо промывать их. Но во многих квартирах на кухнях был даже не крашенный пол, и его приходилось отскабливать от грязи подручными средствами (веником-голиком, скребком и т. п.).

Что делали один раз в год

Окна

Закрывать окна на зиму старались только в сухую погоду. Из чулана приносили съемные зимние рамы. Между окон для герметизации щелей насыпали опилки, иногда для красоты накрывали их ватой и клали березовые угли, чтобы стекла не запотевали. Первые рамы не заклеивали и не конопатили, так как считалось, что при больших морозах может треснуть стекло. Внутреннюю же раму тщательно конопатили и щели оклеивали бумагой, но чаще

замазывали. Просушенный молотый мел смешивали с олифой до получения полужидкой массы, затем в нее постепенно добавляли мел до образования теста, которое мяли, пока оно не станет эластичным. Этой замазкой промазывали щели между рамой и стеклом и между рамой и косяком.

Выставляли зимние рамы обычно перед Пасхой, в Чистый четверг. Перед тем как вынуть внутреннюю зимнюю раму, старую замазку удаляли, предварительно смочив ее раствором едкой щелочи (едкий калий или едкий натр). Через несколько минут после такой обработки замазка настолько размягчалась, что без труда отставала от дерева и стекла.

Картины

Достаточно редко (раз в год) чистили картины. Картину, написанную масляными красками, покрывали белой тряпкой, смоченной водой (лучше дождевой), на 3–4 часа, пока тряпка не высохнет. После этого картину протирали полотняной тряпкой, смоченной льняным маслом или молоком (нельзя чистить картины бензином, спиртом, скипидаром, мылом). Если картина потемнела, ее после промывки водой протирали специальным лаком. Картины, написанные акварелью, пастелью, темперой, естественно, мытью не подвергались.

Золоченые рамы от грязи и следов мух чистили губкой, слегка смоченной спиртом или скипидаром, или свежей, только что разрезанной луковицей, а затем полировали мягкой суконкой.

Картины в интерьере квартиры барона А.В. Икскуль фон Гильдебранта. Фото 1915 г.

Бронзовые рамы и другие изделия из бронзы, в том числе позолоченные, рекомендовалось мыть теплой мыльной водой с добавлением в нее нескольких капель нашатырного спирта. Затем их вытирали досуха мягкой тряпкой и отполировывали замшей или бархаткой.

Ковры

Ковры не стирали, а чистили. Перед чисткой ковер развешивали на веревке, лучше всего на ветру, и выбивали пыль, ударяя с изнанки выбивалкой из мягких прутьев. Зимой ковер расстилали на снегу и протирали его снегом с помощью жесткого веника или щетки, после чего ковер встряхивали, и снег, ставший серым от пыли, падал с него.

После удаления пыли приступали к чистке. Не сильно загрязненные ковры чистили мелкой сухой столовой солью.

Ковры в убранстве гостиной. Фото начала XX в.

Ковер расстилали на полу, насыпали на него соль и затем равномерно сметали ее с ковра влажным веником или щеткой. Веник или щетку перед употреблением смачивали мыльной горячей водой и отряхивали для удаления избытка раствора. При чистке веник время от времени, по мере загрязнения, промывали мыльной водой, а загрязненную соль заменяли чистой. После чистки остатки соли из ковра удаляли выбивалкой.

Вместо столовой соли для чистки ковров также применяли чистые сухие древесные опилки, крупные отруби или порошок из размолотой пемзы.

Если замялся ворс ковра, то это место несколько минут держали над паром, после чего ударяли по ковру с изнанки выбивалкой из прутьев, ворс выпрямлялся.

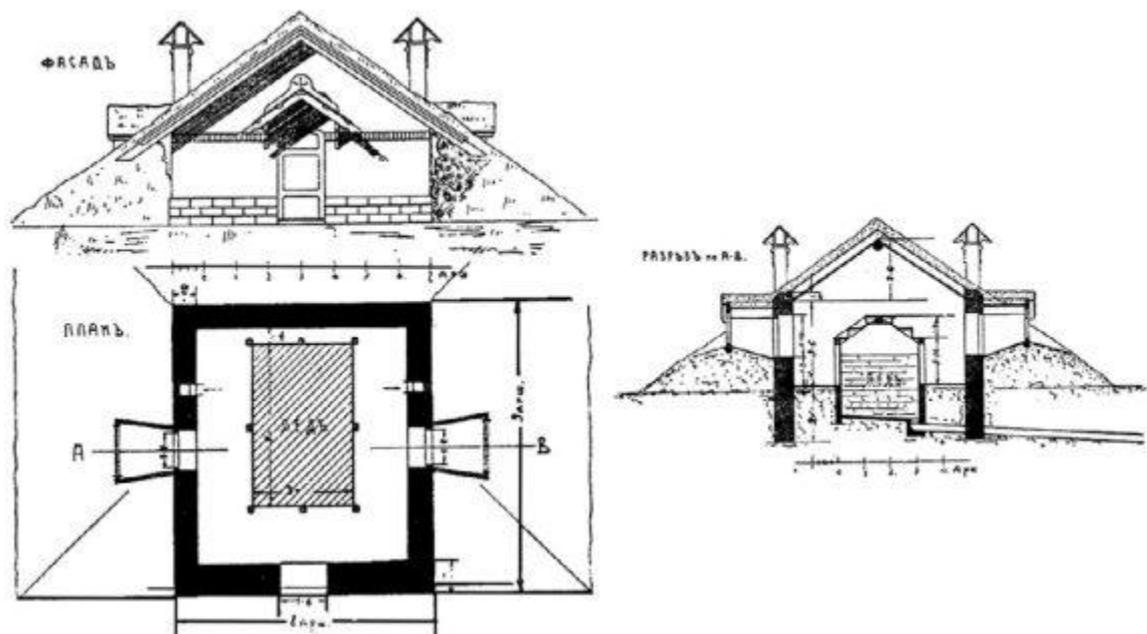
Погреб

В ледниках сохраняемые в них продукты клали обычно прямо на лед, покрытый сверху соломой или рогожей. Естественно, что подстилка и даже поверхность льда плесневели, приобретали затхлый запах, передававшийся продуктам, особенно молоку.

Плесень переходила на стены, плесневый грибок вращал в дерево сруба, и зимой, когда погреб без льда, плесень белыми нитями покрывала всю яму, не исключая и потолка.

Чтобы избавиться от плесени, погреба или просушивали, или промораживали, но это не всегда было возможно, так как погреба и подвалы в зимнее время занимали запасы картофеля и овощей, а весной они снова оказывались набитыми льдом.

Иногда единственным способом избавиться от плесени и затхлости становилась общая дезинфекция погреба. Дезинфекция производилась так: из погреба или подвала выносили все металлические предметы и посуду, а деревянные бочки плотно закрывали. Лежащие в погребе корнеплоды засыпали песком.

Проект надземного каменного погребя.

Из альбома проектов Г.М. Судейкина, 1916 г.

Посреди погребя ставили фаянсовый сосуд с насыпанным в него 1 килограммом соли, а если погреб крупный, то и больше, и поливали соль таким же по весу количеством серной кислоты. Затем из погребя немедленно уходили, плотно закрыв вход и укупорив все щели. Через несколько часов погреб открывали и, после выхода паров, вытирали стены и потолок, вычищали пол. Воздух в погребе после такой дезинфекции становился чистым и плесень долго не заводилась.

* * *

Однако в реальности для подавляющего большинства петербуржцев проблема была вовсе не в том, что блестят или нет у них полы, а в элементарном отсутствии воды, за которую надо платить водовозу; в невозможности залить кипятком кишачих насекомых по чисто экономическим причинам – приготовление кипятка требовало дров, а за пользование хозяйской дровяной плитой брали отдельную плату, ее растапливали традиционно, один раз в день, и чтобы лишний раз вскипятить воду, требовались лишние дрова. Часто даже кипяток для чая покупали с утра у разносчика.

Но не только беднейшее население не могло поддерживать чистоту своего жилища. «Часто, входя в переднюю хорошего дома, вы находите ее грязною, безобразною, в беспорядке, и здесь уже запах ламп, кухни неприятно поражает ваше обоняние. Вы удивитесь, видя, напротив того, в приемных отличный порядок, приятную чистоту, лоск, свежесть всех предметов. В другом доме вы тотчас заметите, что прекрасный обед сервирован на чрезвычайно дурной посуде или обратно; в другом – при роскоши всех принадлежностей вам бросится в глаза худо одетая, неисправная, хотя многочисленная прислуга».

При чтении этих строк «Панорамы Санкт-Петербурга» вспоминается описание жизни родителей А.С. Пушкина – Сергея Львовича и Надежды Осиповны, данное Модестом

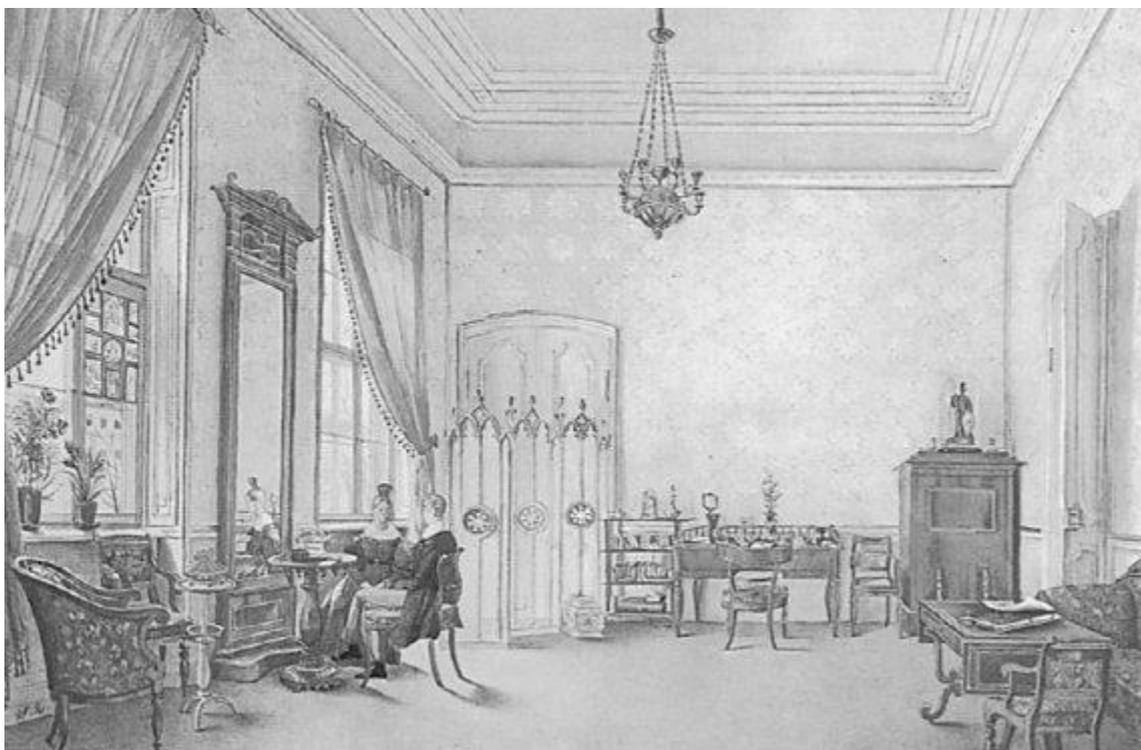
Корфом: «Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой – пустые стены, даже без стульев; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня; ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана».

Глава 17 Домашний уют

Интерьер квартиры доходного дома

Окраска потолков

Потолки долгое время просто белили мелом, разведенным в воде. Но по гигиеническим соображениям во второй половине XIX века их стали красить клеевой краской – в предварительно замоченный в воде мел добавляли столярный клей в жидком виде (800 г клея на 10 л воды). Это было дешево и практично, такие потолки можно было мыть.

Обычный прямолинейный потолочный карниз в гостиной.

Акварель неизвестного художника. 1830-е гг.

Фигурный лепной карниз и роспись потолка в гостиной.

Акварель Кольмана 1833 г.

Потолок всегда белили раньше, чем стены. Последний раз потолок крыли «к свету», то есть в направлении к окну, чтобы меньше виднелись кистевые штрихи.

По периметру потолок обязательно обрамлял прямой или фигурный лепной карниз.

В начале XIX века обоями покрывали не только стены, но и потолки, а в конце века даже полы, обрабатывая их специальным английским лаком, предохранявшим от протирания.

Окраска стен

Стены начали красить клеевыми красками с конца XVIII века. В раствор, сделанный как для потолка (см. выше), добавлялся краситель.

В последней трети XIX века получило распространение окрашивание стен масляными красками, они давали красивую блестящую поверхность. Краски изготавливались двух видов: густотертые и жидкотертые. Густотертые краски разводили олифой до консистенции, приемлемой для работы. Жидкотертые масляные краски стоили дороже, но зато они полностью готовы к употреблению. Масляными красками окрашивали оштукатуренные, деревянные и металлические поверхности. Деревянные полы и стены и оштукатуренные стены перед первым покрытием масляной краской грунтовали олифой.

Стены квартир жильцов со средним достатком оклеивались листами бумаги (иногда для экономии – старыми газетами, письмами, документами и пр.), а затем покрывались краской. Традиционно зал окрашивался желто-золотистым колером, гостиная – синим, будуар – зеленым.

Стены гостиной в городском доме окрашены клеевой краской.

С картины 1820-х гг.

В служебных помещениях квартир бумагу оставляли неокрашенной, отчего в просторечии эти помещения называли «бумажками».

Как пишет в своих воспоминаниях граф М.Д. Бутурлин («Русский архив», №№ 5–8 за 1897 год): «Обои были тогда (в первой четверти XIX века. – Е. Ю.) еще редко в ходу; у более зажиточных стены были окрашены желтой охрою». Стены комнат окрашивались в чистые цвета: лиловый, зеленый, синий всех оттенков, голубой, серый, «палевый», «перловый», «бланжевый» и т. д. Позже стали использовать и бумажные обои тех же расцветок, однотонные или рисунчатые – с орнаментами в виде розеток, звезд, полос из стилизованных листьев и т. п.

Лейкин, вспоминая свое детство в середине XIX века, проведенное в шестикомнатной купеческой квартире доходного дома, писал: «Комнаты были маленькие, окрашенные клеевой краской, с панелью другого цвета, и по стенам были выведены фризы, а в углах белых потолков намалеваны по трафарету какие-то цветные вазы. Бумажные обои тогда (в конце 1840-х гг.) только еще входили в моду и были очень редки и дороги».

Обои

И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве.

А. Ахматова. Северные элегии

Сначала обои делались тканевые, обычно – шелковые, хотя известны полотняные и хлопчатобумажные. В первой половине XVIII века в Петербурге во дворцах знати были обычны шелковые китайские обои с росписью. Такие же обои покрывали стены Летнего, Екатерингофского, Меншиковского дворцов.

Для более простых помещений использовали холст, его или белили, или пропитывали воском. В «Описи загородному двору, что на Фонтанке, Артемия Волынского» первой половины XVIII века сообщается, что большая часть комнат обиты полотном и выбелены. А зал «...по панели обит обоями вощанкою цветною».

Во второй половине XVIII века широко распространились штофные обои. У А.С. Пушкина в «Евгении Онегине» в доме у дяди «в гостиной штофные обои» (глава II).

Д. Благово в «Рассказах бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком» писал: «У бабушки и в доме все было по-старинному, как было в ее молодости, за пятьдесят лет тому назад (то есть в конце XVIII века. – Е. Ю.): где шпалеры штофные, а где и просто по холсту расписанные стены, печи из пестрых изразцов». К началу XIX века штофные обои и печи, украшенные пестрыми изразцами, уже вышли из моды.

Чрезвычайно редко встречались обои из кожи, так, в знаменитом доме С. Яковлева «в большой зале стены были обтянуты кожаными обоями, расписанными масляными красками».

Реклама. Начало XX в.

Позже появились бумажные обои. Первое упоминание об их использовании относится к 1761 году: «И тот покой, где будет подъемный стул, обить бумажными обоями» (здесь речь идет о помещении с «лифтом» в Зимнем дворце).

Производство бумажных обоев на мануфактурах появилось во второй половине XVIII века. Обои склеивали из отдельных листов бумаги, а затем вручную наносилась краска. В России промышленное изготовление бумажных обоев впервые началось в 1817 году на Императорской обойной фабрике, возведенной по проекту архитектора Ю.М. Фельтена и С.П. Берникова на восточной окраине Ропшинского парка, на берегу Фабричного пруда. В 1822 году фабрика переехала в Царское Село, в здание Фабрики ассигнационных бумаг, построенное по проекту Ч. Камерона вдоль Купальных прудов. Фабрику закрыли в 1869 году. До нашего времени эти постройки дошли практически без изменений.

Наряду с Императорской обойной фабрикой с 1820-х годов существовали и частные фабрики, к середине века их было уже 7.

С изобретением непрерывной бумагоделательной машины появились рулонные обои. Сначала бумажные рулоны привозили из-за границы, а с начала 1820-х годов их стали производить на Петергофской фабрике.

Изобретенная в Англии Пальмером в 1823 году обойнопечатная машина появилась в России в начале 1850-х годах.

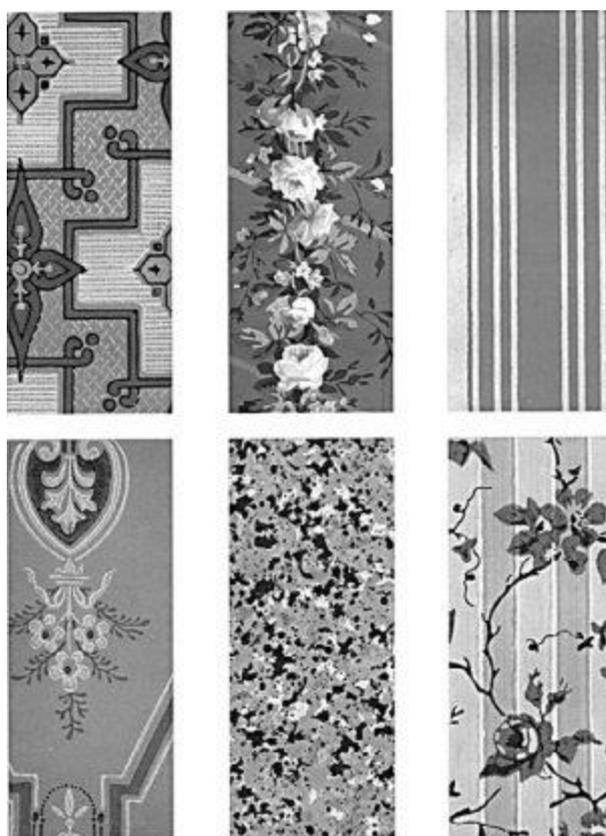
Самые простые и дешевые обои изготавливались одноцветными – бумажная основа просто грунтовалась, вот обои и готовы. На более дорогие обои наносился узор вручную при помощи деревянных печатных досок, их количество равнялось числу использованных цветов и оттенков, доходившему до нескольких сотен.

С появлением обойно-печатной машины максимальное используемое количество красок уменьшилось до 30, обычно же применялось 4–6 красок вместо нескольких сотен при ручной окраске.

Обои, предназначенные для парадных помещений, еще золотили и серебрили настоящими драгоценными металлами вручную и покрывали масляным лаком. При помощи пресса делались тисненые или рельефные обои.

Самыми дорогими считались «насыпные» обои. На бумажную основу по трафарету наносили клеем узор и посыпали его мелкими разноцветными шерстяными ворсинками. Получался выпуклый бархатистый узор.

Для защиты от влаги и грязи обои лакировали японским растительным лаком. Такие водонепроницаемые обои появились в 1840-х годах. Делались даже несгораемые обои, их пропитывали фосфорно-аммиачной смесью и квасцами еще до нанесения краски.

Образцы обоев. Начало XX в.

Обои могли служить по 30–40 лет, не тускнели, не выгорали, не осыпались. Естественно, в «барских» квартирах их переклеивали чаще, в зависимости от меняющейся моды.

В 1830 году «Северная пчела» восторженно сообщала, что на обоях «подражание шелковым тканям, сукну, гобеленам столь натурально, что надобен опытный глаз, чтобы не обмануться с первого взгляда. Ничто так не наряжает комнаты, как эти обои, на которых изображены живые цветы с необыкновенным искусством и богатые узоры превосходных очерков. Золото и серебро кажутся шитьем... Эти обои можно наклеить и на каменные стены в городских домах, вместо живописи, и преимущество то, что краски не тускнеют... При всей своей красоте обои отменно дешевы».

К середине XIX века в Петербурге имелось 12 обойных магазинов, в них торговали «по весьма умеренным ценам – обои от 5 до 25 руб. за кусок; бордюры – от 10 до 30 руб. за кусок». В то время отделка одной комнаты высококачественными фабричными обоями, отечественными или импортными, стоила от 200 до 300 руб.

Обычная ширина обоев равнялась 47 см. Длина рулона была различной – в Петербурге чаще всего 11–12 аршин.

К концу XIX века уже в 33 магазинах можно было купить обои по следующим ценам за рулон: «бумажные» (негрунтованные) – по 9 коп., «грунтовые» – по 20 коп., «глянцевитые» – по 25 коп., «тисненные» – по 85 коп.

Предварительный итог начального распространения обоев подвела промышленная выставка в 1849 году: «Усовершенствованы технические порядки и удешевление изделий не только Царскосельской, но и ряда частных фабрик, привели к тому, что обои всех видов широко проникли в быт... В окрестностях Петербурга даже крестьянские избы оклеены ныне обоями, как прежде бывало в городских домах... Вот отрасль промышленности, вполне заслуживающая своей цели».

Наклеивать обои старались только на сухие стены, иначе они отставали. Но в Петербурге при высокой влажности это не всегда удавалось. Вот как А. Вербицкая описывала в 1899 году комнату, которую снимали за 20 рублей трое студентов в рассказе «Репетитор»: «Комната была в одно окно. Безобразные расплывшиеся пятна сырости покрывали сплошь всю стену. Обои отстали, кое-где были сорваны. Плесень затянула углы на подоконниках».

В XIX веке сложилась система оклейки, используемая до настоящего времени. Штукатурку намазывали горячим жидким раствором клея, наклеивали газеты и по ним при помощи холодного крахмального или мучного клейстеров с добавкой клея наклеивали обои.

Приведу рекомендации по применению обоев из старинных книг по домоводству. Кое-какие из них не устарели и по сию пору.

Оклеивая квартиру из нескольких комнат, обои рекомендовалось подбирать по цвету так, чтобы избежать как однообразия, так и резких контрастов: не сочетать очень темные и очень светлые, очень блеклые и предельно яркие, а также противоположные цвета – такие, как желтый и синий, зеленый и красный.

При выборе обоев следовало принимать во внимание светостойкость их красок. Голубые и синие обои под действием света быстро выгорают. Надо также помнить, что синие обои в темных помещениях «седеют», приобретают сероватый оттенок.

Оклеивать стены можно от потолка до пола одинаковыми обоями или обоями двух видов. В последнем случае одними обоями оклеивалось примерно три четверти стены, другими – в виде широкого бордюра – ее верхняя часть. При таком способе оклейки, пригодном лишь для высоких помещений, для нижней части стены обычно брались сетчатые, полосатые или с мелким рисунком обои, а для бордюра – с крупным цветочным рисунком.

Если обои не примыкали к лепному карнизу, то по верхнему краю их наклеивали бордюр. Цвет его должен хорошо сочетаться с цветом обоев. Вместо бумажного бордюра можно применить деревянный багет – узкие полированные, лакированные, покрытые бронзой, гладкие или рельефные рейки.

Как рекомендовалось в многочисленных книгах по домоводству, «коричневая мебель хорошо сочетается с голубыми, синими, зелеными, серыми, а также оранжевыми, бежевыми и светло-коричневыми обоями; светлая, желтая мебель (дуб, ясень, карельская береза) – с бежевыми, коричневыми, оранжевыми, розовыми, желтовато-зеленоватыми, фиштакковыми; серая мебель – с зеленоватыми и голубыми; белая – с палевыми, розовыми, зеленоватыми, голубыми, серыми; мебель красного дерева – с синими, голубыми, зелеными, палевыми, золотистыми обоями». Чем больше в комнате находилось предметов убранства, тем «спокойнее» должны быть цвет и рисунок обоев.

Меблировка и обстановка комнат

Начало XIX века. Влияние классицизма

В первых десятилетиях XIX века карельская береза и близкий к ней по цвету древесины тополь стали основными подделочными материалами при изготовлении мебели. Чтобы подчеркнуть красоту текстуры дерева и формы предметов, часто вводили отделку в виде узких полосок черного дерева, в такой же цвет окрашивались и резные украшения.

В 1820-е годы вошла в моду мебель, окрашенная в белый цвет, с резными золочеными украшениями, с которой нарядно контрастировали яркие шелковые ткани обивки мебели и стен, а также драпировок.

В простенках между окнами висели зеркала, под ними маленькие декоративные столики, иногда – ломберные. У противоположной стены, под портретами, обычно стоял огромный, с деревянными спинкой и подлокотниками диван красного дерева. Очень редко, это был уже признак роскоши, – набитый пухом диван, а обычно, как вспоминал граф М.Д. Бугурлин: «По обеим сторонам дивана симметрически выходили два ряда неуклюжих кресел. Вся эта мебель была набита как бы ореховой шелухой и покрыта белым коленкором, как бы чехлами для сбережения под ней материи. Мягкой мебели и в помине тогда (в начале XIX века. – *Е. Ю.*) не было... В углу этажерка с лучшим хозяйским чайным сервизом, затейливыми дедушкиными бокалами, фарфоровыми куколками и подобными безделушками». В гостиных обычными предметами были музыкальные инструменты.

Гостиная в ампирном стиле, украшенная «античными» предметами. Акварель Ф.П. Толстого. 1830-е гг.

К середине XIX века на смену полупустым, чопорным ампирным гостиным с симметрично расставленной вдоль стен мебелью появились тесные от множества предметов гостиные в стиле эклектики.

Подробное описание типичного петербургского дома 1830-х годов дал беллетрист первой половины XIX века Николай Андреев. В 1838 году вышла его книга «Повести и рассказы». В повести «Ликарион», герой ее Ликарион Линский – изысканный столичный модник, дается описание его дома: «Во всем доме Ликариона пол был паркет, и дубовые рамы окон с медными треугольниками держали три больших стекла. Стены украшались французскими обоями, натянутыми на рамы, равные простенку. В зале обои были самого нежного абрикосового цвета, в гостиной – голубого, в диванной – светло-фиолетового, а в кабинете – зеленого цвета с розовыми полосками. Плафоны расписывались модными живописцами, а карнизы облинованы были золотом.

Клеенка Чурсиновой фабрики, на которую можно только смотреть, но жалко по ней ходить, – тянулась от передней до чайной комнаты. Маленькие ширмы в готическом вкусе расставлены были по окошкам вместе с цветами разных родов в фарфоровых горшках. Шторы, сделанные из тонкого коленкора и вышитые на концах, защищали мебель и драпировку от лучей солнца. Буфет немецкой работы из красного дерева, сделанный в виде огромного шкафа для столового белья, английской посуды и орловского хрусталя, помещался в зале, которой стены обставлены были двумя дюжинами плетеных стульев. На стене висели большие часы с приятной музыкой... Два ломберных стола красного же дерева, два бюста и люстра с девятью восковыми свечами. Вот убранство первой комнаты.

В гостиной мебель состояла из дивана, трех больших зеркал, дюжины кресел, двух подножек и трех столов, сделанных из черного дерева и украшенных резьбой и золотом. На овальном столе стояла лампа с полушаром, две мраморные вазы на столах с

малахитовыми досками, две этажерки с фарфором и серебром, бронзовые парижские часы и два жирандоля на пьедесталах, люстра и стенные подсвечники с разноцветными свечами, три картины в богатых рамах, далее турецкий ковер. Такое эстетическое достоинство имела гостиная.

Третья комната, примыкающая к гостиной, называется у нас в России диванной: она получила название свое с отдаленного времени. Эта комната всегда напоминает слова из стихотворения И.И. Дмитриева «Модная жена»:

И эта выдумка диванов
По чести, месть нам от султанов...

Белую тканью с разбросанными на ней синими цветочками обит был сплошной диван, сделанный на пружине и охватывающий все стены комнаты мягкой упругостью и эластическим свойством, он покоил тело вместе с душою. И здесь по стенам развешаны были картины в бумажных рамках, гравированные в Париже и Вене. Окна драпированы были белую полосатую кисею. На небольших двух столиках сандалового дерева, придвинутых к дивану, лежали журналы... Лампа с матовым стеклом, висевшая на середине комнаты, разливала свет слабый, почти тусклый».

Не менее нарядно были обставлены и другие комнаты дома – кабинет, спальня и т. д. В этих комнатах упоминаются: бюро, камин с экраном, вольтеровское кресло, рояль, трюмо, кровать между двух колонн, заставленная изящными ширмами, и стол для туалета.

Стены гостиных украшались парадными портретами хозяев в массивных рамах. У А.С. Пушкина: «Царей портреты на стенах» («Евгений Онегин», глава II), но это в наших изданиях, а в прижизненных изданиях: «Портреты дедов на стенах», что было более узнаваемо современниками.

В парадных помещениях развешивалось множество зеркал, обычно напротив друг друга, – они зрительно увеличивали помещения и свет свечей, многократно отражаясь в зеркалах, делали его светлее. Чтобы на зеркалах не появлялись пятна, их рекомендовалось предохранять от прямого попадания солнечных лучей. Нельзя также было устанавливать зеркала близко к печам, поскольку слой ртути, покрывавший тыльную поверхность зеркала, от тепла становился влажным и улетучивался, а на зеркале появлялись пятна или прозрачные места.

Личные комнаты обставлялись более просто. Их стены красились, а позже оклеивались бумажными обоями. Украшались комнаты гравюрами или акварелями, вставленными под стекло в рамки из красного дерева или карельской березы. Печи из простых (нефигурных) белых изразцов с синим или зелено-лиловым рисунком придавали своеобразную красоту этим небольшим комнатам. По своему характеру бытовая мебель личных комнат – шкафы, комоды, диваны, столы, туалеты, ширмы, разнообразные кресла и стулья – была строже и проще, чем в парадных комнатах. С учетом высоты личных комнат мебель для них делали более низкую. Довольно широкое распространение в начале XIX века в убранстве жилых помещений дома получает мебель из красного дерева, строгих форм, отделанная полосками рифленой латуни и такими же розетками. Она начала входить в обиход еще в 90-е годы XVIII века.

Особенно типичны для нее кресла и стулья легкой конструкции, с решетчатыми спинками из вертикальных или перекрещивающихся планок, получившие название мебели в стиле «Жакоб» – по имени знаменитого французского мебельщика (хотя тот не имеет к ней никакого отношения).

Интерьер гостиной с картины П.И. Федотова «Разборчивая невеста». 1847 г.

Наряду с мебелью красного дерева с решетчатыми спинками в начале XIX века в жилых комнатах встречалась мебель простых форм, окрашенная масляной краской, с мягкими или с плетеными сиденьями. Иногда подобная мебель украшалась незатейливой росписью в виде цветных полосок, небольших букетиков или орнаментальными виньетками.

Такие жилые интерьеры любили изображать художники бытового жанра второй четверти XIX века: А.Г. Венецианов, П.А. Федотов, Ф.П. Толстой, А.А. Алексеев и другие, и вы наверняка видели работы этих мастеров.

Середина XIX века. Элементы эклектики

В середине XIX века «Руководства по проектированию и убранству жилых домов» начинают пропагандировать новые, модные художественные веяния, рекомендуя строить «во вкусах: римском, греческом, итальянском, английском, голландском, венецианском, готическом, китайском». Такое стилевое разнообразие рекомендуется, в частности, в альбоме «Новые комнатные декорации, или Образцы рисунков изящно отделанным комнатам», изданном в 1850 году. В нем представлены рисунки зала в «греческом вкусе», столовой и приемной – в «византийском», гостиной – в «новофранцузском», спальни – в «китайском», ванной – в «восточном», будуара – во «вкусе Помпадур», садового зала или зимнего сада – в «помпеянском стиле» и т. д.

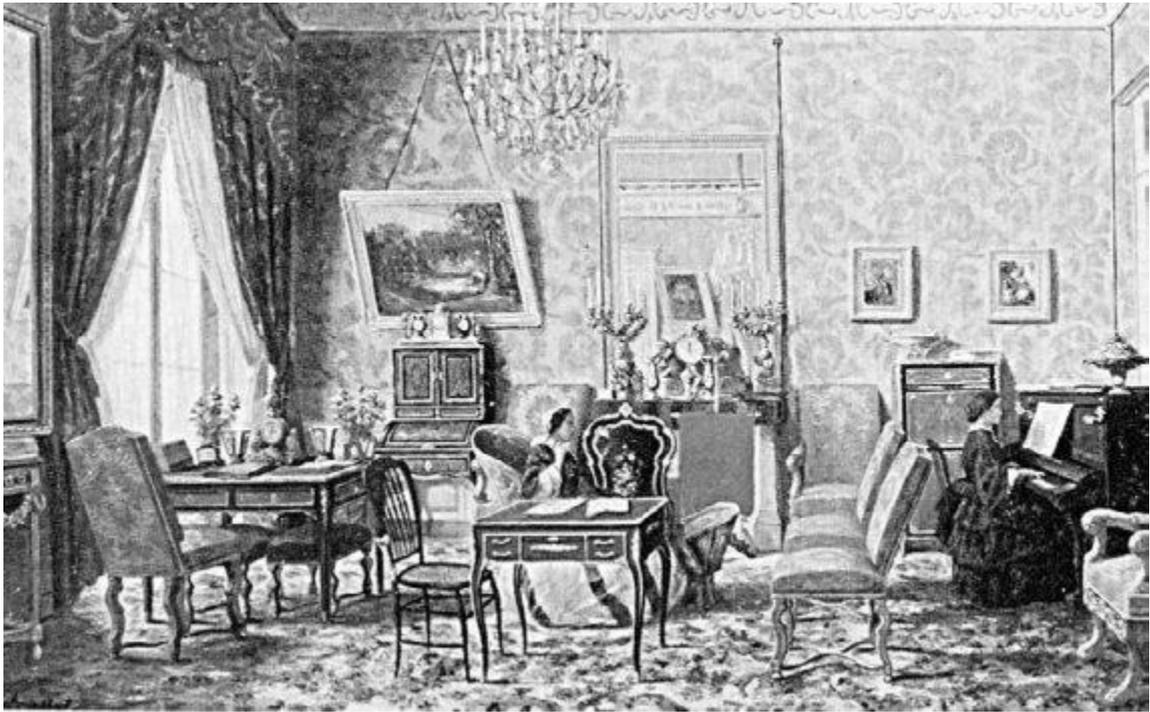

Неизвестный художник. Будуар с арабесками.

Вторая половина XIX в.

Убранство некоторых особняков и многокомнатных квартир доходных домов почти точно следовало этим рекомендациям. В них каждое помещение оформлялось в своем стиле. Это многообразие примененных разностилевых декоративных приемов получило название «эkleктик».

Вот как описывает М.Ю. Лермонтов в главе 1 романа «Княгиня Лиговская» кабинет Григория Александровича Печорина, наследника 3 тысяч душ: «Я опишу вам комнату, в которой мы находимся. Она была вместе и кабинет, и гостиная; и соединялась коридором с другой частью дома; светло-голубые французские обои покрывали ее стены... лоснящиеся дубовые двери с модными ручками и дубовые рамы окон показывали в хозяине человека порядочного. Драпировка над окнами была в китайском вкусе, а вечером или когда солнце ударяло в стекла, опускались пунцовые шторы, – противоположность резкая с цветом горницы, но показывающая какую-то любовь к странному, оригинальному.

Интерьер гостиной-кабинета. 1860-е гг.

(фрагмент картины Мюссе)

Против окна стоял письменный стол, покрытый кипю картинок, бумаг, книг, разных видов чернильниц и модных мелочей. По одну его сторону стоял высокий трельяж, увитый непроницаемою сеткой зеленого плюща, по другую – кресла, на которых теперь сидел Жорж...

На полу под ним разостлан был широкий ковер, разрисованный пестрыми арабесками; другой персидский ковер висел на стене, находящейся против окон, и на нем развешаны были пистолеты, два турецких ружья, черкесские шашки и кинжалы, подарки сослуживцев, погулявших когда-то за Балканом. Вдоль стен стояли широкие диваны, обитые шерстяным штофом пунцового цвета; одна-единственная картина привлекала взоры, она висела над дверьми, ведущими в спальню; она изображала неизвестное мужское лицо, писанное неизвестным русским художником».

На «мужской половине» дома, обычно меблированной более строго, была модна отделка в «восточном» стиле, его использовали при оборудовании кабинетов и курительных комнат. В обстановке комнат главным стали огромные диваны-оттоманки, обитые пестрыми коврами, с массой вышитых золотом и шелками подушек. Над ними на ковре размещалось восточное оружие: ружья, пистолеты, сабли и кинжалы, иногда и предметы восточного снаряжения. Эпоха кавказских и турецких войн породила интерес к подобному украшению. Восточное убранство комнат дополнялось коврами, восточными тканями, низкими кофейными столиками, приборами для курения – кальянами и длинными чубуками.

Если не было возможности оборудовать «восточную» комнату целиком, то ковер и хотя бы несколько предметов оружия на стене кабинета должны были напоминать о модном увлечении Востоком.

Н.А. Лейкин вспоминал комнату в купеческой квартире холостого дяди: «Помню, что у него в комнате висела даже гипсовая маска Пушкина, а под ней две рапиры крест-на-крест и маски для фехтования, хотя фехтованием у нас никто не занимался. Висела и турецкая пашка на стене. Рассказывали, что это оружие было оставлено дяде кем-то за долг. Комната эта была пропитана табаком настолько, что в ней даже мухи не могли жить. Дядя курил тогда табак Жукова из трубок на длинных чубуках, которых у него было много, и стояли они в углу в медном тазу. Комната была меблирована замечательно просто. Не было в ней ни ковра, ни драпировки. Дядя не имел даже кровати и спал на сафьяновом диване. Не было письменного стола, а в простенке стоял только карточный, или ломберный, стол, как тогда его называли, и на нем банка огнива, заживавшегося при нажатии пружины».

На этом примере мы видим, как мода украшать кабинеты турецким оружием из особняков аристократов проникала в жилище рядового горожанина.

Но мебель, модная в предыдущий период, никогда не выбрасывалась. Она или перемещалась в личные комнаты, уступая место в парадных помещениях для более модной обстановки, или же ее продавали, и купивший ее «по случаю» купец с гордостью обставлял ею парадные комнаты. Купец радовался, что «так задешево роскошно обставил гостиную, как у порядочных», то есть у дворян.

Н.А. Лейкин приводит описание типичной квартиры апраксинского купца 1850-х годов: «Тяжелая старая мебель почернелого красного дерева, с медными украшениями в виде полосок и розеток; кресла с лирами вместо спинок, пузатый комод на львиных лапах и горка со старинным серебром и аппетитными чашками с изображением птиц, генералов и криворотых барышень. На стене портреты хозяев – Ивана Михеевича и Аграфены Ивановны, снятые в молодых годах, да картины: Фауст играет в шахматы с Мефистофилем и неизбежный Петр Великий на Ладожском озере – на темно-зеленых волнах лодка с переломленной мачтой, которую придерживают два гребца. <...> Немного подалее висят часы, на циферблате которых фламандские крестьянин с крестьянкой».

Сам Лейкин, будучи ребенком, в середине XIX века жил в доходном доме на Владимирской улице, где его отец, торговавший в Гостином дворе, снимал квартиру из шести комнат: «Мебель была потемнелого красного дерева, мягкая, но не пружинная, потерянная и в чехлах. На окнах висели кисейные занавески, перед простеночными зеркалами на ломберных столах с бронзовыми ободками стояли подсвечники с никогда не заживавшимися восковыми свечами. Стеариновых свечей тогда не было, и жгли только сальные свечи, снимая нагар с их светилен щипцами. Восковые свечи перед большими праздниками всегда мыли с мылом, так как они до того засиживались мухами и покрывались копотью, что делались пестрыми».

Мебельщики

В креслах Гамбсова изделия,
Что дарятся на новоселья,
Дама знатная сидит...

И. Мятлев. Сенсации 2-жи Курдюковой

Генрих Гамбс приехал в Россию в конце XVIII века и всего через пять лет открыл собственное мебельное предприятие на Невском у Казанской церкви, а затем на Итальянской ул., 18. Мебель делалась в модных в то время стилях: классицизма и ампира. Фирма Гамбсов, которую после смерти основателя возглавили его сыновья, стала поставщиком императорского двора. С середины XIX века особую популярность получает стиль так называемого «второго рококо» (или «во вкусе Помпадур»).

Взяв за основу искусство Франции середины XVIII века, братья Гамбсы создали свой стиль: необычайное разнообразие форм диванов, кушеток, кресел и стульев, столов, этажерок, шкафчиков отличало эту темной тонировки ореховую мебель с легкой, сглаженного рельефа резьбой из «рокайлей», плоских листьев, цветов и плодов.

Мебель этой фирмы можно было увидеть в Зимнем дворце, во всех загородных царских резиденциях, в особняках вельмож: Шереметьевых, Строгановых, Бобринских и др. Большой мебельный магазин фирмы Гамбса на Итальянской улице с постоянной выставкой новых образцов стал одной из достопримечательностей Петербурга, его посещали обычно все приезжавшие в столицу. Вещи, купленные у Гамбса, – престижны и дорого ценились, их было принято преподносить в подарок в праздничные дни и на новоселье. Фирма на протяжении 60 лет XIX века являлась крупнейшей в Петербурге.

Наряду с братьями Гамбс в качестве поставщика модной обстановки выступала и другая не менее известная мастерская – Андрея Тура, специализировавшаяся также на выпуске ореховой мебели. Но из-за более дешевой цены изделий основные ее покупатели – дворянская интеллигенция и богатое купечество. Например, мебель от Андрея Тура украшала дом петербургских купцов Ковригиных на 6-й линии Васильевского острова.

Особую нарядность ореховой мебели придавали яркие обивки из пестрого «вошеного» ситца, вошедшего в моду в середине XIX века. Аналогичными тканями часто затягивались и стены комнат. С ними хорошо гармонировали пестрые шивные ковры машинной работы с крупным цветочным рисунком. В целом интерьер получался ярким и нарядным.

В последней четверти XIX века самыми известными были петербургские мебельные мастерские И. Андриевского, К. Гринберга, Н. Свирского, изготовлявшие «старинную» и «стильную» мебель. Однако славу самого дорогого и модного предприятия столицы имела фирма «Лизере». Ее большой мебельный магазин находился на Невском проспекте в доме № 1.

Одновременно получила широкое распространение «венская» мебель. Австрийский столяр-краснодеревец М. Тонет, создатель мебели из гнутого бука, основал фирму «Братья Тонет» в 1853 году. Необычайная легкость и прочность конструкции венской мебели завоевали ей мировое признание. Торговые представительства фирмы «Тонет» в Петербурге, Москве и Одессе способствовали широкой популярности этой мебели в России. Многочисленные образцы венской мебели, выпускавшиеся миллионными партиями, быстро распространились по всей России.

Магазин братьев Тонет на Невском проспекте. Фото начала XX в.

Вторая половина XIX века. Стремление к комфорту

Постепенно во второй половине XIX века эстетика оформления интерьера меняется – своеобразно понимаемый уют приводит к излишнему загромождению помещений вещами. Тяжелая мебель вычурных форм украшается пышной резьбой ренессансного характера. В мебели парадных комнат эта резьба покрывается позолотой. Наряду с красным деревом начинают широко применять другие породы – кедр, палисандр и др. Мебель и стены комнат покрываются яркими тканями с крупным рисунком – штофами, тисненым бархатом, плюшем. Особо были модны яркие штофы фабрик купцов Сапожниковых и Кондрашевых. Для стен использовали бумажные обои «под бархат», «под сукно» или «узорчатый штоф», выпускаемые обойными фабриками.

Гостиная в квартире директора Эрмитажа Д.И. Толстого.

Фото около 1912 г.

На смену тяжеловесной роскоши эклектики в последней трети XIX века парадные комнаты заполняются широко распространившейся мягкой мебелью (удобная, обитая пестрой материей, небольших размеров, без дерева, то есть без четко архитектурной структуры мебели ампира). Расстановкой мебели, многочисленными портьерами, ширмами, декоративными решетками пространство гостиной обычно разбивалось на несколько уютных уголков. Уют, но иногда и некоторую излишнюю пестроту, тесноту и тяжеловесность придавали гостиним обилие безделушек, статуэток, ваз с цветами, салфеток, тяжелых бархатных узорчатых скатертей, драпировок. Стены плотно увешивались небольшими в рамках гравюрами, картинами, фотографиями.

Растения в интерьере

К концу XVIII века стало модно иметь множество комнатных растений. Применялись различные способы их размещения в комнатах: расстановка отдельных деревьев и кустарников в кадках, напольные (часто угловые) многоярусные композиции из высокорослых и низкорослых видов, иногда включавшие крупные камни, размещение растений на стенах, окнах, в застекленных фонарях и эркерах. Разнообразные композиции из цветов устраивались в каминах в период, когда они не использовались. Иногда стена целиком облицовывалась «диким камнем», где в углублениях стояли замаскированные горшки с растениями. В обиход вошла специальная мебель: цветочные столики, этажерки-жардиньерки (от франц. *jardin* – сад), кресло «сиамские близнецы» (между двумя

креслами помещался куст или дерево), патэ из трех сидений с боковыми столиками и цветочниками посередине, круговой диван вокруг невысокой подставки для цветов, кресла и диваны, в спинку которых вставлялись вазоны для крупных растений, специальные трельяжные решетки для вьющихся растений. Вот описание жилища конца XIX века Л. Чарской в «Волшебной сказке»: «Квартира Анны Ивановны Поярцевой помещается в небольшом доме на Каменноостровском проспекте. Это действительно целый маленький дворец. Здесь есть „зеленая“ комната с тропическими растениями и зеленым же, похожим на пушистый газон, ковром. Но здесь это помещение еще менее напоминает комнату. Это – целый сад, иллюзию которого добавляют мраморные статуи и комнатный фонтан из душистой, пахнущей хвоей эссенции, освежающей комнату и поразительно напоминающей запах леса».

Заключение

Вот и завершилось наше путешествие по старому Петербургу. Надеюсь, что кто-то узнал для себя нечто новое, а для других было приятно вместе со мной вспомнить о давнишнем житье-бытье, остатки которого мы еще застали в детстве.

Бессмысленно сетовать, что это все это исчезает. Можно только порадоваться тому, что ушло в прошлое и зловонье на черных лестницах и выгребных ям во дворах, и страшный грохот тележных колес по булыжной мостовой, и другие ужасающие запахи и звуки старого Петербурга. Мы сейчас приходим в ужас от коммуналок, когда не родственные семьи живут в одной квартире, – но не в одной же комнате! А всего сто лет назад это было вполне возможно, за занавесками жило в комнате по четыре семьи с детьми и домочадцами. Да, более того, единицей аренды был не угол, даже не койка, а полкойки, или треть койки, когда работающие в разные смены по очереди спали на одной и той же кровати. Весь этот кошмар быстро забывается, уж так, к счастью, устроена человеческая память, а помнится очаровательный, гармоничный старинный Петербург. Да, безмерно жаль, что уходят в небытие интерьеры старинных барских квартир и ухоженные парадные лестницы.

Трудно бездумно радоваться и тем слишком быстрым изменениям внутреннего облика Петербурга, которые мы наблюдаем сегодня. Как говаривали древние китайские мудрецы: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен». А вот нам, к сожалению, пришлось... Но не все так печально. Некоторые нововведения просто превосходны, например, появление чудесно оформленных петербургских двориков, а ведь раньше это были обычные грязные хозяйственные дворы.

Некоторые новшества – исправление недавних ошибок, когда вдруг решили, что единицей собственности может быть квартира или даже комната, а теперь создают кондоминиумы – коллективные домовладения.

А что-то новое – просто хорошо забытое старое. До революции на парадных лестницах доходных домов дежурили швейцары, в привилегированных домах это сохранялось до 1950-х годов. Сейчас все больше появляется лестниц с консьержами, жаль только, что слово какое-то непривычное, чем швейцар не угодил? Может быть тем, что нет от этого слова женского рода, а домовая прислуга, раньше исключительно мужская, теперь в подавляющем большинстве женская, вот и «консьержка», не «швейцарка» же!

Конечно, до массового возрождения доходных домов еще дело не дошло, но наметилась тенденция приобретения жилья для его последующей сдачи внаем. Многие стали собственниками уже нескольких сдаваемых в аренду квартир, некоторые живут только на получаемые доходы от арендной платы. Есть уже выкупленные целые подъезды, но о выкупленных домах целиком что-то пока не слышно. Хотя, думаю, это вопрос времени. Мы стоим у начала новой эпохи доходных домов.

Вот на такой оптимистичной ноте мне хочется закончить эту книгу.

Обзор литературы по теме книги

Первые попытки осмысления жилищных проблем XIX века и, в частности, доходных домов предпринимались еще современниками. Их работы отчетливо делятся на три направления: теоретические, фактографические и обличительно-демократические.

К теоретическим можно отнести монументальный труд приват-доцента Петербургского университета В.В. Святловского, который в своем пятитомном труде «Жилищный вопрос с экономической точки зрения», вышедшем в Санкт-Петербурге в 1902 году, первые два тома посвятил западно-европейскому жилищу, а последние два – российскому. Причем во втором и пятом томах он публикует источники: программы, уставы и доклады. Неоспорима заслуга В.В. Святловского в том, что его труд стал первым в России научным исследованием жилища. Что же касается петербургского жилища, то его автор рассматривает достаточно поверхностно в четвертом томе, всего на 16 страницах (с. 24–40). Также обобщающими являются работы харьковского исследователя М.Г. Диканского «Жилищная нужда и строительные товарищества» (Харьков, 1908 г.) и «Квартирный вопрос и социальные опыты его решения» (СПб., 1908 г., М., 1912 г.).

К фактографическим работам, в которых приводятся конкретные факты, статистические материалы и тому подобное, можно отнести статистический труд Ю.Ю. Гюбнера «Статистическое описание санитарного состояния г. Санкт-Петербурга в 1870 году» (СПб., 1870).

Из опубликованных обследований, проводимых полицейскими или городскими врачами, наиболее полное – «Город Санкт-Петербург с точки зрения медицинской полиции, составлено по распоряжению СПб градоначальника генерал-майора Н.В. Клейгельса врачами петербургской столичной полиции при участии и под редакцией старшего врача И. Еремеева», СПб., 1897. Здесь представлены бытовые условия всех частей Петербурга, обследовались и описывались жилищные условия и связанные с ними элементы городского благоустройства (водоснабжение, прачечные и портомойни, удаление экскрементов и мусора, уборка лестниц и улиц). При пользовании этим источником необходимо учитывать, что в поле зрения врачей прежде всего попадали жилища низших городских слоев: прислуги, ремесленников, рабочих. Поэтому представить полную панораму жилища Петербурга по данному источнику невозможно.

Работа Ф.Ф. Эрисмана «Подвальные жилища в Петербурге» опубликована в журнале «Архив судебной медицины» в книге 9 за 1871 год. Доклад М.И. Алтухова на заседании 3-го водопроводного съезда в г. Санкт-Петербурге в 1897 году «Водоснабжение г. Санкт-Петербурга (исторический очерк)» напечатан в журнале «Строитель» в 6-м номере за 1897

год. В это же время появился даже библиографический справочник Ю. Эрлиха «Указатель литературы по вопросу об удалении и обеззараживании нечистот» (СПб., 1885 г.).

Работы следующей группы писали авторы, принадлежавшие к демократическому лагерю, они видели основной своей задачей обличение тяжелого жилищного положения городских низов и привлечение внимания общественности к этой проблеме. Например, многочисленные работы врача М.И. Покровской Вопрос о дешевых квартирах для рабочего класса // Вестник Европы. – 1901. – № 7. – С. 16. О жилищах рабочего класса больших городов // Новое слово. 1894. Октябрь. О жилищах петербургских рабочих // Вестник общественной гигиены. – 1895. – Январь-март. Способы улучшения жилищ низшего класса петербургского населения // Новое слово. – 1895. – № 3. О жилищах рабочих петербургских пригородов // Вестник общественной гигиены.

1895. XXIX. Ч. 3. Влияние жилищ на здоровье, нравственность и материальное благосостояние людей // Мир Божий. 1896. № 11. Постоянные дешевые жилища или ночлежные дома // Новости.

1896. № 257–259. О влиянии жилища на здоровье, нравственность, счастье и материальное благосостояние людей. СПб., 1896. О жилищах петербургских рабочих // Русское богатство. 1897. № 6. С. 20. Канализация и улучшение жилищ // Новости. 1897.

№ 240. Санитарный надзор над жилищем и санитарные организация в различных государствах. СПб., 1897. О жилищах петербургских рабочих // Труды Международного Конгресса врачей в Москве. – 1897. Как отопляется петербургская беднота // Новое время. – 1900. – № 8104. Многоквартирные дома для рабочих // Новое время. – 1900. – № 8427. К вопросу об улучшении жилищ // Новое время. – 1900. – № 8593. Вопрос о дешевых квартирах для рабочего класса // Вестник Европы. – 1901. – № 7 – С. 16. Помощь бедному населению // Трудовая помощь. 1901. По подвалам, чердакам и угловым квартирам Петербурга. СПб., 1903.

Работы Н. Диатроптова «Подвалы Александровской части», «План Санкт-Петербурга в санитарном отношении» и «О санитарном состоянии Санкт-Петербурга», напечатанные в Петербурге в 1877 году, книги Л.Б. Бертенсона «К вопросу о жилищах рабочих» (СПб., 1897) и «К вопросу о жилых помещениях в России» (М., 1901), книга и статья А. Бинштока «Ночлежные приюты и постоянные двory в Санкт-Петербурге» и «К вопросу о жилищах рабочих», обе работы были опубликованы в Петербурге в 1897 году.

Следующий всплеск интереса к жилищной проблематике Петербурга пришелся на 1920-е годы – начало 1930-х годов. И это тоже был своего рода социальный заказ – сравнить жизнь рабочих до и после революции, в частности их жилищные условия. Впервые составлена библиография по жилищному вопросу – М.Р. Кац «Указатель книг и статей по жилищному вопросу, изданных на русском языке» (М., 1928 г.), где указана 61 работа (книги и статьи), из них о Петербурге 8 книг и 14 статей, и в разделе «Санитария и благоустройство» еще 10 названий о петербургском жилище. Были серьезные исследования, например, где анализировались данные переписи 1897 года – солидная, в 290 страниц, работа Е.О. Кабо «Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта» (М., 1928 г.), но чаще всего это были грубые агитки, статьи или небольшие, страниц на пятьдесят, брошюры.

Детально изучены строительные материалы. О кирпичном производстве писали Я.Н. Черняк «Очерки по истории кирпичного производства в России» (М., 1957 г.) и М.М. Мелкова в статье «Кирпичное производство» в «Три века Санкт-Петербурга, XIX век», в 3-й книге (СПб., 2004 г.). Много написано об облицовочных камнях. Л.Н. Григорьева и А.А. Заварзин «Камень в облицовке фасадов» (М., 1956), М.С. Зискинд «Декоративно-облицовочные камни» (1989 г.), А.Г. Булах и Н.Б. Абакумова «Каменное убранство центра Ленинграда» (Л., 1987 г.) и «Каменное убранство главных улиц Ленинграда» (Л., 1997), он же автор статей «Камень декоративный», «Горшечный камень», «Гранит» в «Три века Санкт-Петербурга, XIX век» во 2-й и 3-й книгах (СПб., 2003–2004).

Петербургское жилище подробно исследовано и с архитектурной точки зрения. Чаще всего эти исследования посвящены архитектурным стилям: Б.М. Кириков «Архитектура Петербурга конца XIX – начала XX века» (СПб., 2006) и «Архитектура Петербургского модерна. Особняки и доходные дома» (СПб., 2008); А.Л. Пунин «Архитектура Петербурга середины XIX века» (Л., 1990) и «Архитектурные памятники Петербурга (вторая половина XIX века)» (Л., 1981). В них целые главы посвящены жилищу: доходным домам, особнякам и дачам, где основное внимание обращается на стили архитектурного оформления фасадов и только вскользь упоминается о планировке.

Более значимы для нас исследования Е.И. Кириченко, чья диссертация посвящена доходным домам – «История развития многоквартирного жилого дома с XVIII по начало XX века» (М., 1964) и две ее статьи «Доходные жилые дома Москвы и Петербурга (1770-1830-е годы)» («Архитектурное наследство». М., 1962, Т. 14) и «О некоторых особенностях эволюции городских многоквартирных домов второй половины XIX – начала XX вв.» (там же, 1963, Т. 15).

Сейчас массово выходят в различных издательствах книги, описывающие каждое здание, в том числе и доходные дома, какой-либо улицы или района.

Российские историки только в самом конце XX века на волне перестройки занялись бытовой историей, или историей повседневности. В контексте бытовой истории началось изучение жилища.

Конкретно по интересующей нас теме о доходных домах была написана дипломная работа студенткой А.А. Истоминой и опубликованы ее тезисы «Проблема доходных домов в 90-е годы XIX века» в сборнике «Герценовские чтения» за 1998 год, а в 2003 году в «Три века Санкт-Петербурга, XIX век» во 2-й книге – статья «Доходные дома». В этой же энциклопедии интересна также статья Ю.Н. Кружнова «Квартиры».

Защищена в 1997 году диссертация Ю.А. Яковлевой «Регулирование рынка жилья в России в конце XIX – начале XX вв.». Интересна небольшая статья А.Б. Лярского «О квартире петербургского интеллигента в начале XX века» в сборнике «История русского быта» (СПб., 1999).

Искусствоведы хорошо изучили петербургский интерьер. Труд И.А. Бартенева и В.Н. Батажковой «Русский интерьер XVIII–XIX вв.» издавался в Ленинграде дважды: в 1977 и 1984 годах. Содержателен раздел «Интерьер» в книге «Русская художественная культура второй половины XIX века», написанный И.А. Евсиной (М., 1988). В 1992 году защищена диссертация О.Б. Струговой «Русский жилой интерьер конца XIX – начала XX вв.». В 1993 году выпущен учебник Н.Н. Розановой «История русского жилого интерьера с

древнейших времен до XX в.» Интересно эрмитажное издание «Художественное изображение русского интерьера XIX в.» (Л., 1986).

Отдельные элементы оформления интерьеров нашли свое отражение в следующих изданиях: Е.Ю. Иванов «Каталог-путеводитель по витражам Санкт-Петербурга (период до 1917 года). СПб., 2001; статья Е.И. Жерихиной «Витражи» в 1-й книге и статья А.П. Керзума «Обои и обойное производство» в 4-й книге «Три века Санкт-Петербурга, XIX век» (СПб., 2003, 2006); И.К. Ботт, М.И. Канева «Русская мебель (История. Стили. Мастера.); И.О. Сычева «Русские светильники эпохи классицизма» (СПб., 2003) и его же статьи «Настольная лампа: от Карселя до Тифани» в журнале «Частная архитектура» № 17 за 1997 год и «Освещение» в 4-й книге «Три века Санкт-Петербурга, XIX век» (СПб., 2006).

Мною опубликован ряд статей: «Благоустройство петербургского жилища в конце XIX века» в журнале «История Петербурга» № 1 за 2001 г.; «Проблемы петербургского жилища конца XIX века, отраженные в сознании современников (к постановке проблемы)» и «Специальная пресса и общественное мнение по квартирному вопросу в Петербурге в конце XIX века» в «Русском либеральном журнале Peter-Club www.peter-club.spb.ru архив раздела «1703–2003» – Быт горожан; «Музей рабочего жилища второй половины XIX века – первой половины XX века» в «Этнографическом обозрении» № 6 за 2002 г.; «Петербургское жилище в конце XIX века» в журнале «Родина» № 1 за 2003 г. Статья «Функциональное использование городского жилища (на материалах Петербурга конца XIX века)» в итоговом сборнике статей за 1974–2000 годы «Этнография Петербурга – Ленинграда». Ряд статей: «Вентиляция», «Водоснабжение», «Гостиницы», «Дачи», «Дворы», «Домовладельцы», «Жилище», «Лестницы», «Лифты», «Мусор бытовой», «Отхожие места», «Отопление», «Подвалы», «Прислуга» в «Три века Санкт-Петербурга, XIX век» в 1 —5-й книгах (СПб., 2003–2006 гг.).

В 2004 году в Институте истории мною была защищена диссертация «Жилище как элемент бытовой культуры городского населения (на материалах Петербурга конца XIX века)». Материалы диссертации легли в основу этой книги.